

КАЗАХСТАН-СПЕКТР
аналитические исследования

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** М.С. Ашимбаев,
Директор Института

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100, Алматы,
проспект Достык 87-6, Казахстанский
институт стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04 Факс:(3272)64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

**Ответственный
за выпуск:** Илеуова Г.Т.

Корректор: Шестакова Н.И.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство № 644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в научно-издательском доме "Акыл Китабы".
г.Алматы, ул. Валиханова, 5

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2001 г.

БЫЛЫМИ ЗАЛ
НАУЧНЫЙ ЗАЛ

КАЗАХСТАН-СПЕКТР
№ 3 (17), 2001

Содержание номера

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН

- Лаумулин М.Т., Сейфуллина Т.А.* Интересы и политика Европейского Союза
в Центральной Азии и Каспийском регионе 3
Фридман Л.А., Видясова М.Ф. Страны Центральной Азии в современном мире
(окончание) 14

ГЕОПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ерекешева Л.Г.* Роль научно-информационного фактора
в экономическом развитии Индии 21
Жусипов Б.С. Формирование эффективной геополитической
безопасности Казахстана 24

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

- Умбеталиева Т.Б.* Явление трайбализма в Казахстане 35
Дьяченко С.А. О некоторых особенностях
политической модернизации Казахстана 47
Мустафаев Н.И. Тенденции развития молодежи Казахстана 50
Калашишкова Н.П. Правовая и социальная защита молодежи:
пути становления ювенальной службы в Казахстане 59

ЭКОНОМИКА

- Тулепбаев К.М.* Казахстанская пенсионная реформа:
проблемы, противоречия, перспективы 62
Смирнов С.Л. Топливно-энергетический комплекс Казахстана:
состояние, проблемы, решения (начало) 71
Жалимбетова Р. Б. Миграционные процессы и некоторые аспекты социальной
безопасности в государствах-участниках Евразийского экономического сообщества 85

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

- Ашимбаев М.С.* Особенности политического транзита
в посттоталитарных странах 94
Биржанова Ж.А. Современные психологические методы
влияния на человеческое сознание 104
Халабузарь О.П. Public Relations и пропаганда: отличие и сходство 109

РЕЦЕНЗИИ

- Лаумулин М.Т.* Рецензия на работу
«Центральная Азия и новая глобальная экономика» под ред. Б. Румера 113

SUMMARY 116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 120

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #3 (2001)

CONTENT

CENTRAL ASIAN REGION

- M. Laumulin, T. Seifullina.* The Interests and Politics of the European Union in Central Asia and Caspian Region..... 3
- L. Fridman, M. Vidyasova.* Countries of Central Asia in the modern world (Conclusion)..... 14

GEOPOLITICS. INTERNATIONAL RELATIONS

- L. Yerekesheva.* The Role of Information Technologies in the Economic Development of India..... 21
- B. Zhusipov.* Formation of effective geopolitical security of Kazakhstan..... 24

INTERNAL POLICY

- T. Umbetaliyeva.* Tribalism in Kazakhstan..... 35
- S. D'yachenko.* About some Kazakhstani political modernization peculiarities..... 47
- N. Mustafaev.* Youth development tendencies in Kazakhstan..... 50
- N. Kalashnikova.* Law and social protection of the youth: ways of Juvenal service in Kazakhstan..... 59

ECONOMICS

- K. Tulepbaev.* The pension reform of Kazakhstan: problems, contradictions, perspectives..... 62
- S. Smirnov.* Fuel and energy complex of Kazakhstan: current situation, problems, and solutions..... 71
- R. Zhalimbetova.* Migration processes and some aspects of social security in countries Eurasian Economic Community..... 85

THEORETICAL WORKING

- M. Ashimbayev.* Peculiarities of political transit in post totalitarian countries..... 94
- J. Birzhanova.* Modern psychological methods of influencing on human consciousness..... 104
- O. Khalabuzar.* Public Relations both propagation: difference and likeness..... 109

REVIEW

- M. Laumulin.* «Review on Central Asia and new global economy» edited by B. Rumer..... 113

SUMMARY

- 116

CONTRIBUTORS

- 120

ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Лаумулин М.Т., Сейфуллина Т.А.

Политика Европейского Союза в отношении Центральной Азии в 1990-е гг. формировалась под влиянием новой геополитической ситуации, сложившейся в результате распада Варшавского блока, а затем СССР в 1991 г. ЕС стал ближайшим к нестабильному восточному пространству и крупнейшим экономическим и геополитическим центром силы. В новых условиях ЕС и Запад в целом предприняли целенаправленные меры по распространению своего влияния на бывшие социалистические страны. Это в первую очередь такие шаги, как расширение НАТО и ЕС на восток.

Европейский Союз предпринял также экстраординарные шаги по стабилизации СНГ: крупномасштабные программы экономической помощи (ТАСИС) и укрепление режима ОБСЕ. В то же время, распад Советского Союза привел к созданию уникальной ситуации, позволявшей ЕС играть новую геополитическую роль. Таким образом, отношения между ЕС и Центральной Азией формировались под влиянием этой новой и уникальной геополитической ситуации. С другой стороны, распространение европейского влияния на Центральную Азию ограничивалось рядом объективных и субъективных факторов: усиленной помощью странам Центральной и Восточной Европы, которая отвлекала силы и средства ЕС; конфликтами в Юго-Восточной Европе; расширением НАТО; активным проникновением США в Каспийский регион; борьбой за влияние в Центральной Азии между США, Россией, Китаем и исламским миром.

На первом этапе (1990-1994 гг.) стратегия ЕС в отношении Центральной Азии строилась с учетом достижения тактических политических целей: стабилизации постсоветского пространства, оказания экстренной экономической помощи, поощрения плюрализма, демократии и рыночных отношений. Эти цели достигались как пу-

тем прямой экономической помощи, так и посредством оказания политического давления через международные и европейские организации и институты (ОБСЕ, Совет Европы, Европарламент, Европейская комиссия, Комиссарнат ООН по беженцам и т.д.). Главным инструментом политики ЕС было подписание соглашений о сотрудничестве и партнерстве с постсоветскими государствами, которые должны были formalizovat политические и экономические связи с Европой. [1]

На втором этапе (1994-1998 гг.) в ЕС возобладало разочарование результатами европейской политики в отношении СНГ и Центральной Азии. Стало очевидно, что постсоветские государства в основном еще далеки от стандартов представительной демократии и рыночной экономики. Более того, к концу 1990-х гг. четко обозначилась угроза дестабилизации Центральной Азии ввиду обострения социальных отношений и резко возросшей угрозы со стороны исламского юга. В то же время, на этом этапе пришло более отчетливое понимание геополитических интересов Евросоюза, которые связаны с общей геополитической стабильностью в Центральной Евразии. Тем самым, к концу века в политических кругах ЕС и, прежде всего, в Германии, наметилась тенденция к расширению геополитического влияния ЕС дальше на восток. Фактически, ЕС начал рассматривать пределы своих будущих геополитических интересов в пределах официальной сферы действия ОБСЕ, то есть вплоть до границ Центральной Азии с Афганистаном, Ираном и Китаем. [2]

Третий этап, в который в настоящее время вступают отношения между ЕС и Центральной Азией, развивается под влиянием трех основных факторов: дальнейшего расширения ЕС на восток, распространения влияния Евросоюза на постсоветское про-

странство в Восточной Европе и проведения единой европейской внешней политики и политики в области безопасности. [3] Таким образом, в ближайшие годы следует ожидать проведения более активной европейской политики в отношении обширного пространства Кавказа, Каспийского моря и Центральной Азии. При этом следует учитывать, что по-прежнему будут действовать другие геополитические факторы и будет продолжаться борьба за влияние в регионе между остальными крупнейшими игроками: США, Россией, Китаем и исламским миром. Все это делает прогноз развития европейско-центральноазиатских отношений чрезвычайно затруднительным, как и ситуации в Центральной Азии в целом.

Характерно, что в Центральной Азии господствует убеждение, что ФРГ является лидером Европейского Союза. Особенно сильны были такие настроения в политическом истеблишменте Казахстана. Они наглядно проявились во время визита президента Казахстана Н. Назарбаева в ФРГ в ноябре 1997 г. Этот визит состоялся на излете политической эры Г. Коля, когда интерес ФРГ к Центральной Азии заметно ослаб. Тем не менее, руководство Казахстана все еще жило инерцией постсоветской эйфории начала 1990-х гг., для которой были характерны завышенные ожидания от европейской и особенно германской политики.

Следует отметить, что казахстанский президент прибыл в Бонн в 1997 г. из США, где он провел чрезвычайно плодотворный и эффективный визит, в ходе которого были подписаны гигантские контракты с американскими и международными нефтяными концернами по эксплуатации гидрокарбонных ресурсов Каспийского моря. Эти настроения, во многом завышенные, сопровождали Н. Назарбаева и во время визита в Германию. Казахстанский лидер призвал крупный германский бизнес инвестировать в Казахстан. Однако результаты от переговоров оказались гораздо ниже ожидавшихся. Фактически, немецкая сторона проявила полное отсутствие интереса к инвестированию в казахстанскую нефтегазовую промышленность. Немецкие интересы по-прежнему были сосредоточены вокруг развития малого и среднего бизнеса, инфраструктуры и коммуникаций. О крупных инвестициях в Каспийском регионе не было и речи.

Если правительство Коля/Кинкеля проявляло мало интереса к судьбе Каспийского моря и его ресурсов, то инициатива в этой сфере перешла к оппозиции – СДПГ, которая уже в 1998 г. накануне своего прихода к власти подготовила программный документ «Каспийское море – регион будущего?». Это был симптоматичный признак, указывавший на то, что социал-демократы намерены активизировать немецкую политику в регионе. Однако длительное отсутствие внешнеполитического опыта и его восполнение, осложнение международной обстановки на Балканах и на Ближнем Востоке, политическая нестабильность в России отвлекли немецкие внешнеполитические ресурсы от Центральной Азии. Таким образом, Берлин фактически встретил неподготовленным нарастание кризиса в Центральной Азии в 2000 г., когда в три государства региона – Таджикистан, Киргизию и Узбекистан вторглись вооруженные исламисты.

Внимание к проблемам безопасности в Центральной Азии было привлечено в Европе в августе 1999 г., когда в Киргизию впервые вторглись исламские боевики, а в Бишкеке прошел саммит глав государств Шанхайской пятёрки – России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. В этот период в Европе еще рассматривали киргизского президента А. Акаева как демократа. Поэтому нападение на Киргизию европейские политические круги рассматривали как покушение на единственный демократический режим в регионе. Беспокойство Европы вызывало очевидное сближение России и Китая и создание на базе Шанхайской пятёрки некоего подобия военно-политического союза с участием центральноазиатских государств, которым в нем отводилась роль младших партнеров. 31 августа 1999 г. в Германском обществе внешней политике в Берлине официально было заявлено, что Германия проявляет интерес к Центральной Азии, особенно в плане обеспечения ее безопасности.

События в Центральной Азии и СНГ в целом рассматривались также в Европе на фоне возникновения двух блоков внутри Содружества – один во главе с Россией на основе Договора о коллективной безопасности (Ташкентский договор от 15.05.1992), другой – в составе Грузии, Азербайджана, Украины, Узбекистана, Молдавии, ориен-

тирующийся на Запад. Противостояние двух блоков окончательно оформилось после юбилейного саммита НАТО в апреле 1999 г., когда Вашингтон поощрил формирование антироссийской группировки внутри СНГ. Переориентация Узбекистана от России к НАТО и его выход из оборонного договора СНГ свидетельствовала о том, что Ташкент не верил в способность Москвы гарантировать его безопасность, а также о его опасениях в отношении возрождения имперских амбиций России [4].

Немецкие эксперты сделали вывод, что узбекский президент И. Каримов поторопился выйти из Ташкентского договора, так как в тот момент только Россия могла обеспечить реальную военную защиту региона [5]. В то же время Берлин начал подавать сигналы о том, что Германия и Европейский Союз обеспокоены ситуацией в сфере безопасности в регионе. Министр по экономическому сотрудничеству и развитию ФРГ Х. Вичорек-Цойль заявила, что интересы Германии в Центральной Азии лежат в другой сфере, чем борьба за концессии по добыче полезных ископаемых и их транспортировку. Для Германии, подчеркнула министр, важна, прежде всего, стабилизация центральноазиатского региона, налаживание с ним культурного и экономического обмена. Экономические интересы Германии лежат прежде всего в таких областях, как авиасообщение, телекоммуникации и развитие инфраструктуры. Она также отметила, что ФРГ будет координировать свою центрально-азиатскую политику с США [6].

В сентябре 1999 г. президент Кыргызстана А. Акаев посетил Германию с официальным визитом. Это был последний раз, когда его принимали в Европе в качестве демократического лидера. Основной целью Акаева была реклама концепции Шелкового пути, в котором он видел роль своей республики как транзитного государства, своеобразного моста между Японией и Китаем с одной стороны, и Россией и Европой, с другой. Киргизского лидера больше интересовали вопросы экономического сотрудничества, в то время как Германия и Европа проявляли беспокойство в связи с такими проблемами, как нарушение прав человека в Киргизии и свертывание демократии, укрепление мафиозных кланов в экономике, бес-

контрольный провоз наркотиков через киргизскую территорию и растущая исламская угроза с юга. В целом, ФРГ, которая оказала существенную финансовую и техническую помощь Кыргызстану в первые годы независимости, была недовольна развитием событий в этой республике. А. Акаев ясно дал понять в Берлине, что в борьбе с наркотиками и террористами он рассчитывает на финансовую поддержку европейских стран, в первую очередь Германии.

В сентябре 1999 г. проблема вторжения исламских боевиков в Кыргызстан рассматривалась в Германском Бундестаге, так как ряд депутатов были озабочены судьбой этнических немцев, проживающих в районах, подвергшихся агрессии. МИД ФРГ предложил даже провести срочную эвакуацию немецкого населения. Ситуация осложнялась также тем фактом, что среди заложников, захваченных боевиками, были немецкие альпинисты.

В это время под мощным давлением Вашингтона в Таджикистане был принят закон, разрешающий политическую деятельность религиозных партий. Хотя в европейских кругах принятие такого закона было встречено позитивно, для многих аналитиков было ясно, что активность исламистских партий может иметь самые печальные последствия для всего региона. Узбекистан и Казахстан наоборот усилили давление против ваххабитов и других исламских активистов. Интерес к урегулированию ситуации в Таджикистане, который является наиболее проблемным государством в регионе с точки зрения безопасности, проявился со стороны Германии в декабре 1999 г., когда Фонд им. Фридриха Эберта (СДПГ) организовал круглый стол с участием представителей правительства и объединенной оппозиции. Основной целью Берлина была поддержка мирного процесса в этой республике. Стабилизация Таджикистана имела бы самое положительное значение для его соседей – Кыргызстана и Узбекистана.

В конце 1999 г. эксперты из Федерального института восточноевропейских и международных исследований в Кельне подготовили доклад, в котором анализировалась ситуация в Узбекистане. Этот доклад сыграл свою роль в формировании позиции Берлина в отношении Центральной Азии. Они пришли к выводу, что Узбекистан ока-

заялся вовлечен в геополитическую борьбу вокруг ресурсов Каспийского моря и Центральной Азии. Очевидно, что исламистов поддерживают из-за рубежа. Однако режим И.Каримова также способствует усилению политической оппозиции, которую он своими репрессивными действиями загоняет под исламские знамена. Негативные процессы усиливаются благодаря экономическому кризису, который принимает в Узбекистане все более острые формы с 1996 г. Немецкие эксперты ясно указали, что центральным пунктом в интересах внешних и внутренних исламистов является Ферганская долина, где в концентрированном виде обострились все политические, социальные и экономические проблемы Узбекистана. Таким образом, перед немецкими политиками была поставлена дилемма: или продолжать критиковать режим Каримова из-за его полностью нетолерантной политики в отношении любой оппозиции и жесткого антирыночного экономического курса, или оказать поддержку Ташкенту в борьбе против исламской угрозы. Последующие события показали, что Германия, ЕС и в целом Запад стали склоняться ко второму варианту.

Этим настроениям способствовали спорадические выступления европейских и немецких политических деятелей. Так, например, депутат Германского Бундестага (СДПГ) и альтернативный кандидат на Нобелевскую премию Г. Шеер заявил, что в настоящее время идет жестокая борьба за контроль над ресурсами Каспийского моря, имеющая цель обеспечение энергетической безопасности Запада. Шеер откровенно заявил, что если Западу удастся навязать маршрут нефтепровода Баку-Джейхан, то это приведет к выходу государств региона, в первую очередь Казахстана и Туркменистана, из-под российского влияния. Шеер также заявил, что Россия, Китай и Индия пытаются создать новый фактор силы в противовес Западу. Борьба же идет за влияние в Центральной Азии. [7]

Другой депутат Бундестага В. Виммер (ХДС), который одновременно является вице-президентом Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, считает (май 2000 г.), что Китай с тревогой наблюдает, как США превращаются в крупнейшего инвестора в Центральной Азии, прежде всего в Казахстане. Участие КНР в Шанхайской пятёрке имеет це-

лью также создание в Центральной Азии совместно с Россией противовеса Соединенным Штатам. Самое сложное положение в Центральной Азии у Казахстана. В регионе представлены все крупные державы, лавировать между которыми чрезвычайно сложно. Кроме того, в Германии чрезвычайно внимательно относятся к тому, кто в данный момент находится у власти. Казахстан должен выиграть пространство для игры, т.е. стараться поддерживать стабильные отношения со всеми геополитическими игроками. Слабостью европейской и особенно немецкой политики в регионе является отсутствие у ФРГ собственного реального представления о процессах в регионе. Берлин пользуется информацией и анализом Вашингтона. С другой стороны, с приходом к власти в Кремле В. Путина усилилась угроза возрождения неимперских притязаний России. США, Китай и европейские государства начали проявлять озабоченность центризмостремительными тенденциями в Российской Федерации и СНГ. Речь шла, по словам Виммера, о поддержке суверенитета Казахстана. Другой важный момент, на который обратил внимание немецкий политик, состоит в том, как в Европе относятся к разногласиям между Казахстаном и Узбекистаном. Проблема во многом определяется личностным фактором. В Европе считают, что узбекский лидер И. Каримов в большей степени ориентируется на США, чем Казахстан. В Европе также опасаются, что возможный конфликт между двумя центральноазиатскими государствами может быть использован внешними силами. В целом же для Германии каспийский вопрос не является на этом этапе центральным. На германской политике в отношении Центральной Азии негативно сказался фактор смены власти в ФРГ в 1998 г. и прерывания преемственности на этом направлении германской внешней политики. Пессимистически относятся в Германии к перспективам ОБСЕ как политического, стабилизирующего и миротворческого фактора. Бессилие этой организации очевидно выявилось в ходе конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии.

В 2000 г. в Германии появилась серия исследований, посвященных ситуации в Центральной Азии. Характерно, что данные публикации немецких политологов отражали устоявшиеся точки зрения в политичес-

ком истеблишменте ФРГ и ЕС, или влияли на их формирование. Возникновение и укрепление авторитарных режимов в Центральной Азии если не оправдывается, то, во всяком случае, объясняется логически. Авторитарные модели в их различных вариациях выглядят как объективное и неизбежное явление. Запад беспокоит другое – повсеместная деградация политических партий. Все законодательства республик Центральной Азии имеют те или иные ограничения на деятельность политических партий и общественных организаций. Запад оценивает состояние в регионе и строит свои отношения именно в ракурсе существования политического плюрализма. Эти оценки привели к изменению отношения в Европе к киргизскому президенту, когда в 2000 г. стало очевидно, что он также построил авторитарный режим и не намерен расставаться с властью демократическим путем.

На укрепление авторитарных моделей в Центральной Азии, как считают немецкие эксперты, повлияли три основных фактора: 1) многонациональный состав населения; 2) угроза исламского фундаментализма; 3) отсутствие демократических традиций. В ходе строительства национальных государств возникновение авторитаризма стало естественным процессом. То есть, Центральная Азия повторила путь всех государств третьего мира. Политические системы в регионе характеризуются следующими признаками: систематической концентрацией власти в руках одного лица, распространением клиентелистских структур и широким распространением неформальных отношений с ограниченным общественным плюрализмом. Главной проблемой для Запада в ближайшем будущем станет форма и способ передачи власти в этих государствах [8].

Немецкие политологи уделяют также большое внимание внешнеполитической ориентации центральноазиатских государств и геополитической борьбе вокруг региона. Тот факт, что Европа держится в стороне от геостратегических игр вокруг Каспийского моря, по мнению М.Штюрмера, диктуется не мудростью, а просто отсутствием стратегической перспективы [9]. Фактически, речь идет не просто о контроле над энергоресурсами этого региона, а о будущем западных индустриальных демократий. Борьба также идет за право формировать

цивилизационное лицо региона и определять его геополитическую ориентацию. Общий тон публикаций сводится к тому, что Запад, в том числе Европа, должен активнее действовать в регионе, если он не хочет, чтобы центральноазиатские государства остались наедине с Москвой [10].

Ведущий немецкий институт в области внешней политики – Германское общество внешней политики – разработал для своего правительства концепцию т.н. Стабилизационного пакта для Каспийского моря. Он состоит из трех элементов: 1) создание сети транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад как противовес существующим двести лет путям Север-Юг; 2) укрепление демократии и рыночной экономики в новых независимых государствах региона; 3) переход от геополитики к экономической конкуренции. Эти требования отвечают интересам ЕС, на которых он готов инвестировать в экономики стран Каспийского региона. При этом европейские круги вполне отдают себе отчет в том, что такая политика вошла бы в противоречие с американской стратегией «двойного сдерживания» против Ирана и России. К тому же ЕС желает смягчить стратегические последствия расширения НАТО на восток и превратить программу «Партнерство во имя мира» в стабилизационный инструмент и возможность для сотрудничества, а не конфронтации с Россией. Таким образом, немецкие политологи подталкивают своих политиков к более активной позиции в Центральноазиатском регионе в интересах не только Германии, но прежде всего Европейского Союза. Эта тенденция исходит из понимания того факта, что ЕС значительно отстал от других мировых держав в утверждении своих политических и экономических интересов в регионе. Основным сдерживающим фактором для Европы остается еще не завершившееся распределение между США и Россией сфер влияния [11].

После повторения летом 2000 г. событий в Центральной Азии, связанных с вторжением исламских боевиков в Кыргызстан и Узбекистан, в Европе по-настоящему с тревогой начали наблюдать за развитием событий в регионе. Объектом внимания стали президентские выборы в Киргизии в октябре 2000 г. Они вызвали разочарование политических кругов Европы. Особен-

но острой критике подверглась политика А.Акаева, продемонстрировавшая, что он преследует своих политических оппонентов и фактически создал авторитарный режим, причем эта критика исходила в основном из Германии. В то же время, несмотря на свое критическое отношение к режиму А.Акаева, Берлин пришел к необходимости оказать военно-техническую помощь киргизской армии, продемонстрировавшей свое бессилие в боях с исламистами. Помимо ФРГ готовность оказать помощь в подготовке боеспособных альпинистских формирований и их техническом оснащении высказали другие европейские государства, в том числе Швеция, а также Швейцария и США. Техническое перевооружение киргизской армии оплачивалось в основном за счет бюджета ЕС. В то же время была достигнута договоренность о продаже Францией оружия Узбекистану.

Ташкент активизировал свою европейскую политику в 2001 г. Это отчетливо проявилось в ходе визита И.Каримова в ФРГ в апреле 2001 г. Узбекский лидер подписал серию документов о сотрудничестве с Германией, аналогичных тем, которые существовали уже несколько лет между ФРГ, Казахстаном и Кыргызстаном. В Берлине оценили политику Каримова в последние годы как стремление превратить Узбекистан в регионального лидера. Однако немецкая сторона прекрасно понимала, с какими трудностями сталкивается экономика Узбекистана. Это наглядно продемонстрировало драматическое падение внешнеторгового оборота Узбекистана (40%) с 1996 по 2000 гг. Удручающая ситуация наблюдается также в сфере инвестиций: Узбекистан занимает предпоследнее место по уровню иностранных инвестиций среди стран СНГ.

В административно-бюрократической системе этой республики сложилась система, которая тормозит малейшие позитивные сдвиги, а в отношении инвесторов допускает произвол, игнорирование их законных интересов и делает невозможным принятие любых решений. Вера иностранных инвесторов в то, что они свободно могут приобретать акции узбекских предприятий, по мнению немецких экспертов, не более, чем иллюзия. Узбекская бюрократия в экономической политике руководствуется закрытыми инструкциями и «секретными законами».

Самой серьезной проблемой промышленности Узбекистана является отсутствие реального курса конвертации узбекского сума. Предприятия, имеющие стратегический характер для экономики страны, вынуждены сдавать валютную выручку по самому низкому курсу. От сложившейся системы в валютно-финансовой сфере выигрывают влиятельные кланы, взявшие под свой контроль различные области экономики. По немецким оценкам, их доходы от валютно-финансовых операций достигают 300%.

В сельском хозяйстве Узбекистана, считают немецкие аналитики, сложилась ситуация, близкая к катастрофической, так как средства, необходимые на инвестиции в основные фонды, уничтожаются инфляцией, поскольку сельскохозяйственные производители вынуждены сдавать урожай государству по фиксированным ценам.

Представитель МВФ в Ташкенте, немецкий финансист К.Розенберг отмечает, что программа Фонда по поддержанию узбекского сума была приостановлена в 1996 г., когда Узбекистан перестал выполнять свои обязательства перед МВФ и запустил печатный станок. Если И.Каримов не согласится с требованиями МВФ по оздоровлению своих финансов, эта организация может пойти на закрытие своего бюро в Ташкенте и свертывание сотрудничества с Узбекистаном, как это уже имело место в Туркменистане и Беларуси. Последние заявления узбекского президента о том, что «его страна пойдет своим собственным путем», расцениваются МВФ и иностранными инвесторами как продолжение прежней политики, характеризующейся бесконтрольным господством различных группировок и кланов в ряде ключевых областей экономики. [12]

Немецкие политологи считают, что режим И.Каримова держится исключительно благодаря проведению репрессивной политики в отношении оппозиции при опоре на тайную полицию. В стране полностью отсутствует свобода СМИ. Однако тревожные тенденции в экономике Узбекистана и сложившаяся ситуация в области демократии и прав человека с 1999 г. заслонены в глазах мировой общественности угрозой со стороны исламских радикалов. Режим И.Каримова представляет себя на международной арене в качестве основного, если

не единственного, оплота в Центральной Азии против исламской угрозы.

Узбекистан в настоящее время располагает самыми крупными вооруженными силами в регионе – 70 тыс. чел. На переговорах в Берлине И.Каримов поставил перед немецкой стороной вопрос о германской военно-технической помощи. В последнее время Федеральная криминальная служба (ФКС) Германии поддерживает контакты с узбекской стороной по борьбе с наркотиками, также как и немецкая разведка БНД, которая чрезвычайно озабочена потенциальной угрозой возникновения крупного конфликта в регионе. Кроме того, ФРГ оказывает помощь Узбекистану через ФКС для технической поддержки его пограничной службы. Но регулярные просьбы Ташкента о поставках оружия немецкой стороной отклоняются. Такой же позиции придерживаются США и Великобритания, в то время как Франция осуществляет продажу оружия Узбекистану. Китай также в прошлом году продал Узбекистану ограниченное количество легкого вооружения.

Немецкие эксперты обращают внимание на то, с каким упорством И.Каримов уклоняется от более тесного сотрудничества в военной сфере с Москвой. Узбекский президент в категоричной форме отказался от предложения России послать в Узбекистан своих военных специалистов. Немецкие аналитики считают, что в Ташкенте относятся к России по-прежнему с большим недоверием. Они характеризуют состояние узбекско-российских отношений на сегодня как тяжелое.

У немецких специалистов не вызывает сомнений, что в регионе существует угроза воинствующего исламизма. При этом режим И.Каримова сам способствует ее эскалации. Согласно недавнему докладу Европейского Банка, существует прямая зависимость между вызываемой политикой государства социальной бедностью, которая принимает все больший размах, и растущей популярностью исламских группировок. Официальная политика Ташкента по созданию «национально-государственного ислама» ассоциируется у населения с авторитарным режимом и толкает недовольных в ряды религиозно мотивированной оппозиции. Центром исламской оппозиции безусловно является Ферганская долина. Однако помимо политических про-

тиворечий Ферганская долина представляет интерес как крупный перевалочный пункт на пути наркотиков из Афганистана на внешние рынки.

Характерным симптомом является отказ Берлина от прямого сотрудничества с Ташкентом в военной области. Подобная позиция Германии и других западных держав не оставляет И.Каримову выбора и заставит его развивать сотрудничество в военной области с Россией. Некоторые немецкие эксперты из отказа Берлина продавать Ташкенту оружие делают вывод, что Узбекистан заработал плохую репутацию из-за своей агрессивной внешней политики в отношении соседей, прежде всего Таджикистана и Кыргызстана.

Таким образом, визит И.Каримова в ФРГ свидетельствует о том, что, несмотря на достаточно критическое отношение к нему в Германии, Берлин все более озабочен растущей угрозой крупного конфликта в центрально-азиатском регионе. Обсуждение проблем обеспечения безопасности было продолжено в ходе визита в страны Центральной Азии Вице-канцлера ФРГ, министра иностранных дел Й.Фишера в мае 2001 г.

Визит И.Каримова в Берлин совпал с появлением в Европе лидера Северного Альянса и министра обороны Афганистана в правительстве Раббани Ахмад Шах Масуда во Франции и его выступлением в Страсбурге перед Европейским Парламентом. Масуд фактически заручился поддержкой Парижа и получил от него финансовую помощь. Визит Масуда показал, что Европа все более озабочена ситуацией в Афганистане, которая оказывает дестабилизирующее влияние на соседние регионы, в первую очередь на Центральную Азию, а также угрожает безопасности мирового сообщества. Арест 4 апреля 2001 г. во Франкфурте-на-Майне группы исламистов, готовивших взрывы в Страсбурге и связанных с У. Бен Ладеном, который пользуется гостеприимством афганских талибов, убедил европейских политиков, что ситуация в Афганистане представляет прямую угрозу европейской безопасности. Немецкая полиция выявила целую подпольную сеть, связывавшую исламистов в Германии, Италии, Бельгии и Великобритании. Все нити уходили в Афганистан. Помимо того, в последние годы немецкая разведка и силы безопасности Германии

предпринимают усилия по развитию программы, которая блокировала бы поставки наркотиков Из Афганистана через Центральную Азию и Россию в Европу. [13]

Характерно, что Германия всерьез озабочена ситуацией в Центральной Азии. В феврале 2001 г. немецкая разведка БНД (Bundesnachrichtendienst) подготовила доклад, в котором прогнозировалась ситуация в центральноазиатском регионе на 2001 г. У немецких экспертов, которые оперировали данными о закупке исламистами в Европе средств мобильной связи и другой техники для ведения оперативной связи в военно-полевых условиях, не вызывало сомнений, что Исламское движение Узбекистана готовит широкомасштабное наступление весной-летом 2001 г. Активизация исламистов остро необходима афганским талибам, которые таким образом создают дополнительный фронт для давления на Северный Альянс и их союзников – Россию и страны СНГ. После визита Ахмад Шаха Масуда в Европу стало ясно, что Северный альянс готовит широкомасштабное наступление на талибов на нескольких направлениях: с севера, запада и востока Афганистана. Тем самым, Центральная Азия невольно превращается в один из фронтов войны в Афганистане.

В докладе немецкой разведки выражается озабоченность тем, что Россия не сможет самостоятельно справиться с наступлением исламистов в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане. Берлин однозначно сделал вывод, что боевикам удалось создать хорошо проработанную инфраструктуру и основательно подготовиться к наступлению. Эта проблема обсуждалась в ходе визита министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера в Москву в феврале 2001 г. Фишер довел до Кремля серьезную озабоченность Берлина развитием ситуации в Центральной Азии. Немецкая сторона сделала вывод, что исламисты стремятся укрепить свое положение в центральноазиатском регионе с целью расширения поставок наркотиков по всей Европе. [14]

Казахстан также интенсифицировал свои отношения с Европой в 2000 г. Н.Назарбаев посетил летом 2000 г. Париж и в ноябре Лондон, где встретил достаточно радушный прием. Британская королева вручила казахскому президенту высшую

награду Великобритании – орден святых Михаила и Георгия, что было расценено не только как признание его прежних заслуг, вклад в ядерное разоружение, но и стало подтверждением его репутации реформатора и сторонника демократического преобразования Казахстана. Но центральным пунктом казахстанско-британских отношений были английские интересы в нефтяной сфере.

В последнее время позиция ФРГ в отношении региона Каспийского моря и Центральной Азии оформилась более отчетливо. Накануне визита Министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера в государства Центральной Азии в газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» был опубликован меморандум руководителя департамента планирования МИД ФРГ А.Шмиллена, в котором было сформулировано немецкое видение европейских интересов в центральноазиатском регионе. [15]

Германский МИД исходит из того, что примерно к 2015 г. границы НАТО и ЕС будут вплотную прилегать к России, а Украина будет вовлечена в стратегическое партнерство с этими организациями на различных уровнях. В этих условиях Европа уже обеспокоена сохранением стабильности в России и Центральной Азии. Примерно к этому же времени ожидается истощение энергетических ресурсов Северного моря. А.Шмиллен исходит из того, что любая нестабильность в Центральной Азии будет в недалеком будущем иметь прямые последствия для Европы.

По мнению МИД ФРГ, самую большую опасность представляет угроза исламского фундаментализма. А.Шмиллен открыто пишет о том, что центром угрозы является Афганистан, а объектами – государства Центральной Азии, Чечня, Синьцзян и Кашмир. Особо подчеркивается, что Казахстан также опасается растущей, не признающей границ угрозы со стороны радикального исламизма. Оперативное руководство исламскими террористами осуществляется с Ближнего Востока.

Как считает немецкий политик, центральноазиатские правительства проводят в отношении исламской угрозы концепцию «железного кулака», т.е. силового давления. Талибы, которые пользуются поддержкой Пакистана и ряда арабских государств,

внутри страны также осуществляют жестокую политику подавления, пыток и преследований. В этих условиях Западу предпочтительнее иметь дело с более умеренными и светскими режимами Центральной Азии.

Большое значение в немецких политических кругах придается политике России, хотя ее экономические и политические цели для Берлина до конца не ясны. По мнению А.Шмиллена, Москва в регионе преследует две цели: 1) защитить русское население; 2) взять под свой контроль энергетические ресурсы и транспортные коридоры. Цели России в целом совпадают с политикой Китая, для которого самой важной задачей на сегодняшний день является предотвращение распространения фундаменталистских течений в Синьцзяне. Кроме того, Китай также заинтересован в стабильности будущих трубопроводов и транспортных путей и намерен диверсифицировать свой импорт углеводородов.

Турция по-прежнему рассматривается Европой как естественный партнер центральноазиатских и кавказских республик и одна из ведущих региональных держав, а также как мост между Центральной Азией и ЕС. Однако ее финансовые и технические возможности в регионе ограничены объективными факторами.

А.Шмиллен считает маловероятным, что в будущем в Центральной Азии сможет доминировать какая-либо конкретная держава. В то же время экономическое, политическое и стратегическое значение региона будет возрастать. Германия и Европейский Союз исходят из того, что политика в Центральной Азии должна строиться с учетом интереса всех заинтересованных сторон. ФРГ и ЕС заинтересованы прежде всего в установлении стабильности в регионе. Практической целью ЕС является диверсификация своего нефтегазового импорта путем вовлечения энергетических ресурсов Центральной Азии и Каспийского моря в европейскую энергетическую систему. Другой целью ЕС является блокирование наркотрафиков, которые проходят из Афганистана через центральноазиатский регион, а также путей для распространения организованной преступности и международного терроризма.

Для этого ЕС и Германия, чьи интересы А.Шмиллен отождествляет, должны

внести свой вклад в укрепление центральноазиатских государств через поддержку региональной кооперации, обеспечение им доступа к мировым рынкам и помощь в решении гуманитарных, социальных и экологических проблем. Это требует от Европы непосредственного политического вовлечения в региональную политику. ЕС должен участвовать в строительстве в регионе нефтегазовой промышленности и инфраструктуры, многовариантной системы трубопроводов с участием российской стороны.

Другой формой политического ангажирования Евросоюза в Центральной Азии может являться, по мнению А.Шмиллена, предотвращение региональных конфликтов. При этом немецкий политик предлагает ясно определить пределы возможностей ЕС. По мнению Берлина, для стабилизации региона необходимо участие других держав – России, Китая и США.

Однако интересы ЕС в Каспийском регионе относятся не только к нефти, но и к газу. Немецкие эксперты исходят из того, что соединению каспийского пространства с европейской газовой системой нет альтернативы. Далее, проблема потребления, разработки и главное – доставки газа на потенциальные рынки – носит европейский, но не американский характер. Европейские страны должны взять на себя решение инфраструктурных вопросов в регионе.

В отношении решения проблемы зависимости от ОПЕК Европе, по мнению немецких специалистов, следует создать для государств Каспийского региона такие привлекательные политические и экономические предпосылки, которые заставили бы их отказаться от вступления в ОПЕК. Такие возможности дает участие прикаспийских стран в Договоре об энергетической хартии ЕС и их прием в различные европейские структуры, например, в Совет Европы. В конечном итоге, ЕС должен взять на себя, но в сотрудничестве с Россией, ответственность за стабильность в регионе. При этом немецкие аналитики исходят из того, что участие государств региона в ОБСЕ, Европейской Энергетической хартии и соглашениях о партнерстве и сотрудничестве с ЕС создают им такую степень привязанности к Европе, которой страны Персидского Залива не располагают. Все придает каспийской пробле-

ме ярко выраженный европейский характер.

Таким образом, европейские задачи и интересы в Каспийском регионе, как представляется в Берлине, состоят в следующем:

- отделение собственно европейских интересов от американских и разработка собственной европейской стратегии;

- привязывание Кавказа и Каспийского региона к Европе как к более привлекательной альтернативе, чем ОПЕК;

- вовлечение Европы в решение конфликтов на Кавказе, насколько возможно с участием России с целью создания здесь равных конкурентных возможностей и условий для сотрудничества;

- активная поддержка транспортной инфраструктуры по линии Восток-Запад и особенно газовой сети для связывания ресурсов региона, включая Иран, через Турцию с европейским рынком;

- выработка европейской позиции в отношении проекта магистральных трубопроводов из Каспийского региона в Европу;

- совмещение национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешней политики и политики в области безопасности.

Последние публикации в Германии, посвященные вопросам Каспийского моря и Центральной Азии, свидетельствуют о том, что Берлин начинает более внимательно относиться к этой проблематике. Немецкие эксперты в течение последних лет уделяли много внимания проблемам региона и интересам ЕС на Каспийском море. Однако в последних публикациях стратегические интересы Евросоюза и Германии изложены более рельефно и четко. В этом же духе следует рассматривать выступления в печати руководителя штаба по планированию МИД ФРГ А.Шмиллена, факт появления которого накануне визита Федерального министра иностранных дел в Центральную Азию является подтверждением того, что Берлин уже имеет достаточно ясно сформулированные политические интересы в Центральноазиатском и Каспийском регионах, которые он считает общеевропейскими. Таким образом, Европейский Союз, в формировании внешнеполитической стратегии которого большую роль играет ФРГ, становится одним из участников «Большой игры» вокруг ресурсов Каспийского моря.

Эта тенденция проявилась в ходе визита в Казахстан министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера в мае 2001 г. Большое значение имело заявление Й.Фишера о расширении экономического сотрудничества с Казахстаном, которого Берлин рассматривает как важнейшего политического партнера в регионе. Берлин все больше начинает понимать, что Казахстан представляет собой самое стабильно развивающееся государство Центральной Азии. По-видимому, процесс интенсификации экономического сотрудничества между РК и ФРГ, который получил новый толчок с визитом Й.Фишера, повлечет за собой и усиление политического сотрудничества, в первую очередь, на таких направлениях, как укрепление роли европейских институтов в сохранении стабильности в центрально-азиатском регионе.

Таким образом, визит Й.Фишера показал, что Германия приступила к укреплению своих позиций и политики ЕС в Кавказско-Центральноазиатском регионе. Этот процесс идет в русле отделения собственно европейских интересов от американских и разработки собственной европейской стратегии. Одной из целей политики Германии является привязывание Кавказа и Каспийского региона к Европе, вовлечение ЕС в решение конфликтов и сохранение стабильности. Стратегической целью Евросоюза остается активная поддержка процесса создания транспортной инфраструктуры по линии Восток-Запад, а также выработка европейской позиции в отношении проекта магистральных трубопроводов из Каспийского региона в Европу. Кроме того, Берлин должен отвечать за совмещение национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешней политики и политики в области безопасности. В ходе визита Й.Фишера наметилась новая тенденция в германской внешней политике на Кавказе и в Центральной Азии: поиск и выбор на будущее потенциальных стратегических партнеров ФРГ и ЕС в этих регионах. В отношении Кавказа Берлин начинает рассматривать возможность переориентации своей политики с Грузии на Азербайджан, а в Центральной Азии готовится сделать выбор на Казахстане. В этой связи решающее значение будет иметь политический диалог меж-

ду РК и ФРГ осенью т.г. во время визита Президента Н.Назарбаева в Германию.

Осенью 2001 г. состоится визит президента Казахстана в Германию, в ходе которого помимо вопросов экономического сотрудничества будут обсуждаться и проблемы безопасности в Центральной Азии.

Таким образом, начало нового века характеризуется повышенным интересом Европы к Центральной Азии. Однако следует отметить, что единой стратегии ЕС в отношении региона не существует. Экономические и политические интересы крупных европейских государств в Центральной Азии различаются. Это связано как с внутренними особенностями европейской политики, так и общей геополитической ситуацией, в том числе отношениями ЕС с США и Россией. В то же время события 2000 и 2001 гг. показывают, что доминирующей темой в отношениях Центральной Азии с Европой и в целом с Западом становятся проблемы региональной безопасности, борьбы с терроризмом и наркоторговлей. Ситуация вокруг Центральной Азии выходит из стадии «Большой Игры», как это было в течение 1990-х гг. и перерастает в проблему обеспечения безопасности не только самого региона, но и всего СНГ, Европы и Запада.

В первой половине 1990-х гг. европейские политики сделали абсолютно ложный вывод из тенденций, развивавшихся в регионе. Они игнорировали необходимость прохождения этими республиками фазы создания «государства-нации», что требовало консолидации экономических и политических интересов новых зарождающихся элит. В это время стратегия ЕС была нацелена на поощрение внутрорегиональной интеграции в Центральной Азии, хотя однозначно развивался процесс дезинтеграции. ЕС уповал на развитие демократических и рыночных институтов, в то время как новым независимым государствам потребовалось сначала создать авторитарные режимы, чтобы сохранить внутреннюю стабильность и внешнюю безопасность.

Европа недостаточно учитывала также геополитические и внешнеполитические факторы, действовавшие в регионе. ОБСЕ сохраняло формальное понимание того факта, что таджикско-афганская граница представляет собой одновременно и южный фланг европейского пространства.

Однако ОБСЕ оказалась бессильна урегулировать конфликт внутри Таджикистана и тем более обезопасить регион от угрозы, исходящей из Афганистана. В настоящее время события развиваются в таком русле, что пределом европейского пространства в политическом и культурно-цивилизационном плане может стать граница между Казахстаном и Узбекистаном.

Во второй половине 1990-х гг. в Европе, особенно в Германии, начинают понимать, что в геополитическом плане ЕС значительно отстает от других внешних игроков на Каспийском море и в Центральной Азии. Выступление немецких социал-демократов в 1998 г. с целью активизировать европейскую политику в регионе осталось безрезультатным. Наиболее влиятельный член ЕС – Германия была занята европейскими проблемами, прежде всего расширением Евросоюза и формированием единой внешней политики и политики в области безопасности.

Именно эта область политики ЕС заставляет сегодня европейских политиков обратить внимание на центральноазиатский регион, лежащий в сфере европейских интересов. Таким образом, в 2000 г. наметилась тенденция к росту обеспокоенности и озабоченности Европой различными угрозами, исходящими из Центральной Азии – наркотрафиками, нелегальной миграцией, ростом социальной напряженности, сворачиванием демократических процессов, ростом в некоторых республиках угрозы экономического коллапса и наконец, выходом на сцену радикального и воинственного ислама, поддерживаемого заинтересованными силами извне и питаемого внутренней нестабильностью и социальным отчаянием.

Многое в позиции ЕС в отношении Центральной Азии должно проясниться уже в 2001 г., и уже проясняется после визита узбекского лидера И.Каримова в Берлин в апреле, а также в ходе встреч германского вице-канцлера и министра иностранных дел с центральноазиатскими лидерами в мае и во время переговоров казахстанского президента Н.Назарбаева с руководством ФРГ в октябре. Однако уже становится ясно, что Европа серьезно обеспокоена развитием ситуации в Центральной Азии. Весь вопрос состоит в том, насколько европейские интересы и европейские

тревоги разделяются другими крупными игроками в регионе – Россией и Соединенными Штатами. Но политическая перспек-

тива указывает на то, что Европа все больше превращается в одного из участников «Большой Игры».

Литература

1. См.: Лаумулин М.Т. Казахстан и Европейское Сообщество. Алматы. // Казахстан-Спектр. (Алматы) № 1-2. 1997. С.125-144.
2. См.: Лаумулин М.Т. Стратегические интересы Европейского Союза и Центральная Азия // Казахстан-Спектр. 1999. № 4. С.66-96.
3. См.: Лаумулин М. Европейский Союз как новая геополитическая сила // Казахстан-Спектр. № 1-2. С.63-70; № 3. С.46-55.
4. Spiegel (Hamburg). Nr 27, 1999.
5. OXUS (Frankfurt a.M.), June 1999.
6. Frankfurter Allgemeine Zeitung (Frankfurt a.M.), 12.06.1999.
7. Die Welt (Berlin). 31.01.2000.
8. Wittschorek P. Praesidentenwahlen in Kasachstan – 1999. Discussion Paper – Nr 38. – Bonn: ZEI, 1999; Luchterhandt O. Die Verfassung der Republik Kasachstan von 1995 // Jahrbuch des oeffentlichen Rechts der Gegenwart. Neue Folge/Band 47. Hrsg. Von P.Haeberle. – Hamburg: Mohr Siebeck, 1999. – S.607-654; Halbach U. Das Regime der Praesidenten // Enzwicklung und Zusammenarbeit. 40.Jg. 1999:2. S.39-41.
9. Die Welt. 17.02.2001.
10. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 13.02.2001.
11. GUS-Barometer. DGAP (Berlin) Nr 25, November 2000.
12. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 02.04.2001.
13. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11.04.2001; Der Spiegel. Nr 15/ 2001. S.22-23.
14. Die Welt. 15.02.2001.
15. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 15.05.2001.

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(окончание. Начало в №2, 2001г.)

Фридман Л.А., Видясова М.Ф.

Наряду с военной безопасностью, как уже отмечалось, с целью обеспечения благоприятных условий логоняющего развития, исключительно важное значение имеет *экономическая безопасность* той или иной страны. Разумеется, эта проблема включает множество аспектов, но нам хотелось бы остановиться на вопросах, связанных с размерами внешнего долга и внешней экономической зависимостью.

В таблице № 4 приведены сведения о размерах внешнего долга и его относительной величине (в % к ВВП) в разных странах. Как видно из этих данных, все страны ЦАР, которые еще в 1991 г. вообще не имели внешней задолженности (Россия, как известно, взяла на себя выплату всего долга СССР), за 7 лет независимого развития накопили внушительные долги. Их относительный размер наименьший у Узбекистана (17% ВВП), а наибольший – у Туркмени-

стана (78% ВВП). В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан имеют долги, достигающие примерно половины, а Казахстан – около четверти ВВП. Но прямое сопоставление этих цифр еще не дает представления о реальной тяжести долгового бремени, тем более, что цифры в разных источниках существенно расходятся в зависимости опять-таки от методов расчетов.

Кроме того, сама относительная величина внешнего долга у разных стран имеет далеко не одинаковое значение. Так, например, хотя Туркменистан по этому показателю (отношение долга к ВВП) находится, к сожалению, на первом месте, а Кыргызстан – на втором, положение этих стран с точки зрения возможностей выплаты долгов совершенно различное. Туркменистан, при наличии благоприятных условий для экспорта газа и нефти (и при сохранении высоких цен на энергоносители), будет иметь до-

Таблица 4. Некоторые индикаторы внешнеэкономического положения стран Центральной Азии и других стран

Страны	Внешний долг 1998г.		Обслуживание долга	Расходы на образование	Сальдо платежного баланса по текущим операциям		Официальная помощь развитию 1998г.	
	млн долл	% ВВП			% ВВП	% ВВП	1998г. млн долл	% ВВП
Казахстан	5714	25	4,1	4,4	-1201	5,5-6,0	1	13
Кыргызстан	1148	53	3,5	5,3	-365	20-26	13,8	46
Таджикистан	1070	49	3,8	2,2	-107	4,5-5,0	5,9	17
Туркменистан	2266	78	12,0	9	-934	29-36	0,6	4
Узбекистан	3162	17	2,1	7,7	-52	0,3	0,8	6
Россия	183600	62	4,1	3,5	+1241	-	0,4	7
Иран	14391	12	2,6	4,0	-1897	1,8	0,1	3
Турция	102074	49	6,5	2,2	+1871	-	0	0
Китай	154599	15	2,0	2,3	+29325	-	0,3	2

Составлено и подсчитано по: «World Development Report 2000/2001», pp.302-303, 274-275, 314-315, 284-285; «World Development Indicators 2000», Washington, 2000, pp.252-254.

статочного средств в иностранной валюте для обслуживания долга. Значит, для этой страны решающее значение имеет проблема прямого доступа туркменского газа и нефти к европейскому или платежеспособному азиатскому рынку. В то же время Кыргызстан не имеет диверсифицированных источников «зарабатывания» валюты, а экспорт золота имеет определенные пределы.

Итак, для государств Центральной Азии в настоящее время и в ближайшем будущем на первое место выходит именно проблема обслуживания внешнего долга. Соответствующие цифры, приведенные в таблице № 4, показывают, насколько велики эти расходы в каждой из стран. Для того, чтобы иметь возможность сопоставить их с другими статьями бюджетных расходов, в таблице приводятся также данные об относительной величине общих ассигнований на образование. Как видно из этих цифр, в 1998 г. именно в Туркмении расходы по обслуживанию внешнего долга (12% ВВП) достигали максимальной величины, но это объяснялось, по-видимому, исключительно неблагоприятной конъюнктурой на внешнем рынке, а попросту – неплатежами Украины и Грузии за туркменский газ. Прямой доступ Туркмении к «валютным рынкам» может сразу изменить ситуацию в благоприятную сторону. В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане расходы по обслуживанию внешнего долга дос-

тигали 3,5 – 4% ВВП и были вполне сопоставимы (Казахстан) или даже в полтора – два раза превышали (Таджикистан) общие ассигнования на образование. Лишь в Узбекистане, где выплаты по обслуживанию долга были наименьшими, а относительные расходы на образование – наибольшими среди стран ЦАР, платежи по долгам оказались четверо меньше расходов на образование.

С точки зрения внешнеэкономической безопасности любой страны, особую роль играет сальдо ее платежного баланса. В таблице приведены сведения о сальдо платежного баланса по текущим операциям, размеры и значение которого (положительное или отрицательное), определяются главным образом соотношением стоимости экспорта и импорта. Как видно из материалов таблицы, у всех стран ЦАР, кроме Узбекистана, сальдо платежного баланса по текущим операциям было отрицательным, причем его величина достигала особенно больших размеров у Туркменистана и Кыргызстана. Но если неблагоприятное положение Туркменистана в 1998 г. объяснялось во многом конъюнктурными факторами и уже сейчас значительно изменилось в лучшую сторону, то в Кыргызстане ситуация остается неустойчивой, и нормальное функционирование экономики страны полностью зависит от притока средств извне, будь то в форме прямых иностранных ин-

«краткосрочного» капитала, даров или кредитов.

Величина отрицательного сальдо платежного баланса у Таджикистана и Казахстана также весьма велика (5-6% ВВП), но положение этих стран, в свою очередь, также неодинаково. Казахстан, благодаря своему устойчивому внутривалютному положению и общей привлекательности для иностранных капиталовложений, уже к 1999 г. получил только в виде прямых иностранных инвестиций до 5,8 млрд. долл., а Таджикистан за весь этот период – менее 120 млн. долл. При этом приток прямых иностранных инвестиций в Казахстан достигал ежегодно 5-6% ВВП, а в Таджикистан – не более 1-3%. Конечно, прямые иностранные инвестиции в Узбекистан в 1993-1998 г.г. также не превышали 1-1,5% ВВП, но ведь отрицательное сальдо платежного баланса по текущим операциям в этой стране в 1998 г. составляло лишь 0,3% ВВП. Таким образом, внешнеэкономическое положение Узбекистана оставалось в эти годы наиболее устойчивым среди всех стран региона.

Как же покрывалось отрицательное сальдо платежного баланса по текущим операциям в тех странах, где приток иностранных инвестиций оказывался недостаточным? Немалую роль при этом играло получение так называемой официальной помощи развитию, масштабы которой оказались особенно велики у таких стран, как Кыргызстан (13,8% ВВП!) и Таджикистан (5,9% ВВП). В то же время в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане официальная помощь развитию не превышала 0,6-1% ВВП. Таким образом, Кыргызстан и Таджикистан оказались особенно зависимы от получения иностранной помощи, поступления которой были необходимы не только для экономического развития, но и для оплаты текущего импорта потребительских товаров.

Подводя итог этому разделу, можно констатировать, что государства ЦАР находятся ныне и, по-видимому, будут находиться впредь в постоянной зависимости от поступления средств извне в виде инвестиций, даров, краткосрочных и долгосрочных займов, а также доходов от экспорта в страны с устойчивой валютой; иными словами, их экономическое положение в очень большой степени определяется ныне и будет определяться впредь общей конъюнктурой на мировом

рынке товаров и капиталов. Следовательно, возможности ускоренного экономического роста на пути догоняющего развития неразрывно связаны с конъюнктурой мирового хозяйства как ныне, так и в среднесрочной перспективе.

Однако, как мы уже отмечали, в странах ЦАР существуют исторически сложившиеся сравнительно благоприятные факторы, связанные с развитием народного образования и здравоохранения. Об этом свидетельствует, например, прямое сопоставление коэффициентов младенческой смертности в странах ЦАР и Турции, подушевой ВВП которой достигал в 1999 г. 6,1 тыс. долларов по ППС валют, т.е. был почти втрое выше, чем в Кыргызстане и Узбекистане, в 6 раз выше, чем в Таджикистане и почти в 1,5 раза выше, чем в Казахстане. Но если младенческая смертность в Турции достигала в 1998 г. 38 на каждую 1000 родившихся детей, то аналогичные показатели по Казахстану не превышали 22, Кыргызстану – 26, Таджикистану – 23, Узбекистану – 22 и Туркменистану – 33. Что же касается развития образования, то и здесь достижения стран ЦАР при сравнении, например, с аналогичными показателями по Турции, достаточно весомы. Это проявляется, прежде всего, в сфере среднего образования, где в Турции в 1997 г. обучалось 58% детей и подростков соответствующего возраста, в Казахстане – 87%, в Киргизии – 79%, в Таджикистане – 78%, а в Узбекистане – 94% (последняя цифра, правда, вызывает некоторые сомнения). Официальные данные об удельном весе студентов среди молодежи соответствующего возраста таковы: в Турции в 1997 г. – 21%, в Туркменистане и Таджикистане – 20%, в Кыргызстане – 12%, в Казахстане – 32%, а в Узбекистане – 36% (см. «World Development Indicators 2000», Washington, World Bank, 2000, pp.75-76). Однако эти сведения нуждаются в уточнении.

Более правильное представление о ситуации в сфере высшего образования дают сведения о динамике численности студентов высших учебных заведений в каждой из республик. К сожалению, приходится признать, что именно в Узбекистане этот показатель снизился в 1991-1999 гг. с 337 до 166 тыс. (На наш взгляд, это связано не столько с экономическими условиями, сколько с политическими факторами.) Между тем, он повысился в Таджикистане соответственно с 69 до 79

тыс., в Казахстане – с 288 до 365 тыс., а в Кыргызстане – с 58 до 159 тыс. (см. «СНГ. Статистический ежегодник-99», Москва, 2000, с. 309, 359, 503, 575). Таким образом, именно в Кыргызстане, с его сравнительно низким подушевым ВВП, наблюдалось особенно быстрое расширение системы высшего образования, при котором число студентов всего за 8 лет увеличилось в 2,7 раза. Таковы некоторые исходные позиции, характеризующие уровень состояния и подготовки человеческого потенциала и трудовых ресурсов, которые подкрепляют тезис о наличии определенных благоприятных предпосылок для перехода на путь догоняющего развития.

Однако это только одна сторона медали. Нельзя не обратить внимание на ряд неблагоприятных структурных сдвигов в экономике стран ЦАР, произошедших в 1991-1999 гг. В первую очередь речь идет о том, что в Туркменистане, Кыргызстане и Таджикистане произошла аграризация экономики, принявшая особенно глубокие масштабы в последних двух республиках: в сельском хозяйстве Киргизии в 1991 г. было занято около 36%, а в 1999 г. – 52,5%, а в Таджикистане соответственно – 45 и 65% всех занятых; в Туркменистане величина этого показателя увеличилась менее значительно – с 42 до 47%.

Напротив, в Казахстане и Узбекистане удельный вес занятых в сельском хозяйстве, по официальным данным, несколько сократился, соответственно с 24 до 22 и с 42 до 36%. Однако, в 1999 г. в Казахстане была проведена всеобщая перепись населения, и если ее результаты сравнить с аналогичными данными по предыдущей переписи населения в 1989 г., то перед нами предстанет совершенно другая картина: в 1989 г. в сельском хозяйстве было занято 22,4%, а в 1999 г. уже 26,4% самодельного населения страны (см. об этом: «Занятое население Республики Казахстан». Том 2. – Алматы, 2000. – с.84; Фридман Л.А., Каражас О.В. «Структурные сдвиги в народном хозяйстве Центральной Азии и Закавказья (по материалам переписи населения 1926-1989 гг.) // Вестник МГУ, серия 13, «востоковедение». – 1994. – № 2. – с.6). Если эти цифры переписей точнее отражают сдвиги в социально-экономической структуре, то и в Казахстане в целом в 90-е годы наблюдался процесс относительной аграризации экономики, хотя его мас-

штабы были, конечно, не столь велики как в Киргизии или Таджикистане.

Что же касается Узбекистана, то, на наш взгляд, за официальными цифрами текущей занятости скрывается все большее распространение аграрного перенаселения, неполной и неучтенной занятости в сельских районах. Дело в том, что в этой стране статистика фиксирует одновременно снижение занятости в сельском хозяйстве и дезурбанизацию. Об этом можно судить по материалам о динамике удельного веса городского населения: если в 1989 (а также и в 1980) году в городах Узбекистана проживало около 41%, то в 1999 г. – только 37% всего населения. Между тем, в Казахстане величина аналогичного показателя достигала в 1980 г. 54, в 1989 г. – 57, а в 1999 г. – 56%, т.е. ее колебания были невелики и, возможно, находились в пределах статистической ошибки.

Следует подчеркнуть, что процесс частичной дезурбанизации начался еще в советский период. Так, например, в Таджикистане доля городского населения в 1979 г. достигала 34,6, в 1989 г. – 32,6%, а в 1999 г. сократилась до 28%. В Туркмении удельный вес городского населения достиг своего максимума в 1970 г. (47,9%), в 1989 г. снизился до 45,4%, и в 1999 г. оставался примерно на том же уровне, а, возможно, и сократился. В Кыргызстане доля горожан в 1979-89 гг. достигала 38%, а по переписи 1999 г. сократилась до 34%. Таким образом, можно констатировать, что начавшийся с 70-х годов процесс дезурбанизации населения еще более усилился в 90-х гг. в условиях аграризации экономики.

Наряду с аграризацией и дезурбанизацией, которые происходили в большинстве, но не во всех странах ЦАР, в 1991-1999 гг. в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане можно констатировать отчетливую тенденцию к дезиндустриализации экономики. Так, в Казахстане удельный вес занятых в промышленности сократился за этот период с 20,2 до 14,8, а в строительстве – с 10,3 до 3,5% всех занятых; в Кыргызстане величина аналогичных показателей сократилась с 18 до 14,6 и с 8,1 до 2,7%; в Таджикистане соответственно – с 13 до 7,6% и с 7,5 до 2,5%, а в Узбекистане – с 14,7 до 12,7 и с 8,2 до 7,2%. В Туркменистане при резком сокращении числа занятых в строительстве с 10,7 до 5,7% наблюдался рост показателя промышленной занятости с 10,4 до 12,1%.

Конечно, оценка этих процессов может быть различной: с точки зрения, так сказать, стандартных характеристик, принятых в политической экономии или социологии, эти тенденции свидетельствуют о *регрессивных сдвигах в экономике и социальной структуре*. Но некоторые исследователи не без основания отмечают, что в советский период в ряде республик ЦАР происходил процесс своеобразной сверхиндустриализации и сверхурбанизации, так что указанные изменения отчасти могли отражать неизбежную ликвидацию деформаций экономических и социальных структур. Другое дело – оценка масштабов этих деформаций и их исправления, а также тех отрицательных последствий, которые эти «коррекции» имели для жизни сотен тысяч, а может быть, и миллионов людей. Если к тому же учесть, что в 1991-1999 гг. во всех странах ЦАР, кроме Узбекистана, происходило сокращение удельного веса занятых в сферах образования, здравоохранения и науки, то оценка этих сдвигов как неблагоприятных для положения населения окажется достаточно обоснованной.

В этой связи целесообразно несколько подробнее остановиться на динамике занятости в сфере науки. По официальным данным, численность специалистов, выполнявших научные исследования и разработки, сократилась в Узбекистане с 41 до 15 тыс., в Таджикистане в 1991-1997 гг. – с 4,4 до 1,3 тыс., а затем вновь увеличилась до 2,7 тыс.; в Кыргызстане сократилась в 1991-1999 гг. с 5,7 до 2,5 тыс., а в Казахстане – с 27,6 до 10,8 тыс. чел. (см. СНГ. Статистический ежегодник '99, с.310, 360, 503, 575). Общее число занятых в сфере науки в Туркменистане (других данных нет) снизилось за те же годы с 14 до 5,2 тыс. человек. Конечно, частично снижение числа занятых в этой сфере могло отражать неизбежное при рыночных реформах сокращение раздутых штатов в научных учреждениях советского периода. Однако вместе с тем этот процесс в какой-то своей части означал и реальные потери научного потенциала. В целом же трудно отрицать, что *отмеченные выше тенденции вели не к модернизации, а скорее к традиционализации и даже отчасти архаизации экономики и социальной структуры*. В перспективе переход к ускоренному экономическому росту на путях догоняющего развития потребует всемерной поддержки систем народного образования

и здравоохранения, сохранения и развития реального научного потенциала, разумной индустриализации, способствующей повышению эффективности экономики, равно как и интенсификации сельского хозяйства.

В заключительном разделе нашего доклада хотелось бы остановиться на тех сферах и показателях экономической ситуации стран ЦАР, которые прямо или косвенно связаны с нынешним информационно-инновационным этапом развития стран Запада. Речь идет, конечно, в первую очередь, о таких хорошо известных индикаторах, как число компьютеров, подключений к Интернету, количестве сотовых телефонов, факс-машин; не менее важным индикатором является число заявок на предоставление патентов, поданных резидентами данной страны. Сохраняют свое значение и традиционные средства информации и связи: радио, телевидение, в том числе кабельное, телефоны и т.п. Но предварительно имеет смысл изучить динамику обобщающего показателя развития современного сектора экономики, каким является использование электроэнергии (см. таблицу 5). Внимательное изучение цифр, приведенных в таблице № 5, и их динамики показывает, во-первых, что потребление электроэнергии во всех странах ЦАР, а также России, сократилось в 90-е гг.; во-вторых, что даже после этого в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане и тем более Казахстане, оно оставалось выше, чем, например, в Турции, а также в два-три и более раз превосходило аналогичный показатель по Китаю; в-третьих, единственным исключением является Туркменистан, где потребление электроэнергии сократилось в 90-х гг. особенно резко и где в 1997 г. оно опустилось ниже «среднетурецкого» уровня; в-четвертых, для стран ЦАР были характерны довольно высокие потери электроэнергии на пути от электростанции к потребителям. Аналогичный процесс, в том числе и рост этих потерь, наблюдался в 90-х гг. во многих развивающихся странах, например, в Иране и Турции. При этом общие относительные потери электроэнергии в указанных странах были выше, чем в государствах ЦАР. Единственным исключением среди них оказался Кыргызстан, где с 1990 по 1997 гг. удельный вес потерь увеличился в несколько раз и достиг, быть может, самого высокого уровня даже среди развивающихся

Таблица 5. Некоторые показатели развития современного и информационно-инновационного секторов в странах Центральной Азии и других государствах

Страны	Потребление электроэнергии квтч		Потери энергии %		На 1 тыс. жителей				Число подключений к Интернету на 10 тыс. жителей, янв. 2000г.	Заявки резидентов на выдачу патентов, 1997г.
	1990	1997	1990	1997	Компьютеры	Факс-машины	Сотовые телефоны	Телефоны		
Казахстан	5905	2595	9	18	9	0,1	2	104	2,45	1171
Кыргызстан	1900	1372	8	34	7	9	0	76	5,02	152
Таджикистан	3346	2177	9	12	9	0,3	0	37	0,35	23
Туркменистан	2293	934	8	11	9	9	1	82	0,92	52
Узбекистан	2383	1645	9	9	9	9	1	65	0,08	817
Россия	5821	3981	8	10	41	0,4	5	197	14,7	15277
Китай	471	714	7	8	8,9	1,6	19	70	0,57	12786
Иран	829	1163	19	22	31,3	9	6	112	0,09	418
Турция	801	1275	12	18	23,2	1,7	53	254	13,92	233
США	10558	11822	8	6	459	78,4	256	661	1940	125808
Португалия	2379	3206	11	10	81,3	7,0	309	413	90,7	92

Составлено и подсчитано по: «World Development Report 2000/2001», pp.310-311, 308-309; «World Development Indicators 2000», Washington, 2000, pp.300-302.

ся стран (34%). Пока мы не находим этому удовлетворительного объяснения.

Если же обратиться теперь к более современным индикаторам «Information age» («Века информации»), то в международных справочных изданиях отсутствуют сведения о числе персональных компьютеров, которые между тем все шире распространяются в республиках Центральной Азии. Что касается подключений к Интернету, то на январь 2000 г. самый высокий показатель среди стран региона имел Кыргызстан (5 на каждые 10000 жителей), который, тем не менее, почти втрое отставал от Турции или России по величине этого показателя. Индикатор распространения Интернета в Казахстане оказался вдвое ниже, чем в Киргизии, а в Туркменистане и Таджикистане аналогичные цифры не достигали и 1 к 10 000. С точки зрения условий интеграции в современную экономику не может не вызывать беспокойства тот факт, что в Узбекистане индикатор распространения Интернета оказался в 30 раз меньше, чем в Казахстане, и в 60 раз меньше, чем в Кыргызстане.

Иная картина вырисовывается при изучении материалов об инновационной деятельности в странах ЦАР. Как видно из данных таблицы, общее число заявок на получение патентов, поданных резидентами, ока-

залось в Казахстане в 5 раз больше, а в Узбекистане в 3,5 раза больше, чем в Турции. И даже в Кыргызстане с населением в 5 млн. человек количество патентных заявок менее чем вдвое уступало величине аналогичного показателя в Турции с населением в 64 млн. человек. Если же учесть разницу в численности населения между Турцией, с одной стороны, и республиками ЦАР, с другой, то приходится признать, что указанная количественная характеристика инноваций в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане (в расчете на 1000 жителей) оказалась в несколько раз больше, чем в Турции.

Впрочем, было бы неправильно преувеличивать значение этого, несомненно, важного показателя инновационной деятельности в указанных странах. К сожалению, так же как и в сфере Интернета, некоторые другие средства информации и связи гораздо медленнее распространяются в странах ЦАР. Так, например, если число мобильных телефонов на каждую 1000 жителей в Туркменистане и Узбекистане в 1998 г. не превышало 1, а в Казахстане – 2, то в Турции оно достигало 53. Точно так же, если в Турции в расчете на каждую 1000 жителей приходилось по 1,7 факс-машин, то в Казахстане 0,1, а в Таджикистане 0,3; в остальных республиках число их было совершенно незначительным. К

тому же есть основание полагать, что в 90-е годы еще больше увеличился разрыв между (пусть недостаточным) развитием «верхних звеньев» экономики – ее информационного сектора, и масштабами использования современной техники бытового назначения основной массой населения. Эти технические средства достаточно широко вошли в быт еще в советский период. Так, например, число телевизоров на каждые 100 семей в Казахстане в 1991 г. достигало 118, а к 1999 г. сократилось до 65; в Кыргызстане соответственно – с 90 до 48; в Таджикистане – с 90 до 39 (в 1998 г.); в Узбекистане – с 87 до 34 (по Туркмении материалов нет). Число холодильников и морозильников за тот же период также сократилось: в Казахстане с 92 до 52, в Кыргызстане с 80 до 37, в Узбекистане с 78 до 39. Аналогичные процессы наблюдались и в сфере использования стиральных машин, электропылесосов, магнитофонов. И только такое современное средство передвижения, как легковая автомашина, которая одновременно стала символом социального престижа, в Казахстане ныне более широко распространено, чем 10 лет назад (см.: СНГ. Статистический ежегодник '99, с.43).

Как видим, трудности переходного периода, в том числе процессы, наблюдающиеся в Центральной Азии, аграризации, дезиндустриализации и дезурбанизации, сокращение научно-технического потенциала, а также другие элементы и тенденции, свидетельствующие о традиционализации экономики и социальной структуры, крайне противоречиво соединялись с ростками нового, современного, связанного с постепенным включением суверенных государств ЦАР в мирохозяйственные связи эпохи глобализации, содержание и динамику которых задают развитые страны. В итоге экономика, жизнь и быт сельских и городских районов стран Центральной Азии характеризуются взаимодействием (сосуществованием, но также и «борьбой») противоположных тенденций: аграризации, дезиндустриализации, частичной традиционализации быта людей и распространением некоторых наиболее современных средств информации и связи, становление институтов рыночной экономики таких, как биржи, акционерные компании, банки и другие финансовые организации и т.п.

Разумеется, эта тема требует специального анализа, но мы ограничимся лишь приве-

дением итоговых данных об удельном весе частного и смешанного сектора в экономике этих стран. По имеющимся расчетам и оценкам, на долю предприятий частного и смешанного секторов экономики к концу 90-х гг. приходилось в Казахстане около 75% занятых и 55% производства ВВП; в Кыргызстане – соответственно 73 и 70%; в Таджикистане – 62 и 30-35%, в Туркменистане – 59 и 25-30%; наконец, в Узбекистане – 69 и 45% (См.: «СНГ. Статистический ежегодник»99» и IMF. Occasional Paper, 183, Washington, 1999). Таким образом, во всех странах ЦАР частный и смешанный секторы экономики концентрируют уже преобладающую часть всех занятых, тогда как доля этих секторов в производстве ВВП составляет больше половины в Казахстане и Кыргызстане и меньше половины в остальных республиках. Все это свидетельствует о значительном продвижении стран ЦАР к рыночной экономике и о вовлеченности в нее большей части их самостоятельного населения.

Вместе с тем, и в сельских районах, и в городах, как уже отмечалось, наблюдались, так сказать, попятные движения: разрастание доиндустриальных и даже примитивных форм и методов ведения хозяйства, сужение сфер использования современных средств производства и бытовой техники; традиционализация некоторых сегментов общественной жизни. Возрастали масштабы неравенства в распределении доходов и расходов, увеличивалась пропасть между богатыми и бедными и т.д. Во многом такое положение имеет сходство с противоречиями социально-экономического развития некоторых стран Азии и Африки постколониальной эпохи. Но в ЦАР на эти противоречия наложились тяготы экономического кризиса специфического (постсоветского) переходного периода, что и может приводить временами в той или иной стране к резкому обострению социально-экономической напряженности, осложненной «исламским фактором», и к возникновению межгосударственных политических и даже военных конфликтов. Эти конфликты отнюдь не являются фатально неизбежными и могут быть предотвращены при проведении разумной внутренней и внешней политики, при обеспечении согласованных действий стран ЦАР по защите их внешней и внутренней безопасности.

РОЛЬ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ФАКТОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИНДИИ

Ерекешева Л.Г.

Республика Индия, имеющая общие границы с Афганистаном, Бангладеш, Бирмой, Бутаном, Китаем, Непалом, Пакистаном, Таджикистаном, Шри-Ланкой, является безусловным лидером Южно-Азиатского региона. В последнее время, однако, складывается тенденция усиления геополитического влияния Индии и в других регионах, в частности, в Юго-Западной, Юго-Восточной Азии.

Индия представляет собой уникальный пример того, каким образом страна, в прошлом – колониально-зависимая, сталкивавшаяся и продолжающая сталкиваться с многочисленными социальными, экономическими проблемами, а также граничащая с враждебно настроенными по отношению к себе странами, тем не менее, смогла не только добиться значительных успехов в экономике и стать региональной державой, но и добиться безусловного мирового лидерства в области программного и информационного обеспечения.

Значительный подъем экономики, лидерство в области передовых информационных технологий, наличие ядерного оружия, стратегическое партнерство с крупнейшими державами – эти и другие факторы свидетельствуют о том, что в перспективе роль Индии может стать определяющей, должна будет учитываться и государствами Центральной Азии, в частности, Республикой Казахстан.

Научно-информационный фактор во многом определяет на сегодняшний день экономическую ситуацию в Индии, достаточно благоприятную для роста экономики. Развитие информационных технологий для Индии означает то же самое, что и развитие нефтегазовой отрасли для стран Ближнего Востока и региона Персидского залива. Сегодня Индия получает столь необходимые ей инвестиции в основном благодаря вливанию иностранных денежных потоков в развитие наукоемких отраслей производства.

В 2000 году Индия привлекла зарубежных инвестиций на 4,5 млрд. долларов, что на 14,6% больше, чем в 1999 году (3,95 млрд. долларов). За последние 10 лет в целом общий объем прямых зарубежных инвестиций в экономику страны составил 23,6 млрд. долларов. Причем, основная часть инвестиций направлена на развитие высокотехнологических отраслей [1]:

- Компания IBM, например, планирует инвестировать в ближайшие годы 100 миллионов долларов в деятельность лаборатории по разработке программного обеспечения, которую она сама же и открыла. Это станет уже 4-м проектом компании в Индии.

- Представители компании AOL объявили о том, что в ближайшие 5 лет объем инвестиций составит более 100 миллионов долларов, которые будут направляться на предоставление услуг интернета в Индии. В 2000 году корпорация уже заключила контракт на распространение продукции компании с крупнейшим индийским провайдером Satyam Infoway Ltd.

- Массачусетский технологический институт (США) совместно с правительством Индии планирует открыть азиатскую медиалабораторию (европейская медиалаборатория МИТ была открыта в 2000 году в Ирландии). В проект, призванный содействовать техническому развитию региона, планируется вложить 500-1000 миллионов долларов в течение 10 лет. Предполагается, что годовой бюджет данной лаборатории в размере 50-100 миллионов долларов превысит бюджеты американской и европейской медиалабораторий.

О значимости Индии для ведущих стран мира в области развития информационных технологий свидетельствует, в частности, ряд следующих фактов:

- 1 февраля 2001 года заместитель председателя совета директоров биржи Nasdaq Альфред Беркли объявил о планах биржи открыть свой офис в технологической сто-

лице Индии – городе Бангалоре, поскольку, по его мнению, как настоящий, так и долгосрочный потенциал Индии в области информационных технологий оценивается очень высоко.

• Крупнейшая в США рекрутинговая интернет-компания Monster.com объявила об открытии в Индии в ближайшее время своего филиала по поиску кадров для работы в области информационных технологий и продаж.

• Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в феврале этого года сообщило о снижении требований к специалистам в области информационных технологий из Индии, желающим иммигрировать в Японию. Если раньше это могли сделать только люди с высшим образованием в области науки и технологии или инженеры с опытом работы более 10 лет, то теперь такая возможность появится у тех, кто прошел квалификационный тест Министерства информационных технологий Индии.

• Около 65% программного обеспечения, создаваемого в Индии, продается американским компаниям (вплоть до Cisco и General Electric) при объемах годового экспорта в 4 миллиарда долларов, из которых только на General Electric приходится 150 миллионов долларов, или 4%.

• Согласно отчету Merrill Lynch, в течение ближайших 2-х лет 46% крупнейших корпораций США планируют осуществлять проекты в сфере информационных технологий с участием фирм из Индии, Ирландии и Израиля.[2]

Свою программу в области развития передовых технологий Индия разработала еще в 1983 году, сразу же приступив к ее осуществлению. Данная государственная программа нацелена на то, чтобы способствовать разработке технологий, необходимых для превращения Индии в кратчайшие сроки в само-обеспечивающуюся и конкурентоспособную страну.

На сегодняшний день развитие информационных технологий стало для Индии приоритетным направлением развития экономики. Для того, чтобы Индия стала мировой супер-державой в этой сфере, государство принимает самые разнообразные меры, в частности, следующие:

• Правительство Индии рекомендовало каждому министерству и департаменту вы-

делять 2-3% от их бюджета на развитие информационных технологий, кроме того, предоставило основные налоговые льготы по сектору информационных технологий: льготы по подоходному налогу организациям и лицам, занятым в исследовательской сфере; облегченные налоговые вычеты на спонсируемую деятельность; освобождение от таможенных пошлин на товары, ввозимые в страну по исследовательским проектам, которые финансируются правительством Индии, другие виды льгот.

• Правительство Индии утвердило создание специального венчурного фонда по информационным технологиям, доли в котором имеют: государство в лице Управления по электронике (30%), Банк Индии по развитию малого бизнеса (40%), финансовые и исследовательские институты, частные компании (30%). Цель деятельности фонда – предоставление финансового капитала и займов для развития информационных технологий (создания специальных структурных подразделений, обучения специалистов) в тех фирмах и компаниях, занимающихся разработкой программного обеспечения, которые работают в сфере малого бизнеса.

• Для развития электронной торговли был разработан специальный указ, обеспечивающий юридическую базу для заключения сделок, произведенных в электронном режиме, предотвращения компьютерных преступлений и т.д. Кроме того, было выдвинуто предложение о признании действительной в юридические документы электронной подписи. Данный законопроект министерство юстиции Индии намерено передать на рассмотрение в парламент.[3]

Налоговая, инвестиционная, торговая политика в области развития сектора электроники в Индии является очень либеральной, в результате чего в стране наблюдается своеобразный информационный бум. Это позволяет правительству практически полностью окупать затраты, вложенные в развитие данного сектора, и, кроме того, получать инвестиции.

Так, например, только индустрия по разработке программного обеспечения имела в 1998-1999 финансовом году годовой оборот в 4 миллиарда долларов США и экспорт на сумму 2,6 миллиарда долларов США. К 2008 году правительство планирует экспортировать продукцию про-

граммного обеспечения на сумму в 50 миллиардов долларов США [4].

Индия пытается использовать свое лидерство в области информационных технологий для развития экономики в целом. О значимости данной отрасли индустрии для правительства Индии свидетельствует следующий, достаточно смелый шаг, предпринятый правительством этого государства – группа хакеров в возрасте от 14 до 19 лет, проживающих в разных городах страны, будет теперь консультировать индийский национальный комитет кибер (компьютерных) полицейских, борющихся с компьютерной преступностью [5].

Экономический подъем в Индии в целом связан с проведением серьезных внутренних преобразований в сфере экономики, начатых в 1991 году, использованием опыта развитых стран, широким привлечением прямых иностранных инвестиций. Индия соблюдала последовательность при проведении реформ, когда финансовая стабилизация, создание экономических, социально-политических и юридических институтов, а также внутренняя экономическая либерализация в целом предшествовали внешне-экономической открытости. Несмотря на значительный приток иностранных капиталов, Индия, также как и Китай, не попала в инвестиционную ловушку [6].

Возросшая экономическая роль Индии в мире определяется значительным абсолютным размером ВВП (5-е место в мире) и высокими темпами роста ВВП, позволившими Индии занять в 90-е годы 3-е место по показателю абсолютного прироста ВВП среди пятерки крупнейших стран мира (США, КНР, Япония, Германия, Индия).[7]

Бурный рост новых наукоемких отраслей экономики привел к резкому увеличению доли быстро преуспевающего среднего класса, составляющего на сегодняшний

день почти 20% населения (200 миллионов человек) [8].

Вместе с тем, в Индии все еще актуальны разрешение следующих проблем в области экономики:

– борьба с бедностью (26,1% жителей страны находятся за чертой бедности) [9];

– необходимость дальнейшего проведения экономических реформ;

– развитие аграрного сектора экономики, которое позволит почти наполовину сократить число людей, живущих за чертой бедности;

– расширение внутреннего рынка и создание условий для его защиты от иностранного товаропроизводителя в условиях неизбежной глобализации экономики.

Несмотря на это, Индия, тем не менее, потенциально имеет значительные внутренние предпосылки, подкрепляемые внешней инвестиционной привлекательностью, для превращения в крупнейшую экономическую державу.

Так, по подсчетам специалистов, при ежегодном росте ВВП на уровне 8% уже в 2005 году Индия может разрешить проблему бедности, а к 2020 году – занять 4-ое место в мире с уровнем доходов на душу населения в 1500 долларов [10].

С учетом возрастания роли, сфер применения информационных технологий в различных областях жизни, а также того факта, что Индия является лидером в данной отрасли, становится очевидным, что со временем экономически Индия может стать менее уязвимой для внешних воздействий и финансовых спадов. В перспективе это не замедлит сказаться на возрастании и политической роли этой страны в мире. Некоторые тенденции постепенного усиления роли Индии можно отметить уже в настоящее время, что связано с фактором стратегического партнерства Индии с крупнейшими державами.

Литература

1. По данным министерства торговли Индии от 16 февраля 2001 года. – www.india.ru – 17 февраля 2001.
2. Новости экономики. – www.india.ru – 1 февраля, 9 февраля, 25 февраля, 11 марта 2001 г.
3. India 2000. A Reference Annual. – New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 1999. – p. 134, 148, 175, 176.
4. India 2000. A Reference Annual. – New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 1999. – p. 175.
5. Новости экономики. – www.india.ru – 4 января 2001 г.
6. В.А.Мельянцева. Крупные державы Востока, Запада и Россия: важнейшие тенденции развития на рубеже тысячелетий // Oriens-Восток. – 1999. – № 5. – с. 196, 199.

7. Там же. – с.196.

8. How can India avoid pitfalls of globalisation? – A report by special subject group. – Prime Minister's Council on Trade and Industry. – www.nic.in – part IY.

9. По данным Плановой комиссии Индии от 22 февраля 2001 г. – РИА «Новости». – 24 февраля 2001 г.

10. How can India avoid pitfalls of globalisation? – A report by special subject group. – Prime Minister's Council on Trade and Industry. – www.nic.in – part IY.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Жусипов Б.С.

Распад СССР и суверенизация бывших советских республик определили новый характер геополитической ситуации во всем мире и, особенно, на территории постсоветского пространства. Изменилась конфигурация межгосударственных отношений и в центральноазиатском регионе. Взаимоотношения Казахстана с соседними государствами стали строиться на основе признанных между равноправными субъектами международного права принципов – уважение суверенитета, территориальной целостности, права каждого народа на свободный выбор своей политической и военной ориентации.

Географическое расположение независимого Казахстана на пересечении интересов ведущих региональных держав предопределило необходимость формирования адекватной этому срединному статусу внешнеполитической концепции. Выгодное положение республики на стыке Европы, Азии и Востока, ее богатые природные ресурсы и человеческий потенциал соответствуют интересам укрепления регионального статуса Казахстана как независимого государства, стремящегося занять достойное место в мире. Как заявил Президент Н.А. Назарбаев в интервью журнала «ANALYTIC»: «отношения Казахстана и с Россией, и с США, и с Китаем носят равный и партнерский характер. Здесь не может быть никаких вопросов» [1].

У Казахстана, как суверенного государства, должна быть своя собственная политика, свое право свободного выбора приоритетов и союзников по безопасности. Одним из важнейших приоритетов руководство Казахстана считает укрепление всестороннего сотрудничества с США, которым отводится роль стратегического партнера.

Именно с Вашингтоном здесь связывают серьезные планы вхождения страны в мировое сообщество, в международные политические, финансово-экономические и военные, в том числе натовские институты и структуры, привлечения иностранных капиталов в национальную экономику, скорейшего приобщения к западным рыночным ценностям и реформирования своей политической системы. Однако, главной целью стратегического сближения с единственной и безальтернативной пока супердержавой является получение американских гарантий для обеспечения национальной и региональной безопасности. Особую ценность представляет подписанная двумя президентами в Вашингтоне (1994 год) «Хартия о демократическом партнерстве», где такие гарантии предполагаются. Обе стороны «намерены развивать взаимовыгодное сотрудничество в области обороны и проводить регулярные консультации по вопросам безопасности». В связи с этим некоторые авторы в России усматривают в этом «некоторые неблагоприятные для России тенденции» [2]. Действительно, есть основания так считать, потому что США отношения с Казахстаном рассматривают как часть американской центральноазиатской политики, где ему отводится роль одного из опорных пунктов в стратегии, которая призвана установить новый мировой порядок в случае противостояния за ресурсный передел мира, особенно в сфере распределения энергоносителей. В этом отношении особенно привлекательным является богатый нефтью и газом малоосвоенный Каспийский регион, которому отводят роль основной энергокладовой следующего столетия. Главный интерес США

определяется общей геополитической важностью региона, его значимостью как зоны повышенного риска для глобальной стабильности, где необходимо сдерживать интересы России и Китая.

В перспективе такая политическая ориентация на США Республики Казахстан, на наш взгляд, может обернуться негативной стороной. Ибо, в конечном счете, Казахстану приходится иметь дело с соседними великими державами, а не с США. Поэтому, хотя сегодняшняя американская центральноазиатская политика работает в пользу Казахстана, в отдаленной перспективе она только наносит вред безопасности его суверенитету.

Конкретные интересы безопасности Республики Казахстан также требуют стратегического определения по проблемам безопасности между Россией и Китаем.

Республику Казахстан вообще не может не беспокоить расстановка сил в мире, образование геополитических коалиций (американоцентристкой, западноевропейской, «большого Китая», исламский фундаментализм, сферы японского экономико-политического влияния) и попытки создания «надкоалиции» типа проектов образования обширной атлантической зоны, появление новых региональных лидеров. Пока это не угроза, но потенциальная опасность, парирование которой, бесспорно, является одним из основных национальных приоритетов.

В вопросах безопасности казахстанская дипломатия особые надежды в смысле безопасности возлагает на США как на глобальную супердержаву, имеющую реальные рычаги воздействия на Россию и Китай. Здесь многие авторы ссылаются на факт установления между Казахстаном и США «стратегического партнерства». А некоторые – сомневаются в весомости этой декларации. Например, опасения У. Касенова относительно искренности американского заявления о «стратегическом партнерстве» заключаются в следующем, как он пишет: «В ходе визита в США Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в ноябре 1997 года казахстанской стороне удалось добиться от американской стороны декларативных заявлений об установлении «стратегического партнерства» между США и Казахстаном.» Это прозвучало в речах Президента США Б. Клинтона и других высоких официальных лиц. Однако, в совместном заявлении по

итомам визита нет упоминания об установлении «стратегического партнерства». Это означает, что официально в силе остается прежний характер отношений, основанный на принятой в феврале 1994 года «Хартии о демократическом партнерстве». Следовательно, не стоит впадать в эйфорию от якобы установившихся между США и Казахстаном отношений «стратегического партнерства». Было бы слишком опрометчиво выдавать желаемое за действительное» [3].

Как бы ни было, на наш взгляд, США не без расчета добиваются «стратегического партнерства». Их привлекает геополитическое положение Республики Казахстан: богатейшие запасы нефти и газа в Западном Казахстане и на шельфе Каспийского моря, близкое географическое соседство с Россией, Китаем и «исламским миром». Иностранное присутствие, прежде всего Запада, в перспективе не безобидно в смысле безопасности страны. Сейчас крупнейшие казахстанские предприятия и целые отрасли передаются в управление и в собственность иностранцам. Правительство старается это объяснить народу. Но в быденном сознании народа это понимается как современная форма колонизации.

Сотрудничество между Казахстаном и НАТО реализуется на основе программы «Партнерство во имя мира». Воинские подразделения США уже принимают участие в полевых учениях в составе Центрально-Азиатского миротворческого батальона (Центразбат), ежегодно проводимых в Центральной Азии с 1997 года. Открыта миссия Республики Казахстан при НАТО. В 1999 году также были проведены военные учения «Жардем – 99». Все это со стороны оппозиции в Казахстане вызывает возмущение и осуждение.

После ракетно-бомбового удара НАТО по территории Югославии мало уповать на благоразумие США как сверхдержавы. Попустительство в определении принципиальной стратегии чревато угрозой и для других стран. В заявлении МИДа Республики Казахстан говорится о том, что «избежать дальнейшей напряженности и новых человеческих жертв можно лишь с помощью действенных и согласованных мер всего международного сообщества, с использованием соответствующих механизмов ООН и ОБСЕ» [4].

Как правильно утверждает У. Касенов, «государства Центральной Азии, пока за исключением Таджикистана, развивают отношения с НАТО на основе программы «Партнерства во имя мира». Стремление стран региона сотрудничать с НАТО обусловлено открывающимися в этой связи возможностями использования опыта и помощи альянса в строительстве своих вооруженных сил и подготовке военных кадров в его учебных заведениях... Очевидно, что расширение НАТО на Востоке не воспринимается в Центральной Азии как угроза региональной безопасности. Сами государства региона не стремятся к вступлению в НАТО, но рассчитывают на дальнейшее развитие партнерских отношений с альянсом» [5]. Однако, сегодня политическая обстановка в мире стремительно меняется, особенно после нападения НАТО во главе с США на Югославию. В этой ситуации вышеуказанное стремление стран региона, на наш взгляд, представляет опасный прецедент и риск.

Пространство, ранее занимавшееся Варшавским Договором, не стало нейтральным, а превратилось в арену скрытого военно-политического соперничества. Бывшие противники получили новых союзников и приблизились к российским рубежам, США выступают инициаторами дальнейшего расширения НАТО, продолжают гонку вооружений – теперь уже на качественно новом уровне.

По мнению А. Подберезкина «...возможное увеличение состава участников Североатлантического союза приведет к значительному возрастанию его боевого потенциала на восточноевропейском направлении. На континенте вновь возникает дисбаланс сил в пользу единственного мощного суперблока. Количество обычных вооружений, которыми в совокупности будет располагать военная организация НАТО, повысит уровни достаточности для обороны, образует потенциал для внезапного нападения, окончательно похоронит Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Группировки войск НАТО получат полную возможность укрепиться у границ России на длительную перспективу» [6].

В НАТО уже вступили Польша, Венгрия, Чехия, стучатся в его двери Словакия, Румыния, на пороге вступления в НАТО стоит Албания, а также Латвия, Литва и Эсто-

ния. В перспективе прогнозируется возможность вступления в этот альянс Украины. К границам России стремятся продвинуться не совместные экономические структуры создания, а инструменты войны, разрушения в виде военных группировок, ядерных вооружений и всего того, что создает материальную основу всякой войны. Это позволило бы НАТО держать Россию в кольце окружения на суше и на море, диктовать ей свои условия сосуществования.

Общественное сознание США ориентируется на жесткий мировоззренческий стереотип: жизнь общества обречена на принципиальную неизбавимость от войн и конфликтов. Периодически этот стереотип подпитывается политическими решениями правящей элиты, ориентированными либо на вовлечение страны в мировые конфликты, либо на приготовление к ним, либо на боевые действия на территории сопредельных государств [7].

Выдвигаются сомнительные идеи укрепления безопасности в мире, в том числе стран СНГ, при помощи НАТО. На форуме по международной безопасности в Мюнхене глава МИД Украины Борис Тарасюк однозначно высказался за дальнейшее расширение НАТО на Восток. Он недвусмысленно заявил, что вступление в Североатлантический союз и ЕС восточноевропейских стран, в том числе и Украины, создает «двойной бастион демократии». В то же время у российского руководства отношение к вопросу расширения НАТО на Восток остается прежним. «Это движение в неправильном направлении, – заявил министр иностранных дел РФ Игорь Иванов. – Европейские страны должны стремиться к созданию системы общеевропейской безопасности, которая будет служить интересам не отдельной группы государств, а государствам Европы в целом.» [8]

Неблагоприятна и неприемлема для России программа расширения НАТО на Восток, и это косвенным образом представляет для Казахстана угрозу. Казахстан должен понять то, что расширение НАТО на Восток как бы не привело к появлению нового двухполюсного соотношения блока противоборствующих сил, т.е. наступления «второго раунда» холодной войны. «...расширение НАТО в восточном направлении, – пишут Е.М. Арынов, Е.М. Абенев, – на деле означает усиление российского военно-по-

литического влияния на своем юге. В этом смысле думается, что для Новых Независимых Государств Центральной Азии издержки расширения НАТО на Восток можно было бы свести на нет лишь одним путем – получением гарантии безопасности НАТО. Именно это позволило бы стать более реальной гарантией ядерной безопасности Казахстана» [9]. Эти выводы, которые сделали выше Арынов и Абенев, на наш взгляд, можно считать уже пройденным этапом. А в случае реальных конфликтов будет недо гаранти. С реальностью нельзя не согласиться. К тому же, как правильно утверждают сами Е. М. Арынов, Е. М. Абенев: «...Вашингтон и Нью-Йорк слишком далеки, чтобы быстро реагировать на возможную ситуацию в Казахстане» [10].

Россия хоть и не может помешать процессу разрастания блока НАТО все же имеет определенное влияние в пределах территории бывшего Советского Союза, вполне достаточное для сдерживания такого расширения. Поэтому возможен вариант, что в противостоянии НАТО, возглавляемой Соединенными Штатами, Россия найдет себе союзников из числа государств азиатского региона, которыми могут стать Китай, Иран, Ирак, Северная Корея, Индия и другие страны антиамериканской ориентации. Можно допустить и другое – под давлением реальных обстоятельств Россия сможет опять нарастить свою былую мощь, создаст приемлемые условия жизни народа и в силу своих специфических геополитических условий восстановит былое влияние и контроль в пределах границ СНГ [11].

По утверждению некоторых авторов, с одной стороны, Запад хотел бы видеть в России противовес «желто-зеленой» опасности со стороны Китая и мусульманских государств, с другой. В этой связи следует отметить то, что в ряде работ авторов исследования вопросы взаимоотношений с Китаем как великим соседом Республики Казахстан: В. Ардаева, А.К. Кошанова, Г.У. Ходжиевой, В. Портякова, Д.А. Сатпаева, В. Стефашина, К.С. Султанова, К.Л. Сыроежкина и др.

Л.М. Лаумулин в своей статье делает ссылку на западных ученых, которые пишут, что, «Пекин проводит колониальную политику в отношении тюркских меньшинств, включая казахов, имеющую целью уничтожить их культурную самобытность и асси-

милировать в ханском населении. Общеизвестно, что именно мусульманские народы с трудом поддаются ассимиляции, что еще больше усилит давление со стороны китайских властей в Синьцзяне. Но как отражается этот фактор во внешней политике независимого Казахстана? Здесь Фуллер вступает в область предположений. Он утверждает, что правительство Казахстана не может игнорировать казахское население в Китае, поскольку это ощутимый этнический резерв, который может существенно изменить национальный баланс в республике» [12]. Далее он продолжает: «Китайское правительство, вероятно, было бы счастливым избавиться свои пограничные земли от неханских народов и заинтересовано в сделке с Алма-Атой по репатриации китайских казахов. В противном случае в Алма-Ате будут заинтересованы в судьбе казахского населения Синьцзяна и могут пойти даже на поддержку их политического сопротивления и сделать то же самое в отношении уйгуров» [13].

Здесь мы видим слишком противоречивые и даже легкомысленные, граничащие с авантюризмом выводы. Во-первых, выводы вместо научности отдают заполитизированностью, особенно в оценке современного положения в Китае и Казахстане. Во-вторых, иллюзорно представлять, будто Казахстан будет проводить политику присоединения казахов, проживающих в Китае из-за того, что, как утверждает Фуллер, «это ощутимый этнический резерв, который может существенно изменить национальный баланс в республике». В-третьих, смешно считать, что китайское правительство будет считать себя счастливым, избавляясь «от неханских народов». В-четвертых, заведомо является клеветой утверждение о том, что в Казахстане «будут заинтересованы в судьбе казахского населения Синьцзяна и могут пойти даже на поддержку их политического сопротивления и сделать то же самое в отношении уйгуров». Нельзя, на наш взгляд, строить политику безопасности Казахстана на такой зыбкой и сомнительной основе.

В 1998 году заключено соглашение о «спорных территориях» с Китаем, по которому Китаю передается 400 квадратных километров казахстанской земли. В связи с этим газета «Новое поколение» писала: «А что как, вдохновившись легкой победой, захочет наш китайский брат дружить еще

сильнее? По свидетельствам Олжаса Сулейменова «в их (китайских) учебниках земли Казахстана до Караганды внесены в пределы империи». Кожа-Ахмет утверждает, что в Национальном музее в Пекине находится карта современного Китая, «на которой земли от южной части Балхашского озера до г. Семипалатинска – Семиречье и Восточно-Казахстанская область указаны как территория КНР». Что, как южный сосед, измученный демографическим кризисом, попросит наших чиновников восстановить «историческую справедливость»? [14].

В феврале 1999г. в мажилисе рассмотрено соглашение, подписанное 4 февраля 1998 года, о казахстанско-китайской границе в рамках состоявшихся переговоров между Россией, Таджикистаном, Кыргызстаном, Казахстаном и Китаем. Речь, как в соглашении, так и в целом на июльских переговорах идет о спорных приграничных участках. По заявлению МИДа, «общая площадь спорной между бывшим Союзом и Китаем территории составляет 34 тыс. кв. км, из которой 944 кв. км приходится на Казахстан. Это соглашение ратифицировано» [15]. К Казахстану относится левобережье реки Сарыгильды до слияния с Черемховой и район перевала Шолак общей площадью 95 кв. км. В итоге из 944 кв. км. Казахстан сохранил 537 кв. км, к Китаю отошла территория в 407 кв. км.

Однако сам процесс делимитации для Казахстана еще не завершен. Предстоит еще юридически описать границы с другими соседями – Россией, Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. На это, отмечает министр К. Токаев, потребуется 4-5 лет, после чего Казахстан по международным нормам может считаться суверенным государством, имеющим свои четко определенные границы. Казахстанско-китайское соглашение имеет в виду два приграничных района. Первый из них – район Чоган-Обо в Восточно-Казахстанской области площадью 629 кв. км, расположен в ориентирах перевалов Чоган-Обо и Бай-Мурза. Это участок среднегорья с преобладающими высотами до 2500 метров, изрезанный притоками рек Чоган-Обо и Керегентас, занятый пастбищными угодьями и небольшими лесными массивами. По соглашению, Казахстан сохраняет 70% территории, или 442 кв. км. [16].

Вот что пишет в редакцию газеты «Новое поколение» относительно этого события из Алматы А. Каиров: «В №8 от 26.02.99 г. прочел статью «Землю – китайцам!». Мне 70 лет и я неплохо знаю ситуацию относительно границы с Китаем. Я знаю одно, что вопрос прохождения границы с Китаем был решен еще в XIX веке крепко и навечно. А теперь вот Токаев взял да без ведома народа передал, то есть «подарил» китайцам 400 кв. км. Просто нет слов для этого Токаева. Прадеды, деды, отцы веками проливали кровь за каждую пядь земли, сколько голов сложили лишь за пять лет Великой Отечественной войны за родную землю. Ведь на этих 400 кв. км живут еще люди. А с ними что будет? Или их тоже «подарили» китайцам в рабство? Кто ему разрешил решать этот вопрос? Или он думал, раз уж всякие чиновники разворовывают весь Казахстан, то я что, хуже их? Сначала 400 кв. км, а если пройдет этот номер, то можно дальше продавать. Хорошо, ничего не скажешь: ни войны, ни шума, ни спора. Китайцы землю забрали и сконцом. А завтра еще потребуют Алматинскую, Талдыкорганскую области. Быть может, я не прав, я старый человек, который прошел тяжелый путь. Но такого бардака, что творится, терпеть нельзя» [17].

Министр иностранных дел Республики Казахстан комментирует этот документ так: «...мы полностью убеждены в огромном значении данных соглашений с точки зрения обеспечения безопасности Казахстана. Надо учитывать и то, что Китай становится все более мощным государством. Никогда нельзя забывать, что пограничные споры нередко бывают причиной военных конфликтов. Я, как человек, занимавшийся пограничными вопросами, еще будучи экспертом советской делегации на этих переговорах и, возглавляя эту работу на казахстанско-китайских погранпереговорах, могу сказать, что решая пограничные вопросы, мы хотели прежде всего обеспечить безопасность Казахстана, «закрыв» его границы путем юридического оформления» [18]. Мы считаем, что данное утверждение имеет под собой основание.

В Казахстане до сих пор существуют некоторые беспокойства по поводу того, что Китай может угрожать безопасности государства с точки зрения военной мощи и огромного народонаселения; помимо

того, проблема Синьцзяна несет черты двусмысленности для обеих сторон. Кроме этих отрицательных моментов мы видим, что у Казахстана и Китая есть все направления для стабильного взаимовыгодного сотрудничества.

В заключение, сравнивая связи Китая с другими соседними государствами, такими, как Индия и Вьетнам, мы видим, что благодаря установившимся между Казахстаном и Китаем отношениям, оба государства не только за короткий период разрешили исторический спор, в частности, по пограничным проблемам, но также быстро наладили взаимодоверие и пришли к весомым результатам. «Этот вид добрых двусторонних отношений означает, что оба государства искренне намерены поддерживать гармонию и мирную обстановку в регионе. Рассматривая эти достижения с позиции политической части структурного функционализма, т.е. в соответствии с принципом следования государственному интересу и суверенитету, можно заключить, что в этом плане Казахстан действительно добился огромного успеха» [19].

В сентябре 1997 г. был подписан пакет соглашений о строительстве нефтепровода из Западного Казахстана в Китай и инвестировании в нефтедобычу на прикаспийских месторождениях в общей сложности на сумму 9,5 млрд. долл. С реализацией этого проекта Китай может стать самым крупным потребителем казахстанской нефти. В этой связи высказываются опасения о том, что Каспий может стать для экономики КНР тем, чем является Персидский залив для экономики США сегодня. А это, в свою очередь, касается проблемы безопасности этого региона.

Слабость СНГ серьезным образом ухудшает состояние безопасности стран, входящих в него. Академик Г.А. Арбатов с огорчением отмечает, что в России «нет продуманной концепции отношений со странами СНГ, и если эти отношения мы не признаем главным приоритетом в российской политике, бывшие республики Союза «уйдут» от нас в разные стороны» [20].

Не секрет, что еще до времени образования СНГ на пространстве бывшего Союза полыхали или тлели социальные, территориальные, экономические, национальные и другие конфликты, которые, в принципе, невозможно разрешить силовыми методами.

Это, например, карабахский конфликт, гражданская война в Таджикистане, грузино-абхазский конфликт и чеченская война. Поэтому республики, образующая Содружество, искренне надеялись, что СНГ сможет удовлетворить насущные нужды и защитить их интересы. И действительно, в области обеспечения безопасности в границах СНГ Содружество достигло существенных результатов. Так, несмотря на локальные вооруженные конфликты, предотвращена опасность вторжения извне и сокращено число внутренних беспорядков, что вполне может быть отнесено в заслугу СНГ. Другим достижением Содружества является помощь и посредничество, оказываемые его республикам со стороны ООН и Совета Безопасности Европы, а также легитимизация пребывания российских войск на прежних военных базах, расположенных теперь на территориях суверенных республик. Например, находящиеся на границе Таджикистана с Афганистаном российские войска препятствуют распространению исламского фундаментализма в северном направлении.

Н.А. Назарбаеву принадлежит инициатива дальнейшего укрепления СНГ путем создания единого экономического пространства и зоны свободной торговли, что, безусловно, выгодно для внутренней и внешней безопасности Казахстана [21].

Своеобразным региональным центром силы следует рассматривать созданный по инициативе Н.А. Назарбаева Центрально-Азиатский союз (ЦАС) в составе Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Стратегическим политическим направлением Союза является экономическое и военнополитическое взаимодействие государств, регулируемое соответствующими наднациональными институтами (Советы глав государств и правительства, Совет министров обороны и иностранных дел, исполнительный комитет и т.д.). Однако создание новой региональной системы безопасности затруднено в связи с поворотом в политике Узбекистана, объявлением его выхода из Договора коллективной безопасности (ДКБ), заключенного в мае 1992 года. Здесь, разумеется, причины разные. Например, сказывается опасение США относительно возможности возрождения репрессивного режима в постсоветском пространстве, и поэтому они заинтересованы в дезинтеграции СНГ. И, дей-

сильнее? По свидетельствам Олжаса Сулейменова «в их (китайских) учебниках земли Казахстана до Караганды внесены в пределы империи». Кожа-Ахмет утверждает, что в Национальном музее в Пекине находится карта современного Китая, «на которой земли от южной части Балхашского озера до г. Семипалатинска – Семиречье и Восточно-Казахстанская область указаны как территория КНР». Что, как южный сосед, измененный демографическим кризисом, попросит наших чиновников восстановить «историческую справедливость»? [14].

В феврале 1999г. в мажилисе рассмотрено соглашение, подписанное 4 февраля 1998 года, о казахстанско-китайской границе в рамках состоявшихся переговоров между Россией, Таджикистаном, Кыргызстаном, Казахстаном и Китаем. Речь, как в соглашении, так и в целом на июльских переговорах идет о спорных приграничных участках. По заявлению МИДа, «общая площадь спорной между бывшим Союзом и Китаем территории составляет 34 тыс. кв. км, из которой 944 кв. км приходится на Казахстан. Это соглашение ратифицировано» [15]. К Казахстану относится левобережье реки Сарыгыльди до слияния с Черемховой и район перевала Шолак общей площадью 95 кв. км. В итоге из 944 кв. км. Казахстан сохранил 537 кв. км, к Китаю отошла территория в 407 кв. км.

Однако сам процесс делимитации для Казахстана еще не завершен. Предстоит еще юридически описать границы с другими соседями – Россией, Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. На это, отмечает министр К. Токаев, потребуется 4-5 лет, после чего Казахстан по международным нормам может считаться суверенным государством, имеющим свои четко определенные границы. Казахстанско-китайское соглашение имеет в виду два приграничных района. Первый из них – район Чоган-Обо в Восточно-Казахстанской области площадью 629 кв. км, расположен в ориентирах перевалов Чоган-Обо и Бай-Мурза. Это участок среднегорья с преобладающими высотами до 2500 метров, изрезанный притоками рек Чоган-Обо и Кергентас, занятый пастбищными угодьями и небольшими лесными массивами. По соглашению, Казахстан сохраняет 70% территории, или 442 кв. км. [16].

Вот что пишет в редакцию газеты «Новое поколение» относительно этого события из Алматы А. Каиров: «В №8 от 26.02.99 г. прочел статью «Землю – китайцам!». Мне 70 лет и я неплохо знаю ситуацию относительно границы с Китаем. Я знаю одно, что вопрос прохождения границы с Китаем был решен еще в XIX веке крепко и навечно. А теперь вот Токаев взял да без ведома народа передал, то есть «подарил» китайцам 400 кв. км. Просто нет слов для этого Токаева. Прадеды, деды, отцы веками проливали кровь за каждую пядь земли, сколько голов сложили лишь за пять лет Великой Отечественной войны за родную землю. Ведь на этих 400 кв. км живут еще люди. А с ними что будет? Или их тоже «подарили» китайцам в рабство? Кто ему разрешил решать этот вопрос? Или он думал, раз уж всякие чиновники разворовывают весь Казахстан, то я что, хуже их? Сначала 400 кв. км, а если пройдет этот номер, то можно дальше продавать. Хорошо, ничего не скажешь: ни войны, ни шума, ни спора. Китайцы землю забрали и сконцом. А завтра еще потребуют Алматинскую, Талдыкорганскую области. Быть может, я не прав, я старый человек, который прошел тяжелый путь. Но такого бардака, что творится, терпеть нельзя» [17].

Министр иностранных дел Республики Казахстан комментирует этот документ так: «...мы полностью убеждены в огромном значении данных соглашений с точки зрения обеспечения безопасности Казахстана. Надо учитывать и то, что Китай становится все более мощным государством. Никогда нельзя забывать, что пограничные споры нередко бывают причиной военных конфликтов. Я, как человек, занимавшийся пограничными вопросами, еще будучи экспертом советской делегации на этих переговорах и, возглавляя эту работу на казахстанско-китайских погранпереговорах, могу сказать, что решая пограничные вопросы, мы хотели прежде всего обеспечить безопасность Казахстана, «закрыв» его границы путем юридического оформления» [18]. Мы считаем, что данное утверждение имеет под собой основание.

В Казахстане до сих пор существуют некоторые беспокойства по поводу того, что Китай может угрожать безопасности государства с точки зрения военной мощи и огромного народонаселения; помимо

того, проблема Синьцзяна несет черты двусмысленности для обеих сторон. Кроме этих отрицательных моментов мы видим, что у Казахстана и Китая есть все направления для стабильного взаимовыгодного сотрудничества.

В заключение, сравнивая связи Китая с другими соседними государствами, такими, как Индия и Вьетнам, мы видим, что благодаря установившимся между Казахстаном и Китаем отношениям, оба государства не только за короткий период разрешили исторический спор, в частности, по пограничным проблемам, но также быстро наладили взаимодоверие и пришли к весомым результатам. «Этот вид добрых двусторонних отношений означает, что оба государства искренне намерены поддерживать гармонию и мирную обстановку в регионе. Рассматривая эти достижения с позиции политической части структурного функционализма, т.е. в соответствии с принципом следования государственному интересу и суверенитету, можно заключить, что в этом плане Казахстан действительно добился огромного успеха» [19].

В сентябре 1997 г. был подписан пакет соглашений о строительстве нефтепровода из Западного Казахстана в Китай и инвестировании в нефтедобычу на прикаспийских месторождениях в общей сложности на сумму 9,5 млрд. долл. С реализацией этого проекта Китай может стать самым крупным потребителем казахстанской нефти. В этой связи высказываются опасения о том, что Каспий может стать для экономики КНР тем, чем является Персидский залив для экономики США сегодня. А это, в свою очередь, касается проблемы безопасности этого региона.

Слабость СНГ серьезным образом ухудшает состояние безопасности стран, входящих в него. Академик Г.А. Арбатов с огорчением отмечает, что в России «нет продуманной концепции отношений со странами СНГ, и если эти отношения мы не признаем главным приоритетом в российской политике, бывшие республики Союза «уйдут» от нас в разные стороны» [20].

Не секрет, что еще до времени образования СНГ на пространстве бывшего Союза полыхали или тлели социальные, территориальные, экономические, национальные и другие конфликты, которые, в принципе, невозможно разрешить силовыми методами.

Это, например, карабахский конфликт, гражданская война в Таджикистане, грузино-абхазский конфликт и чеченская война. Поэтому республики, образующая Содружество, искренне надеялись, что СНГ сможет удовлетворить насущные нужды и защитить их интересы. И действительно, в области обеспечения безопасности в границах СНГ Содружество достигло существенных результатов. Так, несмотря на локальные вооруженные конфликты, предотвращена опасность вторжения извне и сокращено число внутренних беспорядков, что вполне может быть отнесено в заслугу СНГ. Другим достижением Содружества является помощь и посредничество, оказываемые его республикам со стороны ООН и Совета Безопасности Европы, а также легитимизация пребывания российских войск на прежних военных базах, расположенных теперь на территориях суверенных республик. Например, находящиеся на границе Таджикистана с Афганистаном российские войска препятствуют распространению исламского фундаментализма в северном направлении.

Н.А. Назарбаеву принадлежит инициатива дальнейшего укрепления СНГ путем создания единого экономического пространства и зоны свободной торговли, что, безусловно, выгодно для внутренней и внешней безопасности Казахстана [21].

Своеобразным региональным центром силы следует рассматривать созданный по инициативе Н.А. Назарбаева Центрально-Азиатский союз (ЦАС) в составе Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Стратегическим политическим направлением Союза является экономическое и военнополитическое взаимодействие государств, регулируемое соответствующими наднациональными институтами (Советы глав государств и правительств, Советы министров обороны и иностранных дел, исполнительный комитет и т.д.). Однако создание новой региональной системы безопасности затруднено в связи с поворотом в политике Узбекистана, объявлением его выхода из Договора коллективной безопасности (ДКБ), заключенного в мае 1992 года. Здесь, разумеется, причины разные. Например, сказывается опасение США относительно возможности возрождения репрессивного режима в постсоветском пространстве, и поэтому они заинтересованы в дезинтеграции СНГ. И, дей-

ствительно, функция Содружества постепенно ухудшается, и сегодня только сотрудничество в области безопасности в состоянии поддерживать свою положительную функцию. Трудно согласиться с мнением У. Касенова о том, что «...не стоит пытаться превратить Содружество в монолитный политико-экономический, и тем более военный, блок государства» [22].

У.Т. Касенов пишет о позитивных сдвигах в политике России в последние годы. «Россия, – пишет он, – как об этом свидетельствуют итоги саммита лидеров СНГ в Кишиневе 1997 года, существенно корректирует свою политику на постсоветском пространстве. Осознав, что здесь нарастает политическое и экономическое влияние как ведущих мировых держав, так и соседних государств, Россия стремится действовать так, чтобы не давать повода для обвинения в грехах гегемонизма, претензиях на лидерство, в попытках диктовать свои правила игры. Хотя, судя по всему, у нее это не совсем получается. Примером может служить политика России в отношении правового статуса Каспийского моря и туркменского газа. Тем не менее, Россия ведет себя с остальными постсоветскими государствами гораздо более корректно, чем в 1992 – 1995 годах» [23]. Как видно, явствуют проблески обнадеживающих результатов политики России в отношении постсоветских республик и возможности укрепления СНГ на равноправной основе, являющейся основным условием партнерства и даже надежным союзником по проблемам защиты безопасности государств СНГ.

Если Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Кыргызстан не имеют общей границы с Россией, то Казахстан имеет самую протяженную, более 6 тысяч км, линию границы среди всех новых независимых государств Евразии, укрепление которых потребует привлечения огромных ресурсов. З. Бжезинский предсказывает утопичность укрепления СНГ: «Республики Средней Азии, – пишет он, – получающие поддержку Турции, Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии, не склонны торговать своим новым политическим суверенитетом даже ради выгодной экономической интеграции с Россией, на что многие русские все еще продолжают надеяться. По крайней мере, некоторая напряженность и враждебность в отношениях этих

республик с Россией неизбежны, хотя на основании неприятных прецедентов с Чечней и Таджикистаном можно предположить, что нельзя полностью исключить и возможности развития событий в еще более худшую сторону» /24/. Несмотря на эти утверждения З. Бжезинского, в последнее время относительно приемлемых доноров и партнеров появились определенные отрезвления и даже разочарование. При сохраняющейся до сих пор привлекательности турецкой модели для некоторых постсоветских мусульманских стран становится все очевиднее тот факт, что они имели несколько завышенные ожидания относительно возможностей и масштабов экономической помощи и инвестиций со стороны Турции.

З. Бжезинский выражает американскую политику, когда он недвусмысленно советует «...не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской и геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы». «Америка, – пишет он, – никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, ...да и не могла делать этого, даже если бы и хотела» /25/. Однако он не отрицает возможности укрепления и увеличения мощи России. В этой связи он пишет: «Восстановление Россией экономики, ее специальный статус равноправного партнера Америки и просто ее привлекательность побудят недавно образовавшиеся независимые государства – благодарные России за то, что она не угрожает им, и все более осознающие выгоды некоего союза с ней – к самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя таким образом пределы этой страны и увеличивая ее мощь» /26/. Как видно из высказываний З. Бжезинского, в будущем возможно произойдет интеграция сегодняшних независимых национальных государств не только в сфере экономики, но и в политической сфере. Однако вопрос о политической интеграции на сегодняшний день в Республике Казахстан еще пока малоизучен и полностью не раскрыт в научном плане.

Политика укрепления СНГ является одним из условий внутренней и внешней безопасности Казахстана. Неэффективность договоров и соглашений в рамках СНГ; отсутствие объективного восприятия

реального факта разносторонней интеграции; бесплодность затянувшихся переговоров о зоне свободной торговли; изъяны в регламенте заседаний Совета глав государств СНГ и другие являются серьезным тормозом на пути того, чтобы основательно продвигаться по пути интеграции [27], хотя, разумеется, стойкость и мужество Президента Казахстана, проявившиеся в отстаивании идей, соответствующих духу времени и конкретным ситуациям, общепризнанны. Как метко заметил М. Т. Лаумулин, «Россия и СНГ – это направление, без которого безопасность Казахстана рассматривать бессмысленно» [28].

Прав С.Н. Абдулпатаев, когда пишет: «Интересы обоих государств по многим параметрам совпадают. Казахстан заинтересован в политически и экономически стабильном развитии России. В значительной степени это является необходимым условием безопасного развития Казахстана» [29].

Нельзя не прислушиваться к мнениям некоторых авторов о значении выбора стратегического партнера, например, о том, что для стратегического выбора Казахстана иметь связь с Россией как в геополитическом, так и в геоэкономическом плане, заведомо важнее всех прочих [30].

Глава Русской общины Казахстана Юрий Бунаков, скептически оценивая Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030», заявил в частности: «Роль России в качестве экономического, стратегического и геополитического партнера Казахстана в послании оценена в недостаточной мере, так как приравнена к роли США и Китая. Без сотрудничества с этими державами Казахстан вполне может существовать, а без поддержки России он нежизнеспособен» [31]. Здесь чувствуется односторонний подход. Однако истина, на наш взгляд, в том, что Казахстану нужен не просто партнер, а стратегический союзник.

Некоторые авторы опасаются возникновения попыток подвергнуть ревизии существующие российско-казахстанские границы. При обоюдной нормальной политике, на наш взгляд, этого вполне можно избежать. Если это случится, как утверждает У. Касенов, «...экспансия России на постсоветском пространстве будет иметь для нее серьезные негативные последствия и в мировом сообществе» [32].

Россия и Центральная Азия являются частями единого народно-хозяйственного комплекса, сформировавшегося как система с взаимодополняющими элементами. Отношения между Россией и Казахстаном имеют настолько стратегическое, союзническое значения, что Президенты Республики Казахстан и Российской Федерацией 6 июля 1998 г. во время визита Н.А. Назарбаева в Москву подписали Декларацию между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и сотрудничестве.

Основными направлениями политики безопасности Республики Казахстан за годы независимого развития были: формирование эффективной системы коллективной безопасности в геостратегическом окружении Казахстана и активное участие в формировании глобального миропорядка, но в то же время направленные на постоянную ориентацию, а исторически близкое, дружественное государство – на Россию; переход от односторонней ориентации на Россию к диверсификации экономических, политических и военных связей в пользу расширения сотрудничества с западными странами; всестороннее развитие взаимодействия, прежде всего, с сильными и богатыми государствами мира, готовыми оказать Казахстану помощь в реализации его экономических и военно-политических интересов. По мнению У. Касенова, «Реальность такова, что Казахстан, имея Вооруженные Силы численностью около 70 тысяч, просто не в состоянии обеспечить оборону своих весьма протяженных и в основном проходящих по открытой местности границ. Из этого следует единственно непреложный вывод: без вхождения в оборонный союз с какой-либо мощной военной державой на двусторонней или многосторонней основе, Казахстан не в состоянии обеспечить свою безопасность от вторжения извне. Исторически и геополитически такой державой может быть только Российская Федерация» [33]. Такое мнение, на наш взгляд, заслуживает не просто внимания, а принятия в этом направлении более решительных шагов.

Несколько мрачным является прогноз Е. Сейлханова о взаимоотношениях Казахстана с великими соседями, когда он пишет: «Безусловную проблему для Казахстана представляют бытующие как в России, так и в Китае территориальные претензии к Казах-

стану. Несмотря на то, что на официальном уровне они опровергаются, тем не менее, неоднократно публикации в прессе, высказывания лидеров националистического толка в этих странах доказывают наличие такого подхода у определенной части населения, что не может не внушать опасений. И если политика Китая в этом плане может в определенной степени прогнозироваться, то нынешняя нестабильная ситуация в России, где к тому же наблюдается тенденция к росту национал-патриотических настроений, может иметь негативный эффект для Казахстана. Не менее опасным выглядит угроза экономического давления России и ее союзников, контролируемых в настоящее время почти все существующие транспортные коридоры Казахстана. С российским сектором тесно связаны многие предприятия казахстанского Севера и Востока. Сохраняется угроза подрывных, дестабилизирующих действий в будущем со стороны России в случае неблагоприятного исхода там следующих президентских выборов» [34].

Е. Сейлханов подсказывает в качестве политики безопасности Республики Казахстан бесконечное лавирование между великими соседями, как будто нет иного пути. Он пишет: «С другой стороны Казахстан может вступить в полуассальские отношения с одной из стран в обмен на формальную неприкосновенность своих территорий либо поставить все свое благополучие на западную карту... Оставаясь нейтральным государством, в котором сейчас пересекаются интересы практически всех мировых держав и многих региональных лидеров, Казахстан в той или иной степени гарантированно может считать себя в безопасности. Однако с усилением мощи России и Китая паритет в нашем регионе будет однозначно нарушен в их пользу» [35].

Другое предположение Е. Сейлханова относительно политики безопасности Республики Казахстан близко к предыдущему. «Другим фактором, – пишет он, – способным оградить Казахстан от одностороннего вмешательства в его внутренние дела может стать объективное соперничество в регионе России и Китая. Допуск Китая в ограниченном объеме на свой рынок, а также прокладка нефте- и газопровода на Китай заставит Пекин ревниво относиться ко всяким попыткам Москвы установить одно-

сторонний контроль над Казахстаном. При этом пересечение интересов обеих стран в богатых нефтеносных районах Казахстана не даст хода перспективе «честного» раздела всей территории Казахстана» [36].

Не секрет, что идет геополитическая борьба между США, Европой и странами АТР за включение Казахстана в свои сферы влияния. По этому поводу С. Куттыкадам пишет: «Если мы будем сильны в экономике, искусны в политике и сможем проложить удобные транспортные, торговые и информационные коммуникации, то это чрезвычайно выгодно, так как позволит нам играть роль удачливого посредника между великими мирами сего. Но, если мы по-прежнему будем слабыми и неразумными, как ныне, то наше геополитическое положение может оказаться просто угрожающим, так как Россия будет зариться на наш север, Узбекистан – на юг, а Китай – на восток...» [37].

По мнению некоторых политиков одной из главных в концепции безопасности – всестороннее развитие взаимодействия, прежде всего с сильными и богатыми государствами мира, готовыми оказать Казахстану помощь в реализации его экономических и военно-политических интересов, а также выход к мировым коммуникациям путем создания альтернатив. Автор настоящей книги не совсем согласен с таким утверждением, поскольку это не является самостоятельной и перспективной стратегией безопасности, а временными мерами, которые имеют больше всего тактический характер. Правильно, на наш взгляд, утверждает Н.В. Романова о том, что «в долгосрочном плане культурно-политическая ориентация Казахстана в мировую политику может быть чрезвычайно эффективна, но кратковременна. Только включенность в региональные блоки сил есть гарант внешнеполитической стабильности» [38].

Несостоятельность слепого подражания чужому опыту, двусмысленность и небескорыстность поддержки нашей безопасности со стороны США не раз поднимались в нашей печати. В самом деле, как писал К. Елемес, «быть слишком американизированными – это не подходит для молодого государства. Казахи не завоевали Казахстан, подобно американцам, в результате похода за океан. ...Если бы Америка действительно была демократической страной, то там черноко-

жие люди не считались бы до сих пор рабами, а коренное население – индейцами – дикарями. Англичане сами поняли бы, что они чужды этому материке, не считали бы повторно бомбить Ирак...» [39].

О внешнеполитической стратегии Казахстана Б. К. Баймухамбетов рассуждает так: «Исходя из геополитического положения и развития событий, с учетом двух глобальных факторов: все более усиливающегося влияния КНР на глобальные геополитические процессы и нарастающей внешнеполитической роли России, – должна строиться вся внешнеполитическая стратегия Казахстана» [40]. В целом это правильно. Но не совсем правомерно утверждение Б.К. Баймухамбетова о том, что: «Россия не слишком надежный и заинтересованный партнер в поддержании коллективной безопасности в рамках СНГ...» [41]. Нельзя, на наш взгляд, ставить в один ряд эти два фактора, влияющих на безопасность республики. Без приоритета на одну из этих великих держав Казахстан оказался в одинаковой мере между двумя огнями, что не совсем гарантирует его безопасность. Поэтому целесообразно строить внешнеполитическую стратегию Казахстана с учетом приоритета

на Россию. Причем, трудно сделать расчет на поддержку далеких стран, например, США. Необходимо искать более стабильного и надежного союзника. Лучше надеяться на себя, на свою оборонную мощь и на поддержку близкого соседа. В связи с некоторой тенденцией осложнения международной обстановки, некоторые авторы высказывают необходимость возвращения ядерного оружия в Белоруссию и Казахстан.

Разумеется, Казахстану выгодно параллельно развивать двухсторонние отношения с восточным соседом Китаем, который заинтересован в строительстве нефтепровода «Западный Казахстан-Китай». В то же время центрально-азиатские республики взаимосвязаны договорами региональной безопасности. Тем не менее, наряду с созданием собственных субрегиональных и региональных систем коллективной безопасности, Казахстану необходим стратегический союзник по безопасности. В данном случае в лице России. Отрицание этого положения по существу противоречит тому, что Республика Казахстан и Российская Федерация подписали 25 мая 1992 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Безопасность в регионе можно обеспечить только совместными усилиями // ANALYTIC – Аналитическое обозрение. – 2000. – № 1. – С. 3.
2. Гушер А.А. В трясине национализма // Азия и Африка сегодня. – М., 1998. – № 7. – С. 6-14 /8/.
3. Касенов У. Национальная безопасность Республики Казахстан: «окна уязвимости» // Деловая неделя. – № 35. – 11 сентября 1998.
4. МИД РК: «Косовский кризис можно разрешить с помощью согласованных мер международного сообщества» // Панорама. – 26 марта 1999.
5. Касенов У.Т. Безопасность в Центральной Азии: глобальные, региональные и национальные проблемы. – Алматы: Ун-т «Кайнар», 1998. – 280 с. /186/.
6. Подберезкин А. Вызовы безопасности России // Свободная мысль. – М., 1996. – № 12. – С. 63-69 /63-64/.
7. Ларин В.А. Безопасность развития и развитие безопасности // Свободная мысль. – М., 1996. – № 7. – С. 37-43 /37/.
8. Чародеев Г. Венгрия, Польша и Чехия уже в НАТО // Известия. – 12 марта 1999.
9. Абенев Е.М., Арынов Е.М. Стратегия в области внешней безопасности и оборонная политика Республики Казахстан // Саясат. – 1997. – № 10. – С. 48-63 /63/.
10. Там же. С. 58.
11. Кун Фу Чжен. Геополитика Казахстана: между прошлым и будущим. – Алматы, 1998. – 416 с. /222-223/.
12. Лаумулин М.Т. Китайско-центральноазиатские отношения: геополитика и безопасность (взгляд с Запада) // Казахстан-Спектр. – № 2. – 1998. – С. 64-95 /66/.
13. Там же.
14. Аларин С. Землю – китайцам! // Новое поколение. – 26 февраля 1999.
15. Шаймерденов К. Мажилис ратифицировал казахстанско-китайские отношения о границе // Панорама. – № 5. – 5 февраля 1999.
16. Там же.
17. Каиров А. Письмо в редакцию // Новое поколение. – 12 марта 1999.

ЯВЛЕНИЕ ТРАЙБАЛИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

Умбеталиева Т.Б.

Трайбализм как политический термин на современном этапе был возрожден в 1994 году, хотя его «всплески» как политического феномена происходили на протяжении всего советского периода истории республики.

Современные представления о трайбализме часто носят гиперболизированный характер, ему придается доминирующее положение, прежде всего, при рекрутировании политической элиты страны.

Гипотезой, которую предстоит либо доказать, либо опровергнуть в данной работе является утверждение, что в Казахстане клановые структуры, возникшие на основе определенного комплекса интересов, имеют место, выступая в большей степени в роли лоббирующих групп. В то время как кланы, имеющие родоплеменные связи, — это «редкое и изживающееся» себя явление.

Разумеется, тысячелетиями испытанные, отшлифованные многовековым жизненным опытом народа формы социально-экономических связей, игравшие определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях, управлении и т.д., родоплеменные отношения с их идеологией не могли сойти со сцены за несколько лет и даже в течение жизни двух-трех поколений. Но под влиянием внешних и внутренних факторов они трансформировались.

Контент-анализ публикаций в средствах массовой информации, научных работ, посвященных изучению становления, механизмов рекрутирования и структуры политической элиты республики, а также материалов круглых столов и конференций, позволяют сделать вывод об отсутствии точного определения понятия «трайбализм» среди казахстанской общественности.

Теоретические исследования, частично описывающие данное явление, демонстрируют отсутствие ясности в определении этой дефиниции, каждый исследователь вкладывает в нее различную смысловую нагрузку.

Так, одни авторы трайбализм рассматривают как использование родоплеменных

институтов в политических интересах. Другая когорта считает, что трайбализм — это механизм рекрутирования кадров по клановому признаку, который ярко проявляется в ходе избирательных кампаний. При этом клановость рассматривается как внутренняя расчлененность государственного аппарата на организованные группы влияния. Проводится следующая классификация: родовая, посткоммунистическо-партийная и финансово-промышленная [1].

Исходя из этого, можно заключить, что термин «трайбализм» в своем роде носит собирательный характер. Под ним подразумевают, в основном, дифференциацию общества по родоплеменным и кровнородственным признакам, а также по группам интересов с целью достижения определенного положения.

Таким образом, реальность «трайбализма» никем не отрицается. Однако несмотря на широкий резонанс, этот казахстанский феномен до настоящего времени так и не получил целостного и системного исследования.

На этот актуальный для современной общественной жизни республики вопрос можно с большей степенью точно ответить, лишь разобравшись в причинах возникновения, функциях и принципах трайбализма, в причинах, сущности и последствиях процессов эволюционного, а иногда революционного изменения общественного устройства.

Но, в свою очередь, отсутствие социологических опросов, генеалогических исследований, данных по жузовому, родоплеменному раскладу на современном этапе затрудняют анализ. Поэтому отдельные выводы данного исследования являются спорными и не окончательными.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАЙБАЛИЗМА

В западной политологической и социологической науках проблема «трайбализма» является довольно исследованной. Однако это не означает, что методология и методы

18. Токаев К. Откуда взялись эти спорные участки? // Новое поколение. — 12 марта 1999.
19. Кун Фу Чжен. Геополитика Казахстана: между прошлым и будущим. — Алматы, 1998. — С. 321.
20. Безопасность — глобальная проблема XX века (Материалы научной дискуссии) // Вестник РАН. Т. 66. — М., 1996. — № 3. — С. 212-216 /215/.
21. Касенов У. Интеграция — как фактор региональной безопасности. В сб. Герриберта Дитера / Примбетов С. Региональная интеграция в Центральной Азии: шансы и риск экономического сотрудничества. — Берлин: Германский Фонд международного развития, 1997. — С. 221-222.
22. Касенов У.Т. Безопасность Центральной Азии: глобальные, региональные и национальные проблемы. — Алматы: Ун-т «Кайнар», 1998. — С. 149.
23. Там же.
24. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — 256 с. /117/.
25. Там же. С. 123.
26. Там же. С. 122-123.
27. Кузнецов Е.А. Роль Республики Казахстан в создании и укреплении СНГ // Актуальные проблемы межгосударственных отношений: Межвузовский сборник научных трудов. — Алматы: АГУ им. Абая, 1998. — С. 8.
28. Лаумулин М.Т. Проблемы современной безопасности Казахстана // Казахстан-Спектр. — 1998. — № 1. — С. 21-32 /27/.
29. Абдулпатаев С.И. О некоторых вопросах внешней политики Республики Казахстан // Актуальные проблемы межгосударственных отношений: Межвузовский сборник научных трудов. — Алматы: АГУ им. Абая, 1998. — С. 49.
30. Там же.
31. Панорама. — № 46. — 28 ноября 1997.
32. Касенов У.Т. Национальная безопасность Республики Казахстан: «окна уязвимости» // Деловая неделя. — № 35. — 11 сентября 1998.
33. Там же.
34. Сейлханов Е. Современная геополитика и Центрально-Азиатский регион // Казахстан-Спектр. — 1997. — № 1-2. — С. 83-92. /84/.
35. Там же.
36. Там же. С. 85.
37. Куттыкадам С. Казахстанский барс ищет хозяина // Аргументы и факты. Казахстан. — № 4. — январь 1998.
38. Романова Н.В. Политические факторы развития национальной психологии. — Алматы, 1999. — 223 с.
39. Казак адебиеті. — 29 кантар 1994.
40. Баймухамбетов Б.К. Геополитические аспекты национальной безопасности Республики Казахстан // Борьба с преступностью в Казахстане: вопросы теории и практики. Материалы научно-практической конференции. — Алматы: НИиРИО Алматинской высшей школы МВД РК, 1998. — С. 223.
41. Там же. С. 330.

изучения, предложенные европейскими учеными, применимы для определения сущности этого феномена в нашей республике.

В соответствии с этим, прежде всего, определимся с понятием и методом анализа данного феномена. Рассмотрим имеющиеся интерпретации. Трайбализм (английское tribalism, от латинского tribus – племя) – это идеология родо-племенного обособления (сепаратизма), стремившаяся законсервировать отжившие атрибуты первобытно-родового строя (обычай, первобытные верования, племенные языки, структуру племенного самоуправления и др.) [2].

В этой связи разрушителем трайбалистских устремлений называется консолидация племен в этнополитическую народность и их вхождение в государственные образования. Исследователи утверждают, что в прошлом важнейшую роль в борьбе с ним сыграли монотеистические религии – иудаизм, христианство, ислам.

Наряду с этим следует выделить определение трайбализма, характеризующее африканский вариант, который трактует его как приверженность к культурно-бытовой, культовой и общественно-политической племенной обособленности, чаще проявляющаяся в межплеменной вражде [3].

Практика трайбализма заключается в предоставлении привилегий выходцам из одной этнической группы (при подборе кадров в государственном аппарате) и соответственно дискриминации остальных. Трайбализм фактически сводит на нет принцип равноправия граждан и провоцирует гражданские войны, например, в Руанде, Сомали, Либерии.

Существует и такое определение, в котором термин «трайбализм» объясняется как проявление родоплеменного патриотизма [4].

По нашему мнению, для выяснения сути этого сложного функционирующего организма следует выделить его аспекты – политический, социальный, историко-культурный. Ведь это многосоставное явление, и однозначно охарактеризовать его невозможно. Кроме того, структурирование в дальнейшем позволит выявить не только степень влияния каждого из них на процессы, происходящие в общественной жизни, но и определить доминирующего.

Наряду с этим, выявление влияния родоплеменных отношений на сферу власт-

ных структур позволит ответить на вопрос о наличии трайбализма в республике, а также о формах его проявления.

Таким образом, с нашей точки зрения, суть трайбализма заключается в переплетении родоплеменной структурированности общества с функционированием государственного аппарата.

Под политическим трайбализмом мы понимаем явления, представляющие собой проникновение организованных групп, сформированных по родоплеменному признаку в систему государственной власти, и оказывающие влияние как на государственную, так и на региональную политику.

Для трайбалистских отношений характерно то, что эти группы практически не связаны ответными обязательствами перед государством. Кроме того, следует определить грань, которая отделяет клановость, организованную на основе родоплеменного деления, от сформированных групп интересов по экономическим, корпоративным принципам, и представлений этих различных интересов на политическом уровне.

В этой связи трайбализм – это не что иное, как использование племенных представлений в политической жизни, включая борьбу элит. Как известно, в кочевом обществе казахов система властного доминирования базировалась на принципе генеалогического родства, происходившего из традиционных представлений о праве первородства и старшинства. Система генеалогического родства, выполнявшая идеологическую функцию в кочевом обществе, служила основным инструментом регулирования социальных отношений. При этом важную роль в социально-правовом ранжировании кочевого населения играли исторически сложившиеся понятия «старших» и «младших» племен. Исходя из данных критериев статусности, структура политической организации казахов строилась в виде генеалогической иерархии родов и племен. Сильные (старшие) роды и племена выступали здесь в качестве ядра казахских военно-потестарных объединений. Вокруг них интегрировались менее сильные (младшие) племена и рода, и на этой основе складывались государственные образования. Из генеалогического критерия социальных статусов различных потестарно-политических групп казахов проистекала и

система статусного ранжирования разного рода субъектов властных отношений. Поэтому степень влияния иерархии родов и племен на процесс принятия решений во властных структурах зависит от наследия институтов прошлого и политических калькуляций настоящего [5]. В то время как само знание генеалогии не является атрибутом трайбализма.

Историко-культурный трайбализм – это сохранение принципов действия институтов прошлого, созданные на основе родового деления, на современном этапе.

Социальный трайбализм – это тип участия определенных групп на основе генеалогических связей для оказания социальной поддержки членам рода через существующие институты взаимопомощи. Род становится важнейшим социальным фактором, основанным на чувствах родственной связанности, представляет собой некую корпорацию, внутри которой происходит тесное и регулярное общение на основе установленных ритуалов. В его основе лежит баланс рода и нации. Таким образом, казах всегда интегрирован в малую родовую общину.

Под «трайбом» понимается малая группа людей, объединенных родовой или территориальной общностью происхождения. Связи и конфликты внутри трайба или между трайбами непосредственно затрагивают определенный слой людей, располагающих доступом к власти, материальным ценностям. Для большинства же слоев внутритрайбовые связи стали способом выживания и адаптации к современным условиям.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ ТРАЙБАЛИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

В прошлом казахское общество представляло собой кочевое и полукочевое хозяйство, где старые родовые порядки долго сохранялись в новых общественных структурах в качестве родственных связей.

Пастбищно-кочевая община формировалась из совокупности патронимий. В ее основе лежал производственный, территориальный признак, но характерная черта кочевых и полукочевых общин состояла в консерватизме родовых институтов и их сильном влиянии на принципы объединения семьи.

Структуру общественного устройства того времени можно представить следующим образом: род, племя, союз племен – жузы. Первоначальное содержание рода с развитием государственности претерпело изменение. Некогда представлявший универсальную ячейку, в которой производственные отношения совпадали и теснейшим образом переплетались с кровнородственными связями, род постепенно уступил место образованию, формировавшемуся не по родству, а по территориально-производственному принципу.

Стремление членов крупных родов к собственной территории и государственной организации сочеталось с укреплением родоплеменного сознания, обеспечивавшее в свою очередь обратную связь – устойчивое существование рода, племени, жуза.

В результате этой естественной интеграции возникли такие крупные территориальные конфедерации – жузы, служившие важной ступенью общественного устройства. Политическими чертами, отличающих три жуза друг от друга, являются собственная территория, имя, диалект и т.д. На протяжении значительного времени население хорошо осознавалось и поддерживалась теснейшая связь между территорией и родами, которые заселили и хозяйственно освоили эту территорию.

Они выступали политически субординированными, синхронно сосуществующими, рядоположенными геополитическими образованиями. Устойчивые зоны кочевания, не превышавшие 1000-1700 км, ограничивали круг всевозможных связей между родами и племенами. Вследствие которого дробилась естественно-географическая зона обитания и кочевания. Отсутствие в бескрайней степи развитых современных коммуникаций и разделения труда наложили своеобразный языковой и культурно-исторический (обрядовый) отпечаток на все три жуза, которые к тому же имели разных соседей на юге, севере и западе. Вместе с тем, на внутритрайбовую жизнь казахов степени оказывала влияние родоплеменная структура [6].

Во властной вертикали связи между различными ее элементами носили не жестко-институциональный, а персонифицированный и либеральный характер. Стабильность и устойчивость высшей власти придавали согласованность «интересов хана с

интересами и стимулами взаимодействовавших с ним влиятельных персон (султанов, старшин, биев, батыров), которые со своей стороны являлись выразителями групповых интересов и потребностей, стоявших за ними генеалогических кланов.

И эта система успешно функционировала, поддерживала общий порядок в степи, но была несовершенна, так как не позволяла обеспечивать концентрацию сил для решения общегосударственных задач, например, для отражения внешних нашествий.

Нередко вмешательство извне оказывало существенное влияние не только на сохранение родоплеменного деления, но и на углубление этого процесса.

Так, при завоеваниях Чингисхана деление на улусы было произведено с учетом родоплеменной структуры местного населения, и это являлось немаловажным фактором, способствовавшим закреплению ее на долгие годы. Монгольская традиция управления сохранилась только в казахской степи вплоть до момента присоединения Казахстана к России, и опиралась на легитимность власти представителей семьи Чингисхана. Безусловно, монгольское нашествие существенно задержало поступательный процесс, но оно не могло остановить его.

На традиционном укладе кочевого общества также отразилось присоединение Казахстана к Российской империи, которое шло неравномерно. Первым присоединился Младший жуз, затем Средний жуз. И последним в состав империи вошел Старший жуз. Следует обратить внимание на тот факт, что временная разница во вхождении в состав Российской империи составляет около 120 лет.

В определенном роде данный факт может объяснить традиционность южных областей республики. Однако надо сказать, что, как и в Младшем, так и Среднем жузах встречаются определенные «островки» традиционализма. Как утверждают историки, российское вхождение носило форму «вил», соответственно между «зубьями» которой оставались не тронутыми казахские аулы с традиционным укладом.

Российская администрация на протяжении всего XIX в. пыталась найти организационную форму, которая могла бы облегчить

управление казахским обществом и адаптировать его к общероссийским законам. Предпринимаемые попытки формализации традиционной жизни казахской степи, самая серьезная из которых была предпринята в рамках так называемого «Временного уложения 1868 г.», постепенно приводили к отмиранию некоторых старых традиций.

Дальнейшая трансформация национального сознания наблюдалась в 20-40-х годах XX века. В этот период произошло радикальное сокращение функций родоплеменных единиц.

Массовые репрессии населения привели к уничтожению целых социальных групп и слоев. Особенно пострадали представители казахской интеллигенции. Образование правительства «Алаш Орды» доказывает факт восстановления казахской государственности, несомненное и бесспорное доминирование национальной идеи над родоплеменной. Однако патриархально-родовые и племенные отношения продолжали существовать, воспроизводиться и трансформироваться.

Существует мнение, что именно позитивные стороны родоплеменных отношений способствовали сохранению казахов как нации во время голода 1919-1921 гг., искусственного голода 1932-1933 гг., унесшего жизни нескольких миллионов человек в условиях проведения насильственной политики оседлости и коллективизации [7].

Физическое истребление в годы репрессии тончайшего слоя потомственной интеллигенции прервало духовно-генетическую преемственность поколений интеллектуалов. Вследствие этого дальнейшее воспроизводство интеллигенции происходило только лишь из сельской местности, так как в условиях поощряемости властями политики русификации только аул оставался единственным хранителем национального самосознания.

Наиболее активно модификация родоплеменных отношений происходила в послевоенное время. Однако родоплеменные традиции показали свою живучесть и устойчивость в любых условиях, но особенно кризисных.

Род служил важнейшим институтом сохранения и передачи традиций. Традиции рода являлись наиболее устойчивыми в сознании человека, так как сам уклад жизни

не позволял ему жить иначе как в коллективе, сообществе, отсюда и поразительная живучесть обычаев и обрядов, норм и предписания рода, сохранившихся по сей день.

Знание своего рода, племени, своих предков в семи поколениях являлось для каждого казаха обязательным условием осознания своей родовой идентичности, а через это и трансляции традиций своего народа. Функцию трансляции культуры, прежде всего, выполняло повторение. Однако повторение возможно только в том случае, когда содержание передаваемого знания наделено смыслом и потому оно запоминаемо.

У казахов же на протяжении всего культурно-исторического развития выработалось своеобразное образно-эмоциональное восприятие мира, в основе которого лежали устные способы передачи традиций. В результате формировалась аудиальная (слуховая) система восприятия, благодаря которой обычаи и обряды, в силу своей лаконичности и запоминаемости, эффективно выполняли роль механизма хранения и передачи информации.

В этой связи обрядово-ритуальная сторона жизни коллектива рассматривалась не как дополнительное средство для достижения поставленных целей, а как обязательное условие сохранения и последующей трансляции традиции.

Поэтому четкое соблюдение и повторение как традиций предков, так и ритуальной обрядности являлось залогом нормального течения рода, выступающего локальной ячейкой. Тем самым человек, воспитываемый в рамках системы ценностей, присущих образу жизни локального общества, где культурный фонд общества невелик, к определенному возрасту успевавший освоить весь комплекс знаний и навыков, что позволяло ему чувствовать себя уверенно, а выполнение норм общежития, традиций, обрядов гарантировало надежность его существования. Вследствие этого жизнедеятельность этноса находилась под защитой двух систем – биологической (родная природа) и внебиологической (культура), которые создавали для членов социума двойную поддержку [8].

Потому при переходе от традиционных обществ с их привязанностью индивида к роду, общине к современному обществу,

когда резко возрастает степень свободы личности, человек, несмотря на то, что получает простор для личной инициативы, теряет былую защищенность. Поэтому ситуация, когда традиционное общество проходит период модернизации, сама по себе мучительно трудна.

Как демонстрирует история при полном отвержении и подавлении традиционных укладов процесс модернизации может замедлиться и даже пойти вспять, как это случилось в 1978 году в Иране [9].

Поэтому трайбализм – это историческое и культурное явление. Оно не сводимо к иерархии господствующих и подчиненных племен, известной в истории, и бессмысленно говорить о трайбализме у монголов при Чингисхане или в казахских ханствах, поскольку вся общественная структура была основана на родоплеменном делении, племенной фактор был самодеятельным, не нуждающимся в формах и органах современного нам государства.

ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАЙБАЛИЗМА В КАЗАХСТАНЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Усиление кланово-трайбалистских отношений в республике началось на рубеже 80-х г. в связи с подъемом национального самосознания и кратковременного ренессанса традиционной культуры. Наряду с идеализацией прошлого в сознании казахов происходит «естественный отбор» только тех традиций, которые так или иначе выполняли охранительную роль. Вместе с тем всплывают устойчивые институциональные механизмы и формы проявления социальной памяти, созданные кочевым обществом на протяжении веков и ярко воплощенные в родовых отношениях.

Насаждаемые сверху новации, не имеющие под собой реальной основы в базовом сознании общества, могут создать вакуум, который будет стремительно заполняться традицией, как более привычная и понятная для общества. Но вместе с тем придание решающего значения традициям также не способствует успеху модернизации.

В настоящее время духовная культура казахов сохранила в себе черты традиционности. Как показывают исследования, современная политическая система республики является более демократичной и модерни-

зированной в сравнении с тоталитарной политической системой недавнего прошлого. Однако политическая культура Казахстана эволюционирует в обратном направлении, характерном для традиционного общества.

Причина, возможно, заключается в том, что новая культура не представляет целостную систему, каковой является традиционная, транслирующая на индивида опыт предшествующих поколений и, следовательно, программу жизнедеятельности. Вследствие чего в сознании общества вообще и в политическом сознании в частности возобладала инверсионные тенденции.

Таким образом, можно заключить, что в начале 90-х годов произошла культурная реабилитация и легализация казахского трайбализма, которые создавали благоприятные условия для усиления казахских клановых элит.

Ощутимое преобладание в верхних эшелонах власти лиц титульной нации не только привело к слову прежних установок, но и кардинально поменяло ориентацию новой элитной когорты, опосредованные происхождением и национальной принадлежностью. А так как население любой страны перенимает в основном ту культуру, которая проповедуется или которой придерживается элита, то налицо взаимовлияние «верхов» и «низов», в результате чего на каждом последующем витке усиливается соответствующая традиция.

Тем самым для казахстанского общества, как и для любого транзитного общества, характерно превращение действующих политических институтов на любом уровне в орудие оживления традиций.

Кроме того, в этот период наблюдается тенденция доминирования в составе казахстанской элиты представителей коренной нации, которая в своем роде способствовала усилению внутренней дифференциации по родоплеменной принадлежности. Влияние оказывало преобладание в политической элите выходцев из сельской местности, являвшаяся в своем роде резервуаром сохранения традиционной культуры. Именно сельская глубинка стала после обретения независимости творческим вдохновителем казахской идентичности.

Основной причиной сложившейся ситуации выступает цикличность культурно-воспроизводственного процесса, которая в

силу исторических обстоятельств осуществлялась не естественно-эволюционным путем, а односторонне регулировалась государством. Эти условия впоследствии могут породить проблемы в формировании общенационального духа, отражающего потребности казахского народа.

Особую актуальность получает смена политических ориентиров, так как именно в это время препятствием для экономического развития являются политические барьеры, обычно имеющие вид политических традиций или представляющиеся таковыми людьми. Стало быть, политические традиции воспринимают политику как средство приобретения материальных благ.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Трайбализм – это очень сложное и много-составное явление. Главный интерес к данной проблеме обусловлен возможностью влияния кланов, сформированных на основе родоплеменного и жузового делений, на процесс принятия политических решений.

Актуализация данной проблемы вызвана следующими причинами:

1. Трайбализм в Казахстане имеет историко-культурные корни. Он являлся основой властной вертикали в кочевом обществе.

2. Устойчивость родоплеменной структурированности в некотором роде обусловлена искусственным, революционным вмешательством в естественно-эволюционный путь развития казахского общества.

3. Культурной реабилитацией традиционных принципов существования кочевого социума. Уровень политической культуры основной массы населения страны способствует существованию и поддержанию родоплеменной структуры.

4. В связи с ухудшением социально-экономического положения сельских населенных пунктов, родовые отношения становились способом социальной, вертикальной мобильности и стратификации.

РОЛЬ ТРАЙБАЛИЗМА В ПРОЦЕССЕ ЭЛИТООБРАЗОВАНИЯ

Для политологического анализа феномена трайбализма используем системный метод исследования, который предполагает исследование взаимодействия основных элементов системы – внешней и внутренней среды [10].

Таблица 1. БПР – блок принятия решений

Внутреннюю среду составляют такие факторы, как: а) историческое наследие общества, географические ресурсы, социальная и экономическая организация, идеология, система ценностей, политический стиль; б) структурированность общества по определенным интересам.

Во внешнюю среду входят политические, социальные и экономические условия, а также режим власти в государстве. Взаимодействие внешней и внутренней сфер происходит через коммуникационную инфраструктуру, т.е. через институты и процессы, которые соединяют общество со структурами власти и обеспечивают двухсторонние каналы общения.

В западных политических системах введение требований, в основном, осуществляют политические партии. Однако слабость данного института у нас в республике приводит к функционированию системы через другие каналы.

И такими каналами выступают различные группы интересов, которые обрабатывают поступающие из окружающей среды импульсы требований и поддержки и передают их в систему выработки решений, выполняют тем самым функции входа.

В свою очередь система выработки решения состоит из структур и процессов, воспринимающих импульсы требований поддержки, переданные через систему коммуникации, и трансформирующих их в политический продукт.

Наряду с этим следует изучить структуру системы, выделив в ее составе такие подсистемы, как институциональная, состоящая из политических институтов; нормативная, функциональная и коммуникативная.

Институциональная подсистема – это государство и группы интересов.

Нормативная подсистема включает в себя нормы права, политические традиции, политическую мораль, политическую этику. Функциональная подсистема – это формы и направления политической деятельности, способы и методы осуществления власти. Коммуникативную подсистему представляют политическая культура, политическое сознание, политические отношения. Таким образом, мы определили структуру исследования.

Первым по времени, а также и по значимости фактором развития общества является давление окружающей среды. Как известно, родоплеменная структуризация казахского общества во многом обусловлена влиянием внешней среды. Она способствовала мобилизации людей для решения хозяйственных, военных и др. задач, тем самым защищаясь от вредных воздействий этой среды, совершенствуя себя и свои возможности сопротивления. Нужда, стремление выжить, естественное для любого организма, заставляло людей развивать тот способ приспособления к среде, который стал для них решающим. В этом отношении для казахского общества на протяжении последних тысячелетий решающим как раз был родовой институт. Искусственное вмешательство в развитие внутренней структуры общества позволило сохранить наиболее устойчивым элементам, присущим родоплеменному социуму.

Однако наряду с этим внутри целого развивается своего рода внутренняя среда, которая по мере усложнения первого начинает играть все большую роль в развитии общества, постепенно оттесняя внешнюю на второй план.

В первую очередь, это связано с тем, что внешнее влияние с развитием общества и ростом его автономии все больше теряет свое значение, в то время как внутренняя жизнь постоянно и во все убыстряющемся темпе усложняется. Во-вторых, внутренняя

среда есть именно та действительность, в которой живут конкретные люди; ее влияние наиболее ощутимо и важно.

Вместе с тем проведем структуризацию во внутренней среде, выделим уровни – первый и второй. Выделение уровней осуществлено по уровню жизни, по социальному положению населения, а также обладание властными ресурсами. При этом следует учитывать, что влияние внешней среды на каждый из уровней вызывает различную реакцию и разные механизмы адаптации у населения. В настоящее время эти два уровня определяют развитие республики.

Первый уровень, представляющий собой низовую ячейку, сохранил свою традиционность, функционировал по родовым нормам. В основном, традиционные отношения сохранились в аулах. Несмотря на то, что города представляют собой современный тип цивилизации, все же среди населения, находящегося на низовом уровне социальной лестницы, сохранены родовые традиции и обряды.

Таблица 2. – Первый уровень

Социалистическая политическая система, построенная по принципу иерархии и подчинения лидеру, выделяемому по иным критериям, нежели в родовых структурах, фактически повторял родовую структуру общества.

И на современном этапе под влиянием различных факторов деление общества на роды выходило из предшествующего состояния и проявляло волю и тенденцию к реанимации, частично возрождению родовых обычаев и институтов, тем самым повышало свою регламентирующую роль и усиливало вмешательство в повседневную жизнь людей.

В некотором роде этому процессу способствовал переходный период, который будучи на начальном этапе временем хаотического движения элементов общества, «атомизировал» его, т.е. разъединил людей,

объединенных доселе уже морально устаревшими идеологическими связями.

Как известно, в обществе с неравновесной системой распределения вследствие рыночных отношений, где неизбежна конкуренция, происходит выделение кровнородственных групп на роль структурных элементов нового социума. В силу того, что родовые обычаи и институты просто не совмещались с новыми порядками в организации производства и распределения и были бессильны охватить и поглотить своими нормами.

В кризисных условиях лишь ближайшие родственники совместно вели хозяйство, а род витал где-то в эмпиреях, в заоблачных высях высокой социальной политики, и все его институты имели больше ритуальное, чем практическое значение. Общий рост социума происходил в форме роста именно этих родственных групп, отчего их значение (и, соответственно, значение определяющего их формирование принципа родства) перевесили значение других институтов. Дальнейшая трансформация при-

вела к расширению и упрочению группы родственников,

превратившись тем самым в важнейший фактор реальности.

Отношения родственной принадлежности постепенно приобретали характер политических, выступая одним из статусов, наряду со статусом классовой, национальной принадлежности, образования, статусом широко не афишируемым, но имеющим значение. Эти тенденции наблюдаются как в сельской, так и в городской среде.

В рамках этого исследования было проведено интервьюирование жителей аула Карасаз Жамбылской области и городов Тараз и Алматы, которое показало, что наиболее тесные отношения на сегодняшний день в городе поддерживаются лишь между кровнородными, т.е. «бір ата баласы». В то время как в аулах наряду с ними близкие контакты распространяются и на

родственников второго и третьего поколения. В сельской глубинке и городах наличие аморфные отношения между представителями одного рода, отличающиеся по объему, по количеству связей, по групповой солидарности.

Эта тенденция привела, как отмечают многие исследователи, к преобладанию в составе экономической, региональной, интеллектуальной элиты представителей села. Данный факт можно объяснить не только большей долей сельского населения (55%), но и тем, что на этом уровне активно действуют родовые структуры – институты взаимопомощи. С развитием процессов урбанизации и массовой миграции казахов в города вместе с людьми были перенесены и клановые взаимоотношения. Как отмечает Р. Кадыржанов, «любой человек, резко меняющий свою среду обитания, становится маргиналом. И выжить в тяжелых новых условиях ему помогают именно эти отношения. Например, как только казах из аула занимал какой-нибудь пост, то он, чаще всего, ставил на наиболее значимые места представителей своего клана» [11].

Наиболее сильно они оказывают влияние на формирование экономической и региональной элиты. Главной причиной актуализации данной тенденции выступают проводимые экономические реформы, в частности, приватизация и рост частного сектора.

Так, социологическое исследование, проведенное Б. Смагамбетовой в 1994-1996 гг. в ряде регионов Казахстана, выявило ряд интересных фактов, касающихся роли родоплеменных отношений, в частности в системе «руководитель-подчиненный» в производственных коллективах [12].

С учетом региональных особенностей (уровень социально-экономического развития, национальный состав региона) были выбраны для сопоставления и сравнения жители-казахи двух областей: Жезказганской (ныне в составе Карагандинской области) и Кызылординской. По Жезказганской области были опрошены в основном жители городов Жезказгана и Сатпаева (265 рабочих). Регион промышленный и многонациональный. Казахи представлены родами среднего жуза и недавними переселенцами

с юга и юго-запада, представителями младшего жуза.

Кызылординская область с преобладающим казахским населением (79,4%) характеризуется как аграрная область. Здесь опрошено 265 рабочих. Родоплеменной состав неоднобразен, живут представители всех жузов и племен.

Из 65 опрошенных руководителей считают, что родоплеменной состав не является одним из факторов успешной деятельности. Родоплеменной состав своих подчиненных не интересовал более половины руководителей государственных организаций. В то время как 80% руководителей частных предприятий знают родоплеменное происхождение своего работника.

Респонденты все без исключения знали свою родовую принадлежность. Что касается родового происхождения руководителя, то достоверной информацией владеют 54,8% опрошенных, чьи руководители казахи. Из них 43% женщин и 65% мужчин. 30% опрошенных не интересуются родоплеменным происхождением руководителя. Из владеющих информацией о родоплеменной принадлежности руководителя, 70% имеют высшее образование.

13% респондентов хотели бы видеть руководителем своего родственника, тогда как 37,8% считают, что руководитель должен быть знающим свое дело, и лишь 20,4% желают руководителя только казахской национальности.

75,3% никогда не испытывали неприязнь к себе со стороны руководства из-за своей родовой принадлежности. Большинство респондентов считают, что умение руководить не зависит от родовой принадлежности.

Но нельзя отрицать, что некоторые чиновники, имеющие доступ к власти разного уровня и участвующие в разделе материального богатства страны (приватизации) используют родственные отношения в своих интересах. Жузовая или родоплеменная принадлежность иногда может сыграть решающую роль при получении «высокооплачиваемой» должности, определенных привилегий и льгот.

На основе вышеизложенного можно заключить, что исторически сложившиеся родовые институты показали высокие адаптивные способности, где род рассматривался как механизм, обеспечивающий доступ

к определенным привилегиям, материальному богатству, нередко помогающий просто выживать в кризисных условиях. Но он не обеспечивает сам по себе институционализации власти, сам не выступает институтом власти и властвования.

Наличие казахского трайбализма, в основном, объясняется сохранением оказания поддержки по родственному признаку, охватывающему сферу властных структур. Однако изучение родоплеменных отношений на первом – низовом уровне показывает, что родовая структурированность выполняла больше социальную функцию, нежели политическую. И в этой связи можно с большей долей условности говорить лишь о наличии социального трайбализма, который использует наследие племенного устройства в целях решения бытовых проблем.

На втором уровне основными факторами выступают региональный, экономический, научный истеблишмент. В советские времена большее значение имела жузовая принадлежность, так как для освоения этого уровня требовалась широкая сфера клановой солидарности. Если на уровне аула и сельского района решающую роль играли родовые связи и отношения, то на втором уровне политической системы работали жузовые связи и отношения, а также межжузовское регулирование и согласование. Это явление Р. Кадыржанов объясняет казахским национализмом как желание доминировать над всеми остальными этносами в политическом отношении, прежде всего, опирающееся на жузовость [13].

Таблица 3. – Второй уровень

Жузы, будучи формой социально-политической организации, отношения между входящими в них групп организовывала по принципу социального, но не кровного родства, отражаемого в генеалогических представлениях об общности предков. При-

надлежность к тому или иному территориальному образованию, жузу, фактически выступало как социальные обязательства и лояльность, присущие к родоплеменному сознанию. В странах Центральной Азии ярко проявляется регионализм (в Кыргызстане – Север-Юг, Узбекистане – Ташкентский, Самаркандский и т.д., Таджикистане – Кулябский, Ленинабадский и т.д.), так и жузовая дифференциация казахов является своего рода региональным делением. Ведь жузы выступают территориальным объединением, в состав которых зачастую входят не родственные племена.

Эту традиционную черту национального характера казахов, оказывающей существенное влияние на современный политический процесс, следует назвать «корпоративностью». В силу закрытого характера политической власти, полный контроль органами власти политических процессов трансформируют эти «корпорации» в группы интересов. Их методами являются скрытое воздействие на органы власти, столь характерные для родовых отношений. Однако в прошлом сильная регламентированность родов в рамках генеалогической иерархии позволяли им лишь опосредованно влиять на содержание политических решений, вырабатываемые представителями власти.

Новые возможности и угрозы, которые возникают в процессе демократизации, вынуждают различные группы интересов значительно изменить свою внутреннюю структуру и характер деятельности. Однако корпоративность титульного этноса, в отличие от корпоративности в западных системах, основана на кровнородственных (бір ата баласы, родственники жены, снохи, зятя), региональных, земляческих, экономических интересах, нежели родоплеменных. Кроме того, мотивационным блоком для формирования групп интересов также выступают совместное прошлое (обучение, прежнее место работы, досуг и т.д.), а не мифологическое родство.

Таблица 4. – Группы интересов

Административный метод управления экономикой приводит к усилению влияния групп интересов, сформированных по экономическим, корпоративным и семейным принципам, на процесс рекрутирования кадров. Созданный таким образом аппарат стремится изо всех сил сохранить эти методы управления, ибо в противном случае он вынужден будет расстаться со своей властью.

Действующие на казахстанском политическом пространстве группы интересов представляют часть государственной машины, вплетены в административную власть, кроме того, обладают финансовыми и информационными ресурсами, контролируют определенные сферы производства.

Выделяют две группы интересов – ведомственные или институциональные, действующие в структурах государственной власти, и экономические, выступающие как группы давления и выражающие интересы бизнес элиты.

Политическая элита нацелена на получение материальных благ через каналы политической ренты, в то время как группы интересов сосредоточили в своих руках подавляющую массу ресурсов собственности. Группы, не имеющие отношения к администрированию, лишены реальной возможности влиять на власть. В итоге, циркуляция политической элиты носит закрытый характер.

Структурирование властного истеблишмента, наличие внутривластных политико-экономических группировок, перекрывает доступ к влиянию на процесс принятия решений иным социальным и политическим

объединениям – политическим партиям, неправительственным организациям и т.д. И в этой связи главным механизмом, обеспечивающим доступ к ней, являются родственные и личные связи.

В то время как родоплеменные и жузовые деления, отчетливо проявляющиеся на низовых структурах государственной власти, в высшем управленческом аппарате значительным весом не обладают.

Тем самым группы интересов осуществляют и ввод требований во властные структуры, и вывод из нее политических решений. В своем роде они выполняют функции лоббистских групп.

Анализ механизмов рекрутирования политической элиты демонстрирует следующее. При назначении на ту или иную должность в Казахстане определяющий характер носит патрон-клиентный фактор (3,88 бал.), на втором месте финансово-экономический (2,76 бал.), и на третьем месте – жузовый (2,56 бал.).

Такая же картина в правительстве – патрон-клиентный фактор (3,96 бал.), на втором месте – финансово-экономический (3,84 бал.), и на третьем месте – жузовый (2,56 бал.).

В парламенте на первом месте стоит финансово-экономический фактор (3,48 бал.), патрон-клиентный (3,21 бал.), и советское номенклатурное прошлое (1,92 бал.). В то время как жузовый фактор (1,88 бал.) и кланово-семейный фактор (1,82 бал.) оказывают второстепенное влияние [14].

Таким образом, деятельность элитных групп, состав, а также ресурсы и возможности демонстрируют, что в своей основе они интегрированы не на основе родоплеменного родства, хотя имеется малая родственная связь. Родовая принадлежность является одним из критериев рекрутирования, но не ярко

выражена. На низовом уровне проявляется социальный трайбализм, в то время как политический трайбализм не имеет место.

Родоплеменная дифференциация казахского общества, их погруженность в небольшую общину, является отличительным признаком этого этноса, её основным зерном, центром кристаллизации, соединяющая между собой роды и создающая казахское общество и государство «снизу». Это не является аномальным явлением. Она является неотъемлемым признаком существующей политической системы, соответствует социально-экономическому развитию и политической культу-

ре, играет свою особенную роль. Наиболее устойчиво сейчас родоплеменное деление сохранилось в южном регионе республики, в силу своеобразия природно-климатических условий и географического положения.

Таким образом, с нашей точки зрения, в настоящее время жузово-родовая разбивка казахстанского общества, сохранив свои первородные корни, постепенно теряет свою актуальность, как политический институт, и не оказывает сильного влияния на политическое состояние общества, и, прежде всего, на процесс рекрутирования высшего эшелона власти.

Литература

1. «Кланы в государствах Центральной Азии: традиции и современность» *Круглый стол. Центральная Азия: политика и экономика.* – 2000. – № 2. – С. 6-9.
2. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994. – С. 13.
3. Гали А. Будущее в прошедшем времени, или Код казахосферы // *Саясат.* – 2000. – № . – С.
4. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. - Уфа, 1994. – С. 17.
5. Ерофеева И. Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII – начале XIX вв. // *Казахстан и мировое сообщество.* – 1996. – № 4. – С. 37-46 (39).
6. Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутритрибальное соперничество // *Вестник Евразии.* – 1996. – № 1(2). – С. 46-61 (46).
7. Там же С. 48.
8. Шалабаева Г. Национальная культура и противоречия социальной модернизации // *Саясат.* – 1997. – № 2. – С. 35-46 (40-41).
9. Мурзалин Ж. Корпоративность как политическая традиция в Казахстане // *Мысль.* – 1998. – № 8. – С. 24-25 (24).
10. См.: Сатпаев Д. Лоббизм в Казахстане. - Алматы, 1999. – 259 с.
11. «Кланы в государствах Центральной Азии: традиции и современность» *Круглый стол. Центральная Азия: политика и экономика.* – 2000. – № 2. – С. 6-9 (6).
12. Смагамбетова Б. Д. Родоплеменный фактор в системе «руководитель-подчиненный» // *Социс.* – 1998. – № 3. – С. 20-23.
13. Кадыржанов Р. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. А.: Институт философии и политологии МН и ВО РК, 1999. – 166 с. – С. 88-90.
14. Элиты Казахстана и Кыргызстана: трайбализм по-центральноазиатски? // *Центральная Азия: политика и экономика.* – 2001. – № 1(3). – С. 12-13.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Дьяченко С.А.

Одной из важнейших задач социально-политических наук настоящего времени является разработка моделей переходных политических процессов страны на основе анализа и критического переосмысления имеющегося в мире опыта реформирования государств транзитного типа. Именно на это обращал внимание Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в Послании народу страны «Казахстан-2030», говоря о том, что «важно глубоко осмыслить ситуацию, проанализировать наше развитие с точки зрения мирового опыта и сравнить степень реализации наших реформ и формирования новых институтов с лучшим мировым опытом» [1].

Следовательно, комплексно исследовать эти процессы – значит реально откликнуться на конкретные потребности казахстанской политической практики.

Несмотря на имеющиеся труды по политической трансформации и проблемам транзитного общества, принято считать, что разработка теории общества переходного периода является принципиально новой проблемой в социогуманитарных науках.

В этой связи возникает вопрос: какой смысл заключает понятие «переходный период»? Можно и уместно ли говорить о каких-либо его временных рамках?

На наш взгляд, переходный период есть состояние относительной устойчивости политической системы, которая претерпевает за короткий исторический срок динамичные радикальные изменения. Они характеризуются острыми столкновениями старого и нового, разрывом социальных связей, перераспределением функций, перестройкой структуры и формированием новых границ социальных слоев и групп.

Во-первых, переходный процесс – это исторический временной отрезок, где происходят радикальные изменения общественных условий, старый общественный порядок меняется на новый. В связи с этим, принципиально важно заранее знать от чего к чему происходит общественный пе-

реход, каковы качественные и количественные характеристики этих общественных альтернатив, каков примерный срок, временная протяженность этапа переходного процесса. И, во-вторых, уже из самой сути переходности ясно, что это этап развития общества, в котором с необходимостью сочетаются, сосуществуют старое и новое. Поэтому нужно гипотетически представлять подвижную динамику соотношения старого и нового во времени и пространстве [2].

Можно уже констатировать, что переходный период в Казахстане составит достаточно большой временной отрезок, в ходе которого будут осуществляться фазы демократической социализации, включая экономические, политические и духовные преобразования.

Вполне закономерен и следующий вопрос: в чем заключаются особенности переходного периода, который переживает сегодня наше общество?

Исходным основанием для общей оценки ситуации выступает то, что казахстанское общество переживает переходный период – нестабильный исторический процесс, в ходе которого происходит его трансформация из тоталитарного состояния в демократическое.

Многие страны планеты уже прошли этот весьма непростой путь. Поэтому можно и нужно отметить, что казахстанский опыт не является каким-то сверхновым или резко отличается от опыта других стран мира, в том числе и постсоветского пространства. Здесь с той или иной спецификой, в той или иной форме имеют место общие тенденции развития социально-политической ситуации, главной чертой эволюции которой является направляемость «сверху» идущих экономических и политических преобразований.

Интересным представляется мнение Чжан Вон Чана, который отмечает, что эволюция теории изменения, развития, трансформации и модернизации и ход осуществ-

ления реформ в стране требуют учета двух базовых составляющих кардинального реформирования общественной системы: тенденций общенационального развития и казахстанской политической традиции [3]. В этой связи одной из важных задач, стоящих перед реформаторскими силами, выступает создание механизма тесной связи между программами и реалиями, обусловленными социокультурным основанием, в том числе менталитетом населения. Для ускорения хода реформ необходимы также существенные коррективы стратегии развития. Это должно проявиться, в частности, в учете таких базовых для Казахстана традиций, коими являются значительная роль государственного начала, оптимизации взаимодействия ценностных платформ государственного патернализма и демократии, в поиске более широкой социальной и политической базы осуществляемой модернизации на основе разработки системы национально-государственных приоритетов и интересов и др. [4].

По мнению автора, специфика трансформационного процесса в Казахстане заключается в том, что, во-первых, он представляет собой трансформацию посткоммунистического режима, не имевшего ранее аналогов в истории, если его брать в комплексе общих перемен, характерных для конца 80-начала 90-х годов; во-вторых, модернизация носит, образно говоря, догоняющий характер, решая одновременно задачи, относящиеся по своему происхождению к различным этапам технологического и экономического развития: в-третьих, реформаторский процесс происходит в государственном, социокультурном, религиозно-отношениях [5].

Переходному периоду развития казахстанского общества присуща неопределенность. Совмещение разнородных укладов и элементов многих формаций вполне позволяет обозначить его как своеобразный конгломератный строй, в котором эклектически соединены противоположности. В частности, еще нередки имеющие место административно-бюрократические методы руководства и возрастающие самоналаживающиеся экономические, определенный формализм в осуществлении демократических процессов и подлинное самоуправление народа, патернализм, проявляющийся в мышлении инерции, выжидания и уже новое мыш-

ление эффективного действия, подлинного творчества граждан страны. Все это, естественно, породило неустойчивое состояние общества, углубило в нем кризисные явления. Названные стороны симбиоза, как правило, несовместимы в нормально функционирующей, достигшей целостности системе. Поэтому необходимо избавление от эклектизма, «квазисостояния», конгломератности и приобретение социумами органической целостности для того, чтобы элементы общественной жизни не просто механически соединялись и противостояли один другому, дестабилизируя систему, а органически взаимодополняли бы друг друга, укрепляя и динамически ее развивая.

Неопределенность положения стала постоянным атрибутом жизни. Она продолжает еще восприниматься многими людьми, которые вышли из прежней общественно-политической системы, где все было расписано, а каждый конкретный человек занимал отведенную ему нишу и в соответствии с этим строил свои планы, как огромная потеря, утрата привычных социальных гарантий.

Думается, что пройдет еще немало времени, пока неопределенность станет восприниматься не столько как бедствие, сколько как шанс для собственного выбора. Сейчас же вполне естественен для общества стихийный поиск новых идеалов, который с неизбежностью воспроизводит порой и архаику, и анахронизм.

Следовательно, для установления подлинной демократии и достижения заявленных ориентиров и целей необходима эффективная трансформация не только экономики, но и идеологического климата.

Каким же видится путь трансформации менталитета казахстанцев? Казахская действительность настойчиво ставит перед гражданами республики задачу овладения основами современной политической культуры, требует ее коренных изменений, формирования массового менталитета, адекватного рыночной экономике и истинному плюрализму, отказа от обветшавших идеологических стереотипов, так как без глубоких изменений в общественном сознании невозможны никакие перемены. Сегодня, когда в жизни казахстанского общества особую значимость приобретают индивидуальные проявления человеческого созна-

ния и поведения, сами социально-политические структуры зависят от состояния духовного мира, от процессов, идущих в сознании масс. Насущные проблемы формирования новой политической культуры, соответствующей требованиям времени и выражающей как отношение личности к политике вообще, так и ее отношение к содержанию вполне конкретных политических ценностей, норм и программ в частности, требуют дальнейшего осмысления.

В настоящее время одновременно меняются политическая и экономическая системы страны, отвергаются бывшие ранее незыблемыми базовые ценности. Казахстанское общество становится плюралистическим, развивается многопартийность, предпринимаются усилия для возрастания роли политических партий, выступающих в качестве промежуточного звена во взаимоотношениях между гражданами и государством, сосуществуют и активно дополняют друг друга различные модели политической культуры. Без успешного решения задачи формирования политической культуры народа Казахстану будет весьма непросто стать экономически сильной и процветающей страной, гарантирующей своим гражданам соблюдение прав и свобод.

Основная гипотеза состоит в том, что в условиях трансформации казахстанского общества формирование новой системы

политических отношений может с наибольшей полнотой идти через совокупную деятельность политических институтов, прежде всего института политических партий, направленную на сплочение масс, развитие гражданского общества, обеспечение единства и сплоченности основных общественно-политических структур, истеблишмента и правящей элиты, осуществляемую с использованием современных эффективных политических технологий. Тем самым создаются условия для устойчивого развития современного Казахстана.

Думается, есть все предпосылки того, чтобы казахстанское общество в связи с реализацией экономических и политических реформ стало по настоящему современным, а политическая система страны – более сложной и дифференцированной, где будет обеспечено сосуществование различных идей, концепций развития, политических партий и общественно-политических движений. Сможет ли наше общество реализовать эту возможность и тем самым вписаться в сложную парадигму общественного развития, эволюции, характеризующуюся сочетанием тенденции нового и прогрессивного, зависит, по существу, от осовременивания его социальной структуры, а также политической зрелости граждан страны, их политической культуры.

Литература

1. Назарбаев Н.А. «Казахстан-2030». Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана // Казахстанская правда. 11 октября 1997.
2. Дьяченко С.А., Кармазина Л.И. «Республика Казахстан: особенности политической модернизации.» – Алматы, 1999 – с. 15.
3. Чжан Вон Чан. Трансформация политической системы обществ переходного типа: мировой опыт и Казахстан. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1998. - с. 8
4. Там же, с. 17.
5. Там же.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Мустафаев Н.И.

В развитии молодежи Казахстана характерны как позитивные, так и негативные тенденции. Внесение необходимых корректив в государственную молодежную политику может эффективно повлиять на развитие казахстанского общества.

Критерием социального развития молодежи выступает степень её субъектности в общественном воспроизводстве.

1. Молодежь в этно-демографической структуре населения Казахстана

1.1. Основные этно-демографические тенденции развития молодежи Казахстана в 90-е годы

Численность молодежи в структуре населения. Средний возраст населения Казахстана составляет 29 лет. Молодежь – одна из наиболее крупных социально-демографических групп в казахстанском обществе. По итогам переписи населения 1999 года в республике проживает 3 млн. 845,7 тыс. граждан в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 25,7% всего населения.

В структуре населения дети и подростки (0-14 лет) составляют 28,7%, молодежь (15-29 лет) – 25,7%, среднее поколение (30-59 лет) – 35,1%, старшее поколение (60 лет и старше) – 10,5% всего населения республики.

Тем не менее, четко обозначились тенденции старения населения. За последнее десятилетие рождаемость уменьшилась вдвое. В 1999 году отмечен самый низкий за весь послевоенный период коэффициент рождаемости – 14,0 на 1 000 человек населения. Количество заключаемых браков также сократилось вдвое: в 1990 году заключено 164 тыс. браков, в 1999 г. – 85 тыс. браков. Высоким остается число разводов. Естественный прирост населения за последнее десятилетие снизился в 4 раза.

Таблица 1 отражает характерные в XX веке для многих стран мира процессы ста-

рения населения. За десять лет доля населения Казахстана старше 60 лет возросла с 9,2% до 10,5%, возрастной группы 30-59 лет с 32,5% до 35,1%. В то же время снизилась доля детей, подростков и молодежи.

Доля когорты 65 лет и старше возросла с 5,5% от численности всего населения в 1989 году – до 6,7% в 1999 году. По классификации демографов ООН при соотношении ниже 4% населения 65 лет и старше оно считается молодым; при 4-7% – на грани старости; более 7% постаревшим. Исходя из международной классификации, Казахстан находится на начальной стадии демографического старения. Демографическое старение населения сопровождается деформацией структуры населения, разрывом нормальных межпоколенческих связей, нарушением баланса рабочей силы (снижение удельного веса трудоспособных), возрастанием нагрузки на социальную сферу, способствует снижению благосостояния общества.

Наряду с общим снижением доли молодежи в структуре населения в 1999 году по сравнению с 1989 годом, во второй половине 90-х годов отмечена позитивная тенденция роста численности молодежи.

Рост удельного веса молодежи в 1995-1999 годах происходил в основном за счет роста численности «младшей» возрастной группы в составе молодежи. «Младшая» возрастная группа (15-19 лет) составляет

Таблица 1. Динамика возрастной структуры населения (1989-1999 гг.)*

	Тыс. человек		в процентах	
	1989 г.	1999 г.	1989 г.	1999 г.
Все население	16199,2	14957,8	100,0	100,0
1-14 лет	5176,0	4298,1	32,0	28,7
15-29 лет	4258,3	3845,0	26,3	25,7
30-59 лет	5269,5	5784,7	32,5	35,1
60 лет и старше	1495,4	1570,9	9,2	10,5

* Рассчитано по: Краткие итоги переписи населения 1999 года Республики Казахстан. Стат. сб. – Алматы, 1999. – С. 8.

36,4%, «средняя» (20-24 лет) – 33,6%, «старшая» (25-29 лет) – 30,0% от всей численности молодежи. Преобладание «младшей»

возрастной группы обусловлено некоторым повышением рождаемости в Казахстане в 1984-1988 годах, как следствие (демографическое «эхо») демографического «взрыва» 1958-1962 гг.

Таблица 2. Доля молодежи (15-29 лет) в структуре населения с 1995 по 1999 год* (на начало года в процентах)

	1995	1996	1997	1998	1999
Доля молодежи	24,7	24,7	25,0	25,4	25,7

* Рассчитано по: Статистический ежегодник Казахстана, 1999. Стат. сб. – А., 1999. – С. 19; Статистический ежегодник Казахстана, 2000. Стат. сб. – Алматы, 2000. – С. 18.

В 2001-2005 годах численность молодежи «старшей» возрастной группы (25-29 лет) будет возрастать, двух других возрастных групп молодежи – снижаться.

Таблица 3. Возрастные коэффициенты рождаемости среди молодежи*

Годы	Число родившихся в среднем за год на 1 000 женщин			
	Всего	из них в возрасте		
		15-20 лет	20-24 года	25-29 лет
1994	18,7	55,93	185,38	131,96
1995	17,2	50,25	167,01	123,91
1996	15,9	44,61	149,79	116,44
1997	14,1	38,94	134,43	110,62
1998	-	36,46	131,14	107,80

* Источники: Социальные тенденции развития Казахстана. Стат. сб. – Алматы, 1999. – С. 24; Статистический ежегодник Казахстана, 2000. Стат. сб. – Алматы, 2000. – С. 20.

В долгосрочной перспективе вероятно дальнейшее снижение удельного веса молодежи в структуре населения, усиление процесса старения населения. Решающим фактором данного процесса является снижение рождаемости среди наиболее репродуктивной части общества – молодежи.

Как видно из таблицы 3, снижение рождаемости происходило как в целом у женщин репродуктивного возраста, так и у женщин всех трех возрастных групп молодежи.

Основной фактор снижения брачности и рождаемости – экономический. Низкие денежные доходы молодежи, жилищные проблемы ограничивают возможности создания семьи. Вместе с тем, с 2000 г. отмечены и позитивные тенденции: рост брачности, рождаемости и некоторое повышение естественного прироста.

Этническая структура молодежи. Наиболее многочисленными этносами Казахстана являются казахи (53,4% от общей численности населения) и русские (30,0%). Далее следуют украинцы (3,6%), узбеки (2,5%), немцы (2,3%), татары (1,6%), уйгуры (1,4%). Численность белорусов, корейцев, азербайджанцев и турков колеблется от 0,7 – до 0,5% всего населения Казахстана.

За десятилетие, с 1989 по 1999 год, численность немцев уменьшилась в 2,6, русских – в 1,3, украинцев – в 1,6, татар – в 1,3, белорусов – в 1,5 раза. Численность азербайджанцев и корейцев сохранилась на прежнем уровне. Отмечен рост численности казахов, узбеков, уйгур и турков. Наиболее высокие темпы роста численности отмечены у турков и узбеков – на 53,3% и на 39,7%.

Возрастная структура наиболее крупных этносов Казахстана существенно различается. У восточных этносов доля детей, подростков и молодежи, значительно превышает средние по стране показатели. У европейских этносов доля детей, подростков и молодежи ниже, чем средние показатели по стране. Это обусловлено традициями многодетности у восточных этносов, урбанизированностью европейских этносов. Естественный прирост городского населения значительно ниже, чем сельского.

Дети, подростки и молодежь в структуре населения Казахстана составляют 53,8%. У наиболее «молодых» этносов: узбеков – 64,3%, казахов – 61,5%, турков – 60,7%, азербайджанцев – 59%, уйгур – 58,4%. В среднесрочной перспективе в составе молодежи Казахстана будут возрастать численность узбеков, казахов, турков, азербайджанцев и уйгур. В то же время, численность европейских этносов в составе молодежи будет снижаться.

Таблица 4. Динамика численности населения РК по отдельным этносам*

	Численность лиц данной национальности в % ко всему населению			
	1970	1979	1989	1999
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00
Казахи	32,57	36,04	40,11	53,40
Русские	42,43	40,79	37,42	29,96
Украинцы	7,17	6,11	5,41	3,66
Узбеки	1,66	1,79	2,04	2,48
Немцы	6,59	6,13	5,85	2,36
Татары	2,20	2,13	1,98	1,66
Уйгуры	0,93	1,01	1,12	1,41
Белорусы	1,52	1,24	1,10	0,75
Корейцы	0,63	0,63	0,62	0,67
Азербайджанцы	0,44	0,50	0,55	0,52
Турки	0,14	0,18	0,31	0,51
Другие	3,72	3,45	3,49	2,62

* Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.1. // Итоги переписи населения 1999 года в РК. Стат. сб. – Алматы, 2000. – С. 6-8, 21-22.

Таблица 5. Возрастная структура этнического состава населения*

	Все население	В том числе в возрасте, лет						
		0-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Всего	100	17,8	20,0	16,0	15,4	12,7	7,3	10,8
Казахи	100	22,0	21,9	17,6	16,3	10,7	5,4	6,1
Русские	100	11,6	17,8	14,4	13,7	15,7	9,8	17,0
Украинцы	100	8,3	12,0	12,1	14,6	14,8	13,5	24,7
Узбеки	100	25,6	21,8	16,9	15,1	9,3	5,0	6,3
Немцы	100	14,2	22,9	16,1	13,2	16,0	6,0	11,7
Татары	100	11,5	16,6	13,4	16,1	15,2	9,5	17,7
Уйгуры	100	20,5	20,8	17,1	17,0	11,1	6,0	7,5
Белорусы	100	8,4	11,3	11,5	16,7	13,3	15,0	23,8
Корейцы	100	12,4	18,9	14,3	12,7	18,4	10,1	12,1
Азербайджанцы	100	22,5	21,5	15,6	18,9	11,0	4,3	6,2
Турки	100	22,6	22,3	15,8	16,8	11,0	3,6	7,8

* Источник: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту // Итоги переписи населения 1999 года в РК. – Алматы, 2000. – С.13-16.

Молодежь в миграции «село-город». Естественный прирост населения за период с 1990 по 1998 годы составил, в совокупности 1 млн. 296,4 тыс. человек. Естественный прирост сельского населения весь этот период значительно превосходил показатели городского населения: на 20-30% в 1990-1992 гг., на 100-400% в 1993-1997 гг. Тем не менее, соотношение городского и сельского населения за десять лет практически не изменилось. В 1990 году городское население со-

ставляло 57,4%, сельское – 42,6%, в 1999 году, соответственно, городское – 56%, сельское – 44%. Это обусловлено преобладанием потоков «село-город» во внутренней миграции. Для Казахстана в постсоветский период был характерен большой объем не только внешней, но и внутренней миграции. Причем данный показатель (межобластная и внутриобластная миграция) является одним из самых высоких в странах СНГ. В 1999 году в процессах внутренней миграции

приняло участие – 66 479 человек в возрасте от 15 до 29 лет, или 34,1 % от общего числа внутренних мигрантов. Во внутренней миграции преобладает сельская молодежь. Большая часть сельской молодежи устремляется в крупные города. По данным статистики в 1999 году численность сельской молодежи, мигрировавшей в города, составила 29 978 человек.

По экспертным оценкам около 70% внутренней миграции в 90-е годы приходи-

лось на поток «село-город». Среди основных причин значительных масштабов миграций «село-город» отсутствие работы, низкая обеспеченность объектами социальной сферы в сельской местности. Значительные масштабы характеризуют и внешнюю миграцию молодежи.

Таблица 6. Показатели внешней миграции населения в возрасте 15-29 лет с 1994-1999 гг.*

	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Эмигранты населения от 15-30 лет	242440	86388	66222	83980	68426	49329
Эмигранты по всем возрастам	480839	309632	229412	299455	243663	162064
Миграционное сальдо	-410387	-238495	-175538	-261388	-203039	-126639

* Источник: данные Агентства РК по статистике

Позитивной тенденцией является сокращения отрицательного сальдо миграции молодежи в последние пять лет, за исключением 1997 года. Если для внешней миграции основными причинами являлись сочетание социально-экономических факторов, то для внутренней миграции – социально-экономических и экологических. Стихийная внутренняя миграция сельской молодежи в города, обострила социальную напряженность в крупных городах, способствовала возникновению маргинальных кварталов, увеличению нагрузки на социальную инфраструктуру.

II. Молодежь и модернизация

2.1. Влияние модернизации на молодежь

Эволюция системы ценностей. Коммерциализация сферы культуры сопровождается процессом отхода от норм и ценностей «высокой» культуры к усредненным эрзац образцам массовой культуры. Это не может не отразиться на системе установок, ориентации и культурных ценностях молодежи.

Молодежная субкультура всё более приобретает контркультурные элементы. «Младшей» возрастной группой молодежи (15-19 лет), досуг все более воспринимается как основная сфера жизнедеятельности, детерминирующая в целом социальное самочувствие молодого человека.

Несмотря на трудности поступления на работу по специальности выпускниками ву-

зов, высшее образование продолжает сохранять престижность, привлекательность для большинства казахстанской молодежи. Все последнее десятилетие происходил ежегодный поступательный рост, как численности высших учебных заведений, так и обучающихся в них студентов.

Возможность получить высшее образование у сельских юношей и девушек в 4 раза ниже, чем у городских. Отсюда неравенство стартовых ус-

ловий, обусловленное неравенством социальной среды обитания. Это является источником отчуждения, потенциальных конфликтов между сельской и городской молодежью. Необходимо более последовательное осуществление квотирования сельской молодежи при поступлении в вузы, усиление контроля Министерства образования и науки РК за исполнением политики квотирования сельской молодежи при поступлении в вузы, выделение дополнительных грантов.

Таблица 7. Количество высших учебных заведений, численность студентов вузов*

	Государственные	Негосударственные	Итого
Количество вузов			
1990/91	55	-	55
1997/98	62	71	133
1998/99	56	88	144
Студентов, тыс. чел.			
1990/91	287,4	-	287,4
1997/98	234,4	59,1	293,4
1998/99	254,9	63,9	318,8

* Источник: Социальные тенденции развития Казахстана. Стат. сб. – Алматы, 1999. – С.36-37.

Наряду с позитивными, со второй половины 90-х годов четко обозначились и негативные тенденции в высшем образовании Республики Казахстан. Это – обусловленные сиюминутными, конъюнктурными соображениями со стороны ректоратов вузов

диспропорции в подготовке студентов различных специальностей, возрастающие масштабы «утечки мозгов» из страны.

Ощущается явный переизбыток выпуска вузами юристов, экономистов-международников, дипломатов. В то же время, в связи с начавшимся ростом в реальном секторе экономики, четко обозначился дефицит молодых высококвалифицированных кадров в промышленности (машиностроении, легкой и пищевой промышленности). Часть молодежи, завершившей обучение по «престижным» специальностям, в связи с переизбытком на рынке занятости юристов, экономистов-международников, политологов, социологов, пополняют ряды безработных.

В постсоветский период наблюдался постоянный, не снижающийся уровень оттока одаренных выпускников в вузы ближнего и дальнего зарубежья – прежде всего вузы России, США и Великобритании. Обучение казахстанских юношей и девушек в зарубежных вузах по государственным программам, предусматривающее возвращение их после завершения учебы в Казахстан, безусловно, позитивный фактор – инвестиции в будущее развитие страны. В то же время, отмечено, что значительная часть молодежи, самостоятельно, либо при содействии различных НПО, поступившая в зарубежные вузы, как правило, убывают безвозвратно.

В 90-е годы Казахстан оставался бесспорным «лидером» по численности студентов из стран СНГ, обучающихся в вузах России. По официальным данным Госкомстата РФ в 1990-1999 годах, ежегодно, в вузы России поступало порядка 10 тыс. казахстанцев. Реальные показатели значительно выше. В 1999/2000 учебном году в вузах только одного города Томска обучалось 4 тыс.

юношей и девушек из Казахстана, что составляло 10% численности всех студентов Томска. Тысячи молодых казахстанцев учатся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Омска, Барнаула и других городов России. Значительная часть поступает в многочисленные филиалы рос-

сийских вузов в Алматы и других городах Казахстана. Наиболее одаренные абитуриенты и студенты без всяких препятствий направляются филиалами в основные вузы – в Россию.

Несмотря на негативное воздействие издержек начального этапа модернизации 1990-1995 годов жизненные ориентации казахстанской молодежи в целом соответствуют основным нормам принятым в обществе.

В отличие от 80-х годов, в 90-е годы молодежь более активно устремлялась не в производство, а в сферу распределения и обмена. Нельзя не учитывать, что этот процесс, происходит за счёт оттока молодежи из сферы материального производства. Такое перераспределение молодежной занятости, безусловно, не оптимально. Невозможно распределять, не производя.

Молодежь наиболее представлена в сфере услуг (гостиницы и рестораны), финансов, государственном управлении, что отражает привлекательность, престижность для молодых данных видов деятельности, высокий уровень оплаты труда.

Непопулярность в молодежной среде профессий, связанных с реальным сектором экономики (промышленность, транспорт, сельское хозяйство) подтверждают данные социологического опроса, проведенного МКИОС летом 2000 года. Согласно исследованию МКИОС «Молодежь Казахстана – 2000» наиболее престижными в молодежной среде являются специальности юриста (20,2%), экономиста (14,8%), банковского работника (9,6%), переводчика иностранных языков (5,7%), оператора ЭВМ (5%) и налогового инспектора (4,5%).

Большая часть казахстанской молодежи ориентирована на труд в сфере распре-

Таблица 8. Распределение безработных по возрасту* (тыс. человек)

	1995	1996	1997	1998	1999
Численность занятых в экономике - всего	6551,5	6518,9	6472,3	6127,6	6109,0
Безработные - всего	808,3	970,6	967,8	925,0	955,2
из них: зарегистрировано в службах занятости	139,6	282,4	257,5	251,9	251,4
Молодежь 16-29 лет	64,9	115,4	91,4	82,2	72,7

* Источник: Социальные тенденции развития Казахстана. Стат. сб. – Алматы, 1999. – С. 31.

деления и обмена. Всего в сфере распределения и обмена занято 31,5% от всей численности молодежи работающей в различных секторах экономики.

В то же время, сохраняется достаточно значительная группа молодежи, имеющая несвязанную с трудом, ориентацию. Согласно социологическим опросам, телентервью, не менее 10% молодых людей однозначно не стали бы работать, если бы были материально обеспечены. Подобный тип ориентации (тип рантье) достаточно равномерно представлен во всех трех возрастных подгруппах молодежи.

Одним из главных факторов, препятствующих интеграции молодежи в материальное производство, остаётся молодежная безработица. Её официальный уровень, хотя и стабилизировался в 1997-2000 годах, всё же остаётся высоким.

Именно молодежь является одним из основных потенциальных источников пополнения рядов безработных. Не менее четверти выпускников школ и вузов ниже среднего уровня оценивают свои возможности найти работу.

Политические ориентации. Аполитичность казахстанской молодежи – закономерный результат чрезмерной идеологизации воспитания прошлых лет. Тем не менее, необходимо учитывать, что если в стабильном обществе приоритеты частной жизни закономерны и естественны, то в ситуации системного кризиса, начального этапа посткризисного развития, социальная и политическая индифферентность молодежи – негативный фактор модернизации. Не менее тревожно и то, что в последние годы проявляется, пока слабо обозначенная, тенденция политизации отдельных немногочисленных групп молодежи, в форме религиозного экстремизма.

Для населения Казахстана характерен низкий уровень политизированности. По данным социологических опросов Института развития Казахстана и других социологических служб, казахстанцев волнуют прежде всего экономические и социальные проблемы. В первую пятерку входят следующие проблемы: 1. Инфляция и рост цен – 57,4%; 2. Задержки с выплатой зарплаты – 43,3%; 3. Воспитание детей – 36,8%; 4. Рост преступности – 36,2%; 5. Потеря работы – 32,1%.

Схожие результаты получены сотрудниками Министерства культуры, информации и общественного согласия РК в ходе опроса 2 тыс. респондентов в возрасте 15-29 лет весной 2000 года.

К числу приоритетных проблем молодежью отнесены проблемы выбора будущей специальности, трудоустройство по специальности, невозможность получения профессионального образования, отсутствие жилья, плохое здоровье.

Согласно данным социологического опроса, проведенного МКИОС, к числу наиболее значимых явлений, негативно влияющих на психологический дискомфорт, являются три группы факторов:

«1. Социально – экономического плана: имущественное расслоение (57,6%), безработица (45,2%), рост цен (42%).»

2. Национально-этнического плана: межнациональные отношения (54,2%), межродовые распри (55,2%)»

3. Правового плана: несоблюдение прав человека, беззаконие (53,8%), коррупция, злоупотребления в органах власти (44,8%)» (см.: Молодежь Казахстана 2000: положение тенденции перспективы /МКИОС РК, Агентства РК по статистике. – Астана, 2000. – С.15).

В 90-е годы наблюдалось снижение избирательной активности граждан Казахстана, что отражает процесс отчуждения граждан от политических процессов. Из всех возрастных групп наименьший интерес к парламентским выборам отмечен у молодежи. По данным Семипалатинского социологического центра накануне парламентских выборов 1999 года 10,2% респондентов ответили, что «никто из кандидатов им хорошо не известен». Показательно, что наименее информированной об избирательной кампании, кандидатах в депутаты и политических партиях, оказалась молодежь в возрасте 18-29 лет (13,3% от числа опрошенных).

III. Негативные тенденции в молодежной среде

Маргинализация. Позитивные тенденции в развитии казахстанской молодежи, требующие дальнейшего укрепления и развития – высокий по сравнению с другими возрастными группами социальный оптимизм (о чем свидетельствуют все социоло-

гические опросы населения), адаптированность к рыночной экономике, восприимчивость к новым идеям, новациям, нацеленность на получение качественного образования.

Наряду с позитивными, четко обозначились и негативные тенденции в развитии молодежи как социально-демографической группы. Наибольшую опасность представляет процесс маргинализации молодежи. Опыт большинства стран, осуществлявших модернизацию подтверждает мощное воздействие миграционных процессов на маргинализацию. Основные объекты маргинализации – сельские мигранты в городах и иммигранты. Во внутренней миграции поток «село-город» составляет 70% всех мигрантов (30% – миграция «село-село», «город-город»). Среди сельских мигрантов, переселившихся в города, преобладало казахское население. Большую часть мигрантов составила молодежь, более мобильная, чем представители старших возрастных групп и более ориентированная на городскую культуру, чем другие возрастные группы сельского населения.

Среди основных причин значительных масштабов миграций «село-город» отсутствие работы, низкая обеспеченность объектами социальной сферы в сельской местности.

Качество образования в сельских школах значительно ниже, чем городских.

Большая часть сельских мигрантов, наряду с большими возможностями получить работу, в качестве мотива миграции в город, выдвигают возможность получить самим и своим детям качественное образование.

В современном казахстанском обществе маргиналы составляют часть таких социальных групп как безработные, сельские мигранты в городе, иммигранты, беженцы, репатрианты, бомжи, нищие, беспризорные, наркоманы, криминалитет. Молодежь преобладает в составе всех перечисленных маргинальных групп.

Преступность. Маргинализация и преступность находятся в прямой и обратной связи. Рост маргинализации ведет к росту преступности и, наоборот, рост преступности, большей частью в опосредованной форме, способствует росту маргинализации.

Системообразующий для процессов маргинализации молодежи характер преступности обусловлен частичной криминализацией всех категорий маргиналов (безработных, сельских мигрантов в городе, легальных и нелегальных иммигрантов, космополитичной молодежи, бомжей, нищих, беспризорных детей, наркоманов, проституток), значительным потенциалом воздействия криминальной субкультуры на аморфную систему ценностей молодежи.

Преступность в молодежной среде приобрела значительные масштабы. Статистика отражает рост в 1990-1994 годах, и незначительное снижение во второй половине 90-х годов, общей численности зарегистрированных преступлений.

Таблица 9. Возрастная структура лиц, совершивших преступления* (тыс. человек)

	1995	1996	1997	1998	1999
Всего зарегистрировано преступлений	183,9	184,0	165,4	142,1	139,4
Всего лиц, совершивших преступления	111,2	116,7	97,5	89,3	97,5
В том числе в возрасте, лет					
14-17	8,9	8,4	6,9	7,0	7,5
18-29	49,7	51,7	44,0	43,8	47,2
30 и старше	51,7	55,1	45,8	38,5	42,8

* Источник: Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Стат. сб. – Алматы, 1999. – С. 36-37.

Все последние пять лет молодежь в возрасте 14-29 лет составляла свыше половины (52-56%) от числа всех лиц совершивших преступления. Причем особенно высокая преступность отмечена у молодежи 18-29 лет, на долю которой приходится около половины всех лиц, совершивших преступления.

Часть сельской молодежи в городе вовлекаются в такие криминальные сферы как кражи, грабежи, разбой, рэкет, контрабанда, нелегальное производство и оборот алкогольной продукции, фальсифицирован-

ных продуктов питания, наркобизнес, проституция. Подавляющее большинство преступных группировок сформированы из числа сельских мигрантов молодежного возраста. Ядро этих группировок часто составляют жители какого-либо одного определенного села.

Большая подверженность криминализации сельской молодежи переехавших в города, чем городской, обусловлена более низким уровнем образования, квалификации, слабой адаптированностью к урбанизированной среде, рыночным отношениям, отсутствием связей в новой социальной среде, необходимостью срочного изыскания постоянного, пусть и нелегального, источника доходов в связи с отсутствием жилья.

Влияние тоталитарных религиозных сект, религиозного экстремизма в молодежной среде. В исламе, как и в христианстве и других религиях следует выделять три уровня: *этический, идеологический и политический*. Этическая составляющая религии в ряде случаев может нести позитивный заряд для отдельных граждан (лиц подверженных наркозависимости, представителей ряда других маргинальных групп). В отношении политических форм религии целесообразно строгое следование законодательству, закрепляющему отделение церкви от государства, регламентирующему деятельность религиозных организаций.

Численность мечетей и медресе в Казахстане достигла «пороговых» значений с точки зрения, как потребностей населения, так и возможных негативных последствий трансформации общественного сознания, потенциального перераспределения влияния духовенства и власти. В южных регионах республики, – Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской, Алматинской, – степень влияния ислама стремительно возрастает. Религиозная ситуация в Южно-Казахстанской и Жамбылской областях сопоставима с ситуацией начала 90-х годов в Узбекистане. Выявлены многочисленные факты бурной деятельности незарегистрированных религиозных объединений, организованных, большей частью, зарубежными миссионерами.

В последнее время наблюдается повышение интереса молодежи к новым религиозным культам и движениям, преимуще-

ственно зарубежного происхождения. Не обладая устойчивой системой ценностей, молодежь часто подпадает под влияние деструктивных, тоталитарных сект.

Вне поля зрения государственных органов, общественных объединений, родителей оказались деятельность ряда сект, маскирующихся под философские общества и коммерческие организации. Для псевдофилософских обществ характерно строгая иерархия, подчинение рядовых членов вышестоящим, тщательно отработанная система пропаганды и вербовки, оккультизм, псевдонаучная терминология, воздействие на психику членов секты.

Схожую структуру имеют и ряд так называемых «косметических» фирм, признанных деструктивными сектами специалистами России, ряда других стран. Прибыль, практически, не имеет решающего значения в деятельности этих сект. Главное – привлечение всеми возможными способами как можно большего числа новых adeptов. Косметическому продукту придается магическое, сакральное значение.

Влияние известных сект на казахстанскую молодежь относительно незначительно. В секты же сайентологии и «косметические» вовлечены тысячи юношей и девушек во всех городах Казахстана. Большинство из них – безработные. В секты сайентологии и «косметические» секты городская молодежь устремляется в связи с «западным» и, следовательно «прогрессивным», с точки зрения вестернизированной молодежи, имиджем организации, эфемерными надеждами поправить свое материальное положение.

Наркомания, неадаптированность части молодежи к рыночной экономике, высокий уровень безработицы, фрустрация сознания и идейный вакуум, отсутствие четко обозначенных, сформированных жизненных позиций, деструктивное воздействие тоталитарных сект, обуславливают относительно высокий уровень суицидов в молодежной среде.

Несмотря на то, что для молодежи, по сравнению со старшими поколениями, традиционно характерен более высокий уровень оптимизма, число самоубийств составляет четверть от всех случаев суицида, то есть пропорционально удельному весу молодежи в составе населения (25,7%).

Таблица 10. Смертность населения от самоубийств по полу и возрасту, чел.*

	1995		1996		1997		1998	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего умерших	3927	801	4015	780	3902	764	3601	729
в т.ч. в возрасте:								
моложе 20	283	84	295	84	306	112	260	89
20-24	400	76	397	84	398	79	388	74
25-29	412	60	399	73	359	47	376	72
30-39	937	122	1006	110	955	151	799	126
40-49	786	112	872	120	844	113	791	104
50-59	611	128	578	118	546	82	480	94
60-69	344	95	325	99	357	78	348	65
70 и старше	133	123	124	89	116	99	142	105

* Источник: Данные Агентства РК по статистике.

Статистика свидетельствует, что юноши в 5-6 раз более подвержены суициду, чем девушки. Наименьшие показатели суицидов в «младшей» возрастной группе молодежи (до 20 лет). Это обусловлено тем, что в этом возрасте молодежь еще не испытывает груза проблем, связанных с самостоятельным жизнеобеспечением себя и своей семьи. В «средней» (20-24 лет) и «старшей» (25-29 лет) возрастных группах молодежи численность самоубийств возрастает в связи с:

- проблемами молодой семьи (низкие денежные доходы либо отсутствие работы, жилищная проблема);
- вступлением молодежи, подверженной наркомании в завершающий жизненный цикл (большинство наркоманов не доживают до 30-35 лет).

Высокий уровень безработицы, наркомании, суицидов в молодежной среде, диктует необходимость открытия в крупных городах Казахстана Центров адаптации молодежи с круглосуточно функционирующими телефонами доверия.

Выводы

Исходя из международной классификации, Казахстан находится на начальной стадии демографического старения. Демографические процессы последнего десятилетия свидетельствуют об обозначившихся тенденциях снижения в среднесрочной перспективе удельного веса молодежи в составе населения. Это обусловлено процессами урбанизации, сопровождающимися снижением рождаемости в городских семьях, низким уровнем брачности и рождаемости во

второй половине 80-х – 90-х годах. Другими факторами являются относительно высокий уровень смертности в «средней» (20-24 года) и «старшей» (25-29 лет) возрастных группах современной молодежи, низкая брачность и рождаемость у представителей этих возрастных групп, обусловленная безработицей в молодежной среде, жилищными проблемами.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе вероятно изменение этнического состава населения Казахстана за счет сокращения европейского и роста восточного населения (прежде всего узбеков, турков, азербайджанцев, уйгур), что может повлечь изменение социокультурного облика населения Казахстана, расширение возможностей влияния на Казахстан стран, являющихся исторической родиной соответствующих диаспор.

Сохраняющиеся масштабы миграции сельской молодежи в города оказывают негативное воздействие на социокультурный потенциал в крупных городах, давление на социальную инфраструктуру городов. При отсутствии механизмов адаптации сельской молодежи к городской жизни, значительная часть сельских мигрантов маргинализируется, вовлекается в криминальную сферу.

Наряду с маргинализацией, наиболее значимыми негативными тенденциями в молодежной среде являются криминализация, наркомания, аморфность политических взглядов, социальная индифферентность, подверженность влиянию тоталитарных сект.

Для молодежи Казахстана характерен больший, чем у других возрастных групп социальный оптимизм, обусловленный в

основном субъективными причинами – возрастными психологическими особенностями мировосприятия юношеского и молодежного возраста. К числу позитивных тенденций следует отнести и приверженность демократическим ценностям, свободной рыночной экономике, высокая по сравнению с другими возрастными группами способность адаптироваться к рыночной экономике, высоким технологиям, сохраняющийся у молодежи высокий престиж качественного высшего образования.

Назрела необходимость открытия Центров адаптации молодежи в крупных городах (осуществляющих терапию кризисных

состояний молодых людей и предупреждение девиантного поведения), организация государственных и частных служб занятости, специальных курсов подготовки и переподготовки специалистов.

В связи с проблемой преемственности поколений представляет интерес использование зарубежного опыта, традиций народов Казахстана, направленных на укрепление института семьи. Укрепление преемственности поколений, возрождение традиций уважения молодежи к родителям будет способствовать консолидации общества, развитию и укреплению казахстанского патриотизма.

ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА МОЛОДЕЖИ: ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КАЗАХСТАНЕ

Калашникова Н.П.

Молодежи в обществе принадлежало и принадлежит ключевое место. В Казахстане в последнее время идет обновление подходов к социальным проблемам молодежи, к исследованиям молодежной проблематики, подтверждением тому прошедшие в июне 2001 года парламентские слушания, разработка и принятие к рассмотрению Парламентом законов, способствующих созданию национальной правовой базы для молодежи.

Права молодежи, комплекс мер по социальной их защите, система профилактики и предупреждения преступности среди молодежи, признание их государственными структурами, институтами гражданского общества сегодня требуют принципиально новых подходов и конкретных решений в ряду приоритетных социальных задач.

Известно, что эффективная политика в интересах детей и подростков в каждой стране основывается на точном знании и понимании настоящего положения детей, их потребностей и способов их решения. Известно и то, что без создания постоянно действующих независимых механизмов защиты прав ребенка невозможно выполнение государством принятых международных обязательств.

Принятие Конвенции о правах ребенка (1990 г.) послужило серьезной заявкой в обеспечении защиты прав детей, где впервые ребенок был представлен и рассматривался не только как объект, требующий специальной защиты, но и как субъект права, которому необходим весь спектр прав человека. Согласно Международной Хартии Прозрачности ОБСЕ проблемы детей и подростков, по сути, отличаются от проблем взрослых и «необходимы отдельные механизмы, способные обеспечивать соблюдение прав и защиту их законных интересов» [1].

Казахстан, учитывая приоритет общепризнанных принципов международного права, 8 июня 1994 года ратифицировал Конвенцию о правах ребенка, тем самым принял на себя международные обязательства по приведению своего законодательства в соответствии с Конвенцией. Именно с целью выявления и решения проблем становления и развития подрастающего поколения предусматривается ювенальная юстиция, получившая развитие во многих европейских государствах. Как отмечено в Концепции государственной молодежной политики, утвержденной Распоряжением Президента Республики Казахстан, именно,

«В целях более эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних необходимо сформировать систему ювенальной юстиции (специализированных судов, мест отбывания наказания для несовершеннолетних и т.д.), аналогичную действующей в странах развитой демократии» [2]. Пока же существенного и концептуального развития эта новая самостоятельная подсистема общего правосудия не получила, хотя актуальность этого вопроса очевидна.

В настоящее время социальное и правовое положение несовершеннолетних, по мнению юристов, педагогов, психологов, политологов и ювенологов оценивается как критическое. Правовая социализация несовершеннолетних, на наш взгляд, должна стать более эффективной, если административные и педагогические усилия содействуют переходу из мира введений, предметов в пространство активных позитивных действий. С учетом сказанного можно сделать вывод, что система подходов к проблематике молодежи, и особенно несовершеннолетних подростков, наличие различных сфер и инфрасфер структур требует реформирования, так как происходит становление и развитие новой смены людей (молодежи). Одним из главных направлений совершенствования – создание специальных социальных служб по делам молодежи, проблемам несовершеннолетних, способных стать независимыми органами по защите прав молодых людей. Подтверждением актуальности этой идеи являются выступления на парламентских слушаниях по вопросу «Государственная молодежная политика в Республике Казахстан», проведенные Комитетом по социально-культурному развитию Мажлиса Парламента РК. Положителен и тот факт, что не только государственные чиновники ратуют за развитие молодежных институтов, способных обеспечить правовую и социальную защиту детей и подростков, но и сами представители различных молодежных объединений.

За период присоединения Казахстана к названной Конвенции сделано немало для разработки законодательных актов, касающихся социальной защиты детей и молодежи, охраняющих и реализующих их права в различных сферах общественной жизни. Права ребенка, семьи закреплены на конституционном уровне. В Казахстане они отра-

жены и в государственном, гражданском, семейном и других отраслях права. Вместе с тем, принятие различных программ и концепций порой не отвечает действительным нуждам молодежи, не подкрепляются конкретными правовыми и социально-экономическими условиями для реализации законных их интересов, которые признаны приоритетными большинством государств в области защиты прав. (Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике в Каз.ССР» от 28 июня 1991 г., Постановление Правительства Республики Казахстан «О Программе «Молодежь Казахстана» от 17 февраля 2001 г.)

Как было отмечено, в Казахстане общее число граждан в возрасте 15 – 29, признанное называться молодым поколением, – 3 787 700 человек, или 25,7% от общей численности населения. Считается именно к этой части населения страны необходимо самое пристальное внимание государства, так как прогноз демографического развития внутри молодежной среды показывает высокую вероятность дальнейшего обострения проблем, связанных с сохранением численности населения и особенно молодого поколения.

В Казахстане отмечается тенденция снижения рождаемости, при этом не уменьшается количество безнадзорных детей и случаев совершения ими правонарушений. Наибольший процент правонарушений приходится на подростков в возрасте от 15 – 18 лет (84,1%). Как показывают последние данные (исследование проходило с 24 октября по 16 декабря 2000 года) Ассоциации социологов и политологов Казахстана, реальные масштабы распространения поведенческого риска (табакокурения – 38,6%, систематическое употребление алкоголя – 33,6%, по данным опроса среди молодежи 9-10% имеют опыт употребления наркотиков, в среднем 25 процентов опрошенной молодежи 13 – 18 лет занимаются сексом) среди подростков слишком велики. Растет среди молодежи армия бездомных, безпризорных, безработных.

Бедственное положение несовершеннолетних в Казахстане еще больше усугубляется и ввиду того, что отечественное законодательство до настоящего времени в должной мере не гарантировало им надежную правовую защиту от жестокого обра-

щения взрослых: в семье, в воспитательных учреждениях, обществе. Недостаточно разработаны также правовые меры борьбы с детской проституцией, наркоманией, алкоголизмом. Не урегулированы правовые вопросы по передаче детей для проживания, воспитания и лечения в семьях иностранных граждан.

В этой связи более актуальной становится проблема создания в Казахстане ювенальной юстиции, обеспечивающей защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Для реализации этой задачи считается, что инициатором и идейным вдохновителем должен стать Совет по делам молодежи при Правительстве Республики Казахстан.

А для скорейшего решения данного вопроса в стране имеется достаточно правовых предпосылок. Это прежде всего действие Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», в котором законодательно закреплено создание специализированных судов, в том числе и для несовершеннолетних. Комплекс мер по работе с несовершеннолетними предусмотрен и в Программе «Молодежь Казахстана». Большие возможности по станов-

лению и развитию ювенальной службы в Казахстане открываются и в связи с принятием Закона «О ратификации Основного Соглашения между Правительством Республики Казахстан и ЮНИСЕФ», которым предусматривается сотрудничество с Детским Фондом ООН по специальному Проекту в области реформирования ювенального правосудия и защиты детей.

Ясно одно – становление и развитие ювенальной службы в Казахстане на должном уровне позволит более эффективно решать проблемы по защите прав, свобод и интересов детей и подростков, повысит ответственность государственных органов за воспитание молодежи, организацию отдыха и труда молодых людей, максимально сократит применение карательных мер в учреждениях проживания и воспитания детей, тем самым переключит свою деятельность на решение иных задач: развитие и финансирование социальных служб для молодежи, ее занятости, досуга и благосостояния. Все это позволит целенаправленнее проводить государственную политику в молодежной среде, сформировать принципиально новые подходы в патриотическом, нравственном и духовном воспитании молодежи.

Литература

1. Международная Хартия Прозрачности ОБСЕ.
2. Распоряжение Президента Республики Казахстан №73 от 28 августа 1999 г. «О концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан» САПП 1999 г. - № 43, ст. 387.
3. Актуальные проблемы обеспечения защиты детства в государствах Содружества // Вестник Межпарламентской Ассамблеи 1999 г. – № 1, С. 24.
4. Закон Республики Казахстан от 10 апреля 2001 №176 -П «О ратификации Основного Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Детским Фондом Организации Объединенных Наций».
5. Постановление Правительства РК от 17.02.2001 г. № 249 «О программе «Молодежь Казахстана» САПП 2001 г. – № 47, ст.74.

КАЗАХСТАНСКАЯ ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Тулепбаев М.К.

Пенсионное обеспечение призвано гарантировать экономическую безопасность граждан при наступлении пенсионного возраста (старости), инвалидности и потери кормильца.

Пенсионная реформа никогда не бывает легкой. Пенсии часто называют электрическим «третьим рельсом» в политике: коснись его, как провода, питающего поезда метро, – и ты погиб. В аспекте рассматриваемой проблемы нам представляются весьма аргументированными воззрения архитектора польских реформ Лешека Бальцеревича, изложенные им в книге «Социализм, капитализм, трансформация». Вот пример. К осени 1991 г. польская пенсионная система просто – напросто растаяла. Правительство Мазовецкого, отважно принявшееся стабилизировать экономику, дрогнуло, когда дело коснулось пенсий. Лишь печатный станок «выгацил» пенсионный фонд. В ноябре министр финансов Лешек Бальцеревич получил специальный кредит Центрального банка, который обеспечивал платежеспособность фонда в течение всего следующего года. Последовавшее в 1992 г. оздоровление экономики Польши улучшило общую ситуацию, но проведение пенсионной реформы – дело будущего. Бальцеревич как никто другой прекрасно осознает, что именно было упущено. «Уход от пенсионной реформы был крупнейшей моей ошибкой», – признает он.

По его мнению, результаты реформ зависят от оптимальности взаимодействия институтов (институциональных форм) и человеческого фактора. Западный опыт цивилизованного рынка опирался на систему базисных ценностей, которые складывались и шлифовались в течение весьма длительного времени, начиная с эпохи становления протестантской этики, как основы проанализированного Вебером «духа капитализма». Из сказанного можно сделать вывод, что для успеха реформ нужно, прежде всего, глубоко изучить менталитет соб-

ственного народа, а лишь затем устанавливать соответствующую ему (менталитету) систему законов, организаций и социальных механизмов.

Недоучет постсоветского (и иного) менталитета населения и продолжительности процесса формирования и поведения субъектов самым отрицательным образом сказывается на эффективности институциональных изменений. В Казахстане индивидуализм в системе ценностей не занимает того приоритетного положения как на Западе. Здесь большее значение имеют традиции коллективной жизнедеятельности, предполагающие объединение людей общей целью и общим делом, исходя не из принуждения, а из внутренних побуждений.

В советское время черты общинной жизни были сохранены в сознании казахстанского народа за счет создания трудовых коллективов, которые выполняли не только производственные, но и социальные функции: совместный отдых, взаимопомощь, соучастие, социальное обслуживание и др., служащие своеобразным самозащитным механизмом для индивидов. Традиции общинной жизни породили и уравнительно – распределительное понимание социальной справедливости, возведенное затем в идеал коммунистической идеологии.

Формирование цивилизованного пенсионного обеспечения требует реформирования некоторых наших традиционных ценностей. Иной вопрос, что возможно (и нужно) и что невозможно осуществить в реальности. В любом случае институциональные изменения должны учитывать казахстанский менталитет и наоборот. Воспитание традиций следования законам, ответственности (как альтернативы патернализма), инициативы и предприимчивости, привычки к повседневной, регулярной, кропотливой работе требует много времени и сил.

В большинстве развитых стран мира пенсионное обеспечение осуществляется из трех источников: государственными пенси-

онными системами (в рамках социального страхования), пенсионными фондами и, наконец, страховыми компаниями и иными финансовыми организациями. Государственные системы пенсионного обеспечения обслуживают все население страны или только государственных служащих, вооруженные силы, а иногда и персонал железных дорог. Во многих странах основными институтами, обеспечивающими пенсиями по старости, являются пенсионные фонды персонала предприятий, фирм, профессиональных союзов и международных организаций. Такие фонды обычно называют частными или производственными. Страховые компании в качестве одного из видов своей деятельности также занимаются индивидуальным и групповым страхованием пенсий.

Все многообразие видов страхового обеспечения пенсиями можно условно разделить на три направления:

1) индивидуальное страхование пенсий – клиент покупает (страхует) пенсию обусловленного размера;

2) клиент накапливает средства, а пенсия адекватна накопленной сумме;

3) групповое страхование – пенсия всех участников адекватна общей сумме взносов.

Негосударственный пенсионный фонд (НПФ) – организация, занимающаяся разноплановой деятельностью, которая заключается в аккумулировании денежных средств и их использовании для выплат пенсий и пособий вкладчикам/получателям. Каждый НПФ работает согласно собственным правилам и является самостоятельной юридической системой пенсионного обеспечения населения. Пенсионный фонд не отвечает по обязательствам учреждений, при которых он создан и персонал которых обслуживает. Однако правила пенсионного фонда могут содержать положения, согласно которым учредившая его организация обязана погасить или по крайней мере сократить текущий дефицит фонда. В основу преобладающего большинства пенсионных фондов положен принцип полного самофинансирования пенсии.

Участником пенсионного фонда является сотрудник, занятый на постоянной, а иногда и временной работе в организации, на которую распространяется деятельность фонда. Отдельное лицо может последовательно участвовать в нескольких пенсион-

ных фондах – вместе со сменой работы меняется и фонд. Соответственно, в каждом фонде это лицо обеспечивает себя некоторой пенсией.

Деятельность пенсионного фонда можно представить как своеобразный инвестиционный процесс. Рассмотрим абстрактный случай, когда фонд создается для одного человека. Этот процесс четко распадается на два этапа. На первом – путем периодических взносов создается резерв (фонд), причем накопление средств происходит ускоренно, так как полученные деньги инвестируются для получения доходов. На втором (отдача от инвестиций) – средства расходуются на выплату пенсий. Теоретически к концу жизни пенсионера созданный резерв должен быть исчерпан. Сказанное иллюстрирует сущность страхования пенсий. В силу различной продолжительности жизни точного баланса взносов и выплат для отдельного участника (вкладчика) достичь нельзя. Только у группы людей одного возраста и пола наблюдаются приближения к этому балансу.

Оба вида обеспечения пенсиями – в производственном пенсионном фонде и при индивидуальном страховании пенсий используют страховые принципы, правда, разной степени. Однако между ними имеются различия. Наиболее важное из них заключается в том, что в пенсионных фондах, созданных при отдельных компаниях и учреждениях, обычно нет предпринимательской прибыли. Получаемый от инвестиций свободных средств доход, как правило, в основной своей массе предназначается участникам (вкладчикам). При страховании пенсий в страховых организациях предусматривается некоторый предпринимательский доход, который поступает в распоряжение компании. Такое положение может наблюдаться и в страховых пенсионных фондах.

Можно отметить и ряд других отличий, например, в производственном негосударственном пенсионном фонде нет жесткой связи между величиной пенсионного обеспечения и суммой взносов. Уровень пенсий здесь, как правило, зависит от стажа и средней заработной платы. При индивидуальном страховании пенсий уровень взносов определяется размером страхуемой пенсии и не связан с уровнем получаемой заработной платы. Альтернативой является расчет

размера пенсии по сумме накоплений (пенсии за выслугу лет). Сумма пенсии может быть любой в рамках, определяемых правилами страхования.

Ускоренное развитие производственных пенсионных фондов, наблюдающееся в последнее время за рубежом, объясняется рядом факторов. Прежде всего можно выделить факторы, стимулирующие участие в НПФ персонала соответствующих компаний и предприятий. Основным таким фактором, по-видимому, является частичное (а иногда и полное) финансирование пенсии работодателем. В связи с чем пенсия обходится участнику фонда заметно дешевле по сравнению с полным финансированием пенсии собственными взносами путем индивидуального страхования пенсии. Иначе говоря, участие в негосударственном пенсионном фонде равнозначно получению скрытой дополнительной заработной платы. Условие наличия пенсионного фонда – важный момент при выборе места работы. Отсутствие пенсионного фонда рассматривается как серьезный отрицательный фактор.

Что касается предпринимателя, то создание и участие в финансировании пенсионного фонда позволяет сократить текучесть кадров со всеми вытекающими последствиями, в частности – уменьшить расходы на подготовку персонала. Существует еще один привлекательный для работодателя фактор – возможность собственного кредитования из резерва, накопленного в пенсионном фонде, в том числе и в виде продажи собственных акций.

Следует также остановиться на той роли, которую фонды играют в современной финансовой системе развитых стран. Пенсионные фонды аккумулируют огромные денежные средства, которые обычно инвестируются в ценные бумаги. Поскольку ценные бумаги приобретаются пенсионными фондами с долговременной целью, то эти активы изымаются из текущего оборота и в основной своей массе не участвуют в биржевой игре, иными словами, инвестиции пенсионных фондов являются своеобразным стабилизатором финансовой системы страны.

Между тем, оба альтернативных вида негосударственных пенсионных фондов, о которых шла речь, представляют интерес для

страховых, производственных и профессиональных организаций в Казахстане. Однако для практики более важными являются страховые пенсионные фонды, хотя бы потому, что их создание и обеспечение нормальной работы представляется в текущих условиях более простым и связанным с меньшей неопределенностью и риском, чем создание и поддержка производственных фондов.

Казахстанская реформа системы пенсионного обеспечения, основанная на переходе от солидарной пенсионной системы к накопительной, была обусловлена требованиями рыночной экономики и стремлением заложить основы благосостояния населения. Попытки сослаться на примеры стран Латинской Америки (в том числе Чили), как на модели, которым должен следовать Казахстан, не состоятельны. Казахстан как демократическое государство не может, да и нет необходимости точно копировать «чилийскую» реформу. Условия проведения казахстанской и чилийской пенсионных реформ во многом схожи, но имеется целый ряд существенных отличий. К схожим условиям относятся страховая природа пенсий в рамках не реформированных систем, высокий уровень расходов на выплату пенсий и обеспечение финансовой сбалансированности солидарной пенсионной системы, а также бесперспективность попыток улучшения последней. Наиболее существенные различия включают: пенсионная реформа была начата в период военной диктатуры Пиночета; пенсионное обеспечение Чили при введении накопительных систем не было зрелым. Значительные слои экономически активного населения и, в первую очередь, крестьянство не было охвачено пенсионным обеспечением. Вследствие этого государственные гарантии по страхованию приобретенных пенсионных прав обошлись государству значительно дешевле. Решению этой задачи, безусловно, способствовало относительно незначительное число пенсионеров: один пенсионер в стране приходился на 12 работающих. Ведущий американский специалист в области социального обеспечения профессор Р. Майерс проведенную пенсионную реформу в Чили в целом одобрил, но только применительно к чилийским условиям («для США она была бы ужасной»), отметив, что радикальный переход к новой системе «был бы невозможен без военной

диктатуры». (Myers R.J/ Within the System: My Half Century in Social Security. Winsted, 1992, p. 29).

Особенность Казахстанской реформы заключается в том, что накопительная система вводится не в качестве дополнительного, а основного элемента нового негосударственного пенсионного обеспечения. Три основные силы определяют направление движения реформы. Первая – ответ на насыщенный спрос на государственные пенсии. В результате реформы меняется способ финансирования пенсий. Как только люди осознают, что не могут более полагаться на финансируемую государством систему социального обеспечения, они наращивают личные сбережения. Вторая сила происходит из необходимости сохранить и увеличить в условиях инфляции сбережения граждан путем создания частных пенсионных фондов. Когда такие фонды создаются, внутренние сбережения страны мобилизуются и направляются в конкретные сферы экономики, что приводит в действие третью силу, суть которой – острая необходимость преобразования рынков капитала и банковских систем с тем, чтобы капитал, аккумулированный в пенсионных фондах, мог быть эффективно инвестирован. В этом аспекте стратегические государственные интересы в процессе реформы системы пенсионного обеспечения можно подразделить на три крупных блока – это социальные, экономические и геополитические интересы.

С целью решения социальных проблем государству необходимо в процессе реформы вовлечь человека в накопление пенсионных активов. Подобная переориентация поставила перед государством новые задачи пенсионного обеспечения: создать в ближайшей перспективе контролируемую, устойчивую, надежную, управляемую, социально справедливую и достаточно гибкую систему негосударственного (частного) пенсионного обеспечения. При новой пенсионной системе каждый работник в течение трудовой деятельности вносит взносы в один из накопительных пенсионных фондов, средства которых длительное время используются для инвестирования в экономику, а после прекращения трудовой деятельности идут на его личное пенсионное обеспечение. Их можно рассматривать как одну из форм сбережений, но особого рода. Аккумуляция

финансовых ресурсов в накопительных пенсионных фондах и их расходование на выплату пенсий осуществляются по установленным государством тарифам и нормативам. Управление финансовыми ресурсами этих фондов также происходит в соответствии с законодательством.

Экономические проблемы государства связаны с затруднением изыскать средства на покрытие огромных затрат по выполнению своих пенсионных обязательств состоявшимся пенсионерам. Кроме того, с затратами сопряженными рисками пенсионных планов, связанные с уровнем смертности, политикой инвестирования пенсионных активов, колебанием процентной ставки, уровнем инфляции и др.. Так, одно из основных противоречий реформы пенсионной системы – это двойное бремя, которое ложится как на работающих, так и на работодателей: обеспечить сегодняшних пенсионеров и позаботиться о собственном будущем. В условиях роста экономики эта задача выполнима. В условиях нестабильных экономик как государственная, так и частная система переживает соответствующие противоречия. Поэтому как выход из положения на переходный период новая пенсионная система совмещает одновременно два метода финансирования: *солидарную* – для состоявшихся пенсионеров и *накопительную* на личных счетах – для будущих пенсионеров. С разделением функционального обслуживания различных категорий пенсионных рисков, который позволит максимально учитывать как уровень трудовых доходов работника, так и срок трудовой деятельности, ограничивая обязательства государства по отношению к высокооплачиваемым и занятым на рабочих местах с особыми условиями труда работникам, но ни в коем случае не дискриминируя интересов этой категории занятых.

Геополитические интересы государства в настоящее время заключаются в сохранении и преумножении национальной собственности, создание внутреннего крупного капитала, способного и готового к инвестированию внутри страны. Создание же пенсионной системы страны, построенной по принципу накопления, позволяет государству решить хотя бы частично геополитическую проблему, связанную с созданием крупных внутренних интересов в национальной экономике. В мировой практике

роль таких интересов могут выполнять финансовые институты, однако, наиболее крупными среди всех являются институты, занимающиеся пенсионным обеспечением, в связи с безальтернативным и долгосрочным характером обязательств.

Результаты трехлетнего реформирования отечественной пенсионной системы подтверждают состоятельность накопительной системы. Процесс формирования отечественной модели пенсионного обеспечения, определения места и роли различных правовых институтов, фиксации поля их правового применения только начался. Требуется углубленной разработки теоретические и практические вопросы создания механизма управления негосударственными накопительными пенсионными фондами, совершенствования организационной структуры, прогнозирования развития пенсионной системы на перспективу.

Что касается финансовых показателей деятельности накопительной пенсионной системы, то они выглядят весьма впечатляющими, как и темпы их роста на протяжении трех лет. По статистическим данным [3, с. 23] на 1 января 2001 г. в стране:

- функционирует государственный и 15 негосударственных накопительных пенсионных фондов, 7 компаний по управлению пенсионными активами, 9 банков-когдадианов;

- общая численность вкладчиков составляет 3 715 536 человек, из которых 1 811 991 человек, или 48,77% - вкладчики государственного накопительного пенсионного фонда;

- общая сумма чистых пенсионных активов (сумма пенсионных активов за вычетом обязательств по численному комиссионным вознаграждениям, кредиторской задолженности по пенсионным выплатам) составила 112 млрд. 649,4 млн. тенге (это около \$ 777 млн), из которых 43,86 млрд. тенге, или 39%, - пенсионные активы ГНПФ. Всего за 2000 год рост чистых пенсионных активов в тенговом выражении составил 74,6% (на начало 2000 г. активы составили 64 млрд. 501,6 млн. тенге, или 466,6 млн. долларов);

- из 112,65 млрд. тенге проинвестировано 96%;

- общий начисленный инвестиционный доход составил 35,98 млрд. тенге, или 31,9% от всей суммы пенсионных активов;

- номинальная доходность пенсионных активов накопительных пенсионных фондов в течение 2000 года была выше темпов инфляции, девальвации и средневзвешенных ставок по депозитам в тенге в банках второго уровня;

- пенсионные выплаты, включая перевод из одного пенсионного фонда в другой, составили 22 млрд. тенге;

- средняя сумма пенсионных накоплений на одного вкладчика составила 33 860 тенге. При этом средняя сумма пенсионных накоплений одного вкладчика ГНПФ составила 24 203 тенге, а у вкладчика негосударственных НПФ намного больше - 43 517 тенге.

Если сравнить с итогами второго года реформы, то положительные тенденции весьма заметны. Пенсионные активы по сравнению с 1999 г. удвоились. Количество вкладчиков возросло на 721 тысячу. Средняя сумма накоплений на одного вкладчика негосударственных пенсионных фондов возросла на Т15 410, а для вкладчиков ГНПФ - на Т 4248. («Панорама» № 3, 2001 г.) Полученный инвестиционный доход во всей накопительной пенсионной системе возрос по сравнению с 1999 г. почти в три раза [1, с.27].

Важной функцией накопительных пенсионных фондов является инвестиционная деятельность. С момента реформирования пенсионной системы, то есть с 1998 г. предполагалось, что активы пенсионных фондов будут одной из составляющих процессов реформы рынков капитала Республики Казахстан. Двумя другими неотъемлемыми процессами стратегии экономического развития Казахстана должны стать развитие рынка ценных бумаг и приватизация. Планировалось, что активы частных пенсионных фондов будут стимулировать развитие рынка ценных корпоративных бумаг.

Однако по результатам первого года пенсионной реформы 99,3% активов были вложены в те или иные государственные ценные бумаги, а именно: еврооблигации - 15,53%, в кратко-, средне- и долгосрочные ценные бумаги Министерства финансов - 81,78%, ноты Национального банка - 2%. То есть, фактически активы накопительных пенсионных фондов были лишены возможности диверсификации рисков в различных секторах финансовых рынков, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Пенсионные активы инвестировались в государственные ценные бумаги, номинированные в тенге. Кроме того, других направлений для инвестиций пенсионных фондов просто не было. Покупать же ценные бумаги более надежных правительств других стран и солидных западных компаний им было запрещено, фондовый рынок в стране отсутствовал.

Апрель 1999 года стал «переломным» этапом на финансовом рынке Казахстана. Впервые введенные специальные валютные облигации имеют номинальную стоимость в \$100 и эмитируются Минфином. Пенсионные активы, инвестированные в государственные ценные бумаги, проконвертированы в пятилетние специальные валютные гособлигации Минфина (АВМЕКАМ) по курсу Т88,3 за доллар с доходностью 6,14% годовых в валюте. Тенговые ноты Нацбанка заменены 35-дневными валютными нотами с доходностью 5,4% годовых.

В свое время я писал [2, с.100] и это подтверждается, если бы ГЦБ номинированные в долларах были с доходностью не 6,14%, а не менее 8-10% годовых, то их появление на внутреннем рынке сопровождалось бы высоким спросом, а также разумным компромиссом между сохранностью и использованием вкладов для стимулирования внутреннего экономического роста. При этом резко ограничилось бы дальнейшее размещение активов пенсионных фондов в еврооблигациях. Проблема в том, что инвестиции от выпущенных еврооблигаций государство уже получило, и в настоящее время фонды покупают только те бумаги, которые западные инвесторы продают на вторичном рынке. Понятно, что внутренний капитал уходит за рубеж, вместо того чтобы активно приобретать ГЦБ.

В отсутствие эффективно работающих рынков капитала развитие пенсионных фондов - дело непростое. Одним из выходов может быть разрешение им вкладывать средства за рубежом, однако большинство исполнителей побаивается этого. Еще один способ помочь системе эффективно развиваться - ограничить большую часть инвестиций пенсионных фондов государственными облигациями и разрешить использование небольшой части своих средств для вложения в более рискованные предприятия. И, наконец, государство может (а возможно, и

должно) дать возможность выбора и разрешив более высокую степень риска для пенсионных фондов, что считается нормой в экономиках более развитых стран. (В Венгрии пенсионным фондам разрешено инвестировать в акции местных компаний до 30% средств пенсионных фондов). Конечно, тут можно пойти слишком далеко. Но если компании конкурируют за получение пенсионного капитала, это лишь подстегнет развитие рынков капитала и постепенно приведет к росту предложения относительно надежных инвестиций. Конкуренция между пенсионными фондами - это основа как для увеличения доходов фондов, так и для усиления подотчетности их руководителей. Считающиеся практически безрисковыми долговые обязательства лучших национальных производителей могли бы стать прекрасной отправной точкой. Между тем в течение еще некоторого времени рост доходов пенсионных фондов, видимо, не будет демонстрировать те же тенденции, что и рост экономики.

Третий год пенсионного реформирования был довольно благоприятной для конъюнктуры финансового рынка пенсионных фондов. Пенсионные активы инвестированы на сумму 108099,2 млн. тенге, в том числе за 2000 год - 56 674,1 млн. тенге. На рынке ценных бумаг из обращения вышли АВМЕКАМ-60. Министерство финансов РК в мае 2000 года предложило конвертацию специальных валютных государственных облигаций Республики Казахстан (АВМЕКАМ) на номинированные в долларах США Ноты Республики Казахстан с фиксированной ставкой со сроком погашения в 2007 году (еврооблигации-07). Данный вид ГЦБ был выпущен с целью освобождения накопительных пенсионных фондов от неликвидных и низкодоходных ценных бумаг - АВМЕКАМ-60, большей частью которых владел государственный накопительный пенсионный фонд. АВМЕКАМ-60, номинальной стоимостью 100 долларов, Минфин обменял на еврооблигации-07 по дисконтированной цене 90,58 долларов за каждую бумагу. Купонная ставка еврооблигаций-07 составляет 11,123%, что в 1,8 раза выше, чем по АВМЕКАМ-60 [3, с.23].

И все же, стартовавшая 1-го января 1998 года пенсионная реформа в Казахстане не обеспечивает человека финансовой независи-

мостью, которая только усиливается в условиях нестабильной социально-экономической обстановки. Совершенно очевидно, что действующая ныне система пенсионного обеспечения в полной мере не удовлетворяет пенсионеров из-за явно низкого уровня пенсии. Парадокс, у нас около 1,9 млн. пенсионеров по возрасту, а трудозанятого населения – 4,2 млн. человек, за каждого из которых работодатели отчисляют ежемесячно 15% от фонда оплаты труда. Если пенсионеров меньше, значит, платить цивилизованный размер пенсии на уровне 60–80% средней заработной платы имеются все возможности. Ведь кроме того, существуют трансфертные поступления и другие пути оптимизации комплекса источников финансирования пенсии, т.е. без участия бюджета.

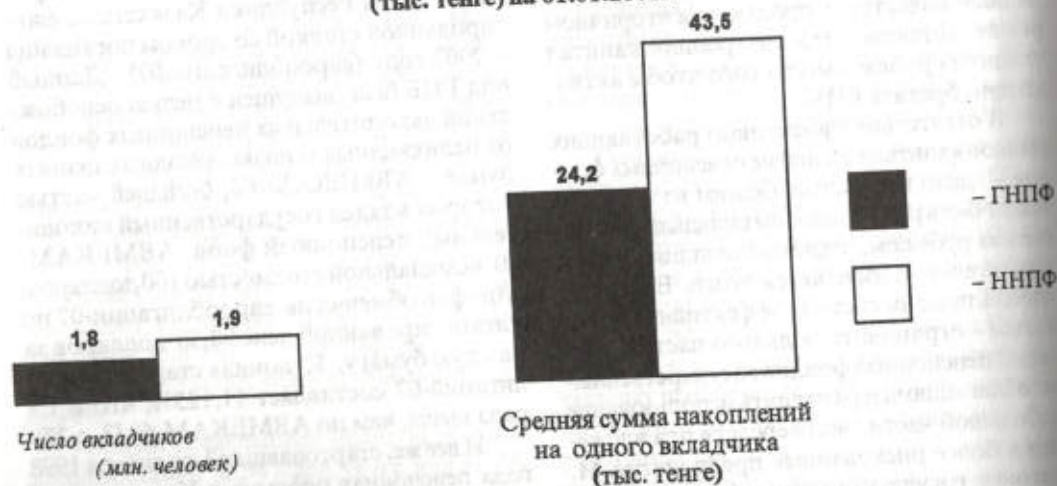
К сожалению, действующая пенсионная реформа в Казахстане не подкреплена должными научными обоснованиями и, по существу, сводится к организации персонализированного учета. Проводимый накопительный механизм при всех благих намерениях и аргументах ведет к обратному – дезинтеграционному – социально-экономическому и политическому эффекту. За 3,5 года формирование пенсионного обеспечения проявляется только сбором обязательных пенсионных отчислений. К тому же, накопительные пенсионные фонды не собирают пенсионные взносы, исходя из принципа эквивалентности обязательств. Так, в пенсионные фонды по указанию Правительства перечисляют 10% от дохода (если зарплата

выдается) без всяких актуарных расчетов. Эти деньги инвестируются, 90% инвестиционного дохода поступает на индивидуальный пенсионный счет вкладчика, а 10% – на нужды фонда. К настоящему времени в этом заключается вся пенсионная деятельность государственного и 15 негосударственных пенсионных фондов. Получились паевые инвестиционные фонды, а не социальное обеспечение. Возникает закономерный вопрос: зачем создавать накопительные пенсионные фонды, ведь можно использовать банковские депозиты как источник для получения процентов на вложенные средства?

Такая практика, с нашей точки зрения, преследует в первую очередь достижение финансовых целей и затем – социальных. Пенсионное обеспечение из области социальной защиты трансформируется в финансово-кредитную сферу. Безусловно, накопление на личных счетах, без тарифных ставок, рассчитанных актуарными методами, – это уже не пенсионная система, а финансовая, подобно сбережениям в банках.

По вине исполнителей пенсионная реформа не эффективна, так за 1998–2000 годы охвачено всего 3,7 млн. работающих, т.е. около 80% от трудозанятых лиц заключили пенсионные договора. И это несмотря на то, что в стране введено обязательное (принудительное) участие в пенсионном обеспечении. В то же время из 3,7 млн. людей, заключивших пенсионные договора, недоимки составляют 17 млрд. тенге (было больше) с начала пенсионной реформы.

Средняя сумма накоплений на одного вкладчика (тыс. тенге) на 01.01.2001г.

Сейчас общая сумма чистых пенсионных активов составляет около \$ 900 млн. Считаю, что этот показатель должен быть намного выше. Ведь сумма внутренних сбережений невероятно велика: по данным официальных источников, на руках у населения имеется до 2 млрд. долларов США и порядка 3 млрд. долларов США размещены на счетах иностранных банков. Подобным сбережением гордилась бы любая восточноазиатская экономика. Однако сектор частного пенсионного обеспечения настолько не развит, что вопрос должен сводиться не к тому, наступят ли перемены, а к тому, когда они наступят. Сегодня частных пенсионных фондов, эффективно управляющих персональными пенсионными сбережениями, практически не существует.

В стране много людей, имеющих свыше 20 лет трудового стажа, но являющихся безработными уже 5–8 лет, и в ближайшие годы у них наступит пенсионный возраст. Этот контингент, очевидно, будет проявлять социальное недовольство, а бюджет страны «получит» дополнительную нагрузку.

Примерно после 2004г., когда закончится благоприятный для пенсионного обеспечения демографический период, связанный с выходом на пенсию относительно малочисленных поколений, родившихся во время второй мировой войны, тогда увеличится нагрузка на бюджет.

С другой стороны за эти годы мы искусственно приостановили выход на пенсию, подняв возрастную планку. Очевидно, со второй половины 2001г. число пенсионеров заметно возрастет. И вновь увеличится нагрузка на бюджет.

В настоящее время ни в одном пенсионном договоре не указывается финансовое обязательство самого фонда. Вкладчик не знает, какой размер пенсии или процент заработной платы он будет получать при выходе на пенсию, за исключением того, что «размер пенсии зависит от величины накопленных сумм», и то не в письменном виде. К тому же, при заключении пенсионных договоров вкладчику письменно не гарантируется годовой минимальный прирост средств, который может исчисляться в привязке к ставке Национального банка Республики Казахстан, ставкам МБК или начисляемый процент не может быть ниже 3,5,7 процентов.

И здесь возникает вопрос о необходимости существования государственного накопительного пенсионного фонда (ГНПФ) в рамках накопительной системы, так как создание этого пенсионного фонда является методической ошибкой разработчиков пенсионной реформы [4, с.17].

Это искусственное формирование тянет вниз все дело пенсионной реформы. Прежде всего ГНПФ на рынке пенсионных услуг вкладчику приносит меньшую доходность, чем ННПФ (рисунки внизу).

Как видно на рисунке, число вкладчиков в государственном и в негосударственных накопительных пенсионных фондах почти равны. При этом существенное отличие мы видим в том, что средняя сумма накоплений на одного вкладчика в Государственном накопительном пенсионном фонде в 1,8 раза меньше, чем в негосударственных накопительных пенсионных фондах. Эти сведения дают ответ на вопрос о том, в какой пенсионный фонд лучше платить пенсионные взносы: в государственный или негосударственный. Цифры доходности говорят сами за себя.

Кстати, возникает вопрос – сохранение государственной гарантии для вкладчиков ГНПФ. Этот вопрос наиважнейший, поскольку это единственный фактор, за которым стоит государство, как полноправный участник пенсионной реформы. Если при всех минусах государственного пенсионного фонда, его вкладчик будет иметь дополнительные государственные гарантии, к примеру, обязательства ГНПФ перед вкладчиками будут являться государственными обязательствами, то это будет уже являться не обязательством юридического лица, а государственным обязательством. Иначе говоря, обязательства ГНПФ перед вкладчиками так и остаются государственной функцией с соответствующей нагрузкой на бюджет. Тогда исчезает всякий смысл проводимой пенсионной реформы.

Позиция автора по данному вопросу такова, существующий государственный накопительный пенсионный фонд реорганизовать в «Негосударственный пенсионный фонд бюджетных работников». Необходимо создать единую «табель о рангах», в которую входили бы все «бюджетники»: президент, министры, парламентарии, врачи, учителя, журналисты, работники на-

уки и обороны и т.д. Соответственно и пенсионная система будет единой, исчезнет нынешняя отдельная система для так называемых «государственных служащих».

Термины, понятия, методы организации ННПФ как финансовых институтов, используемые в практике развитых стран (эквивалентность пенсионных взносов и выплат, увязка уровней получаемой пенсии и пенсионных тарифов, пенсионные схемы, актуарные расчеты, выкупная сумма и т.д.), для нас все еще остаются отвлеченными категориями. Таким образом, для формирования и совершенствования ННПФ предстоит найти правовые формы, организационные и экономические механизмы, обеспечивающие реализацию важнейших принципов накопительной пенсионной системы.

Полагаю, что конкретные пенсионные проблемы невозможно решить в рамках пенсионной системы. Нужна общая политическая воля Президента, Правительства, сенаторов, мажилисменов и т.д. Необходимо создать самостоятельный «департамент» или «комитет» по пенсионному обеспечению населения страны, подотчетный только Президенту Республики Казахстан, что соответствует международной практике. Важно, чтобы этот орган не подчинялся Правительству РК, потому что у правительства множество забот по бюджету.

Новое законодательство должно способствовать самостоятельной деятельности ННПФ. Для этого необходимо организовать «единую пенсионную службу». На наш взгляд, «единая пенсионная служба» означает, что в структуре ННПФ объединяются все функции по пенсионному обеспечению от сбора, аккумуляции пенсионных взносов, финансирования пенсионных средств до их расходования – назначения (перерасчета), выплаты и доставки пенсий.

Весьма необходимо и обязательное участие государства в форме социальных трансфертов из государственного и местного бюджетов. Особенно это касается доходов нетрудового характера и в первую очередь природной и монопольной ренты. Принцип социальной справедливости требует, чтобы эти виды доходов принадлежали обществу в целом и направлялись прежде всего на обеспечение тех, кто еще или уже не способен трудиться.

Против нашей позиции могут возражать: время упущено, большая часть производственных фондов уже приватизирована. Это не совсем верно, поскольку процесс приватизации пока не завершен. Вместе с тем существует еще одна возможность, также продиктованная казахстанской спецификой. Предприятия по добыче природных ресурсов и их первичной переработке имеют очень высокую доходность, причем в современных условиях почти весь этот сверхдоход – рента достается руководству соответствующих предприятий.

Казахстан – страна, в которой доля рента (нетрудовых) доходов всегда была достаточно велика. Ныне она непрерывно растет по причине деградации обрабатывающей промышленности. Поэтому часть доходов от природных ресурсов Казахстана можно было бы направить на решение социальных задач, включая и пенсионное обеспечение. Однако в нашей стране эти средства идут не на помощь больным, детям, старикам, а присваиваются достаточно молодыми, здоровыми людьми, способными получать хорошие доходы от собственного труда.

Такое положение можно изменить, поскольку земля и недра по-прежнему формально являются государственной собственностью. Необходимо разработать механизмы изъятия ренты в распоряжение общества (например, в форме арендной платы) и распределения соответствующих доходов на социальные нужды. Однако «приватизаторы», в первую очередь, захватили самые «лакомые», рентабельные ресурсы – газ, нефть, металлы и т.п., а также естественные и «нестественные» монополии. Именно это и позволяет им наживать миллиардные состояния на нетрудовом доходе – ренте.

В опубликованной Концепции социальной защиты, в части наступления старости, стратегической политикой является «... будут совершенствоваться параметры солидарной пенсионной системы». Я приветствую эту стратегию, так как в Казахстане недопустимо проводить пенсионную реформу по дифференциации пенсий без солидарной системы с помощью только механизма индивидуального накопления. Понятно, что граждане с высокими доходами могут обойтись и без нее. Для лиц же с низкими и средними доходами, да еще подверженных риску стать безработными или нетрудоспособными за

счет своих доходов старость не обеспечить. Лица с низкими доходами составляют почти 60% численности всех пенсионеров. Проводимая же пенсионная реформа не предусматривает практически никакого солидарного перераспределения финансов пенсионной системы для будущих пенсионеров.

Вариант реформирования пенсионной системы РК с опорой на использование лишь одного – накопительного – механизма существенно сужает возможности проведения реформ и представляется довольно рискованным мероприятием. Среди них – трудности с распоряжением достаточным объемом сбережений, слабость мелких и средних предприятий в том, чтобы взять на себя часть пенсионного финансирования, низкая фискальная мотивация, недостаточная разработанность юридических норм и т.д. – все это порождает ситуацию, когда накопительная пенсионная система становится непривлекательной, а перспективы ее краткосрочного и среднесрочного расширения ограничены.

При разработке стратегических направлений пенсионных преобразований не просчитывались их социальные последствия, чтобы смягчить неблагоприятное воздействие реформы на жизненный уровень населения и создать предпосылки для адаптации населения к рыночным условиям. Положенные в основу пенсионной реформы монетаристские постулаты, предусматривают достаточно узкий и ограниченный набор мероприятий по обеспечению пенсией наиболее уязвимых слоев населения, а остальные воп-

росы, мол, должен автоматически решать рынок. Между тем, даже незначительные просчеты, сбои и неувязки в осуществлении программных намерений относительно пенсионной реформы чреваты серьезными отрицательными результатами с последующей дискредитацией в глазах населения накопительного механизма.

Пенсионное обеспечение населения и его эффективность – важные составляющие экономического и социального положения страны. Наиболее эффективным путем решения данной проблемы является рационализация и оптимизация действующей пенсионной реформы, разработка пенсионной технологии, адекватная новым финансово-правовым отношениям единства самоответственности и солидарной взаимопомощи, с помощью единого механизма учета индивидуального и солидарного пенсионного счета в негосударственных пенсионных фондах.

Необходимо помнить, что пенсионное обеспечение является областью наиболее активного политического противоборства, при котором используются общедоступные понятия и аргументы, система должна гибко реагировать на новые требования, предъявляемые к ней изменениями в жизнедеятельности общества, с обязательной гарантией надежности финансирования и ее сбалансированности. В Казахстане перспективы пенсионной реформы самые многообещающие, однако, проблемы, которые предстоит решить казахстанскому правительству, потребуют колоссальных усилий.

Литература

1. Алибаев А. Три года пенсионной реформы // АльПари. – 2000. – № 5. – с. 26-28.
2. Тулепбаев К. Новые инвестиционные инструменты для пенсионных активов // Транзитная экономика. – 1999. – № 3. – с. 96-102.
3. Умбетов А. О деятельности накопительных пенсионных фондов в Казахстане (по состоянию на 1 января 2001 года) // Труд в Казахстане. – 2001. – № 3. – с. 22-25.
4. Тулепбаев К., Тулепбаев М. Закон принят. Вопросы остались // Рынок ценных бумаг Казахстана. – 1997. – № 11. – с. 17-19.

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАЗАХСТАНА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЕ

(начало статьи)

Топливо-энергетический комплекс является основой экономики и жизнеобеспечения любого государства, поэтому его нормальное функционирование – одно из необходимых условий устойчивого развития страны. Однако в настоящее время в ТЭК Казахстана складывается тяжелая ситуация. Так, если в СССР энергетика по темпам опережала развитие других отраслей экономики (было развернуто строительство самых мощных в мире гидроэнергетических объектов, сформировалась широко разветвленная система трубопроводного транспорта, создана Единая электроэнергетическая система), то сейчас приходится констатировать, что мощный топливо-энергетический комплекс в результате непродуманных «реформ» деградирует и разрушается. В отраслях ТЭКа происходят негативные изменения: рост экспорта сырой нефти сопровождается падением производства нефтепродуктов, запасы вырабатываются, а новые месторождения практически не разведываются; мощности изнашиваются и выбывают. Спад производства вызвал уменьшение потребления топливо-энергетических ресурсов, снижение емкости внутреннего электроэнергетического рынка, сокращение численности производственного персонала. Например, на предприятиях только угольной промышленности страны численность персонала в 2000 г. (составлявшая 20,4 тыс. человек, или 3,3% от общей численности занятых в промышленности) по сравнению с 1990 г. сократилась в 3,9 раза. Из всех составляющих ТЭКа наиболее опасное положение складывается в электроэнергетике: за годы независимости емкость внутреннего электроэнергетического рынка снизилась на 45%. Отключения электроэнергии в последнее время происходят практически повсеместно, вне зависимости от регионов. Здесь нужны кардинальные меры, иначе эта отрасль окажется серьезным тормозом восстановления экономики. В связи с этим важнейшими задачами обеспечения энергетической безопасности Казахстана являются:

• укрепление роли государства в топливо-энергетических отраслях с целью

создания условий для надежного функционирования ТЭК и гарантированного энергоснабжения потребителей;

• обеспечение текущих и перспективных потребностей в топливо-энергетических ресурсах (ТЭР);

• обеспечение необходимых соотношений энергетических мощностей и их резервов в отраслевом и региональном распределении;

• соблюдение требований технологической и экологической безопасности в сфере производства и потребления топливо-энергетических ресурсов.

Угроза энергетической безопасности республики может быть вызвана различными причинами. В частности:

• дискриминационными действиями зарубежных стран по отношению к Казахстану на международных рынках энергоресурсов и технологий;

• резким падением цен на мировых энергетических рынках;

• зависимостью энергообеспечения приграничных регионов Казахстана от зарубежных государств;

• ограничениями по транспортировке экспортируемых из республики энергоресурсов, блокированием нефте- и газопроводов на территориях транзитных государств, несанкционированным отбором ими казахстанских энергоресурсов и т.д.

Все вышесказанное говорит о чрезвычайной важности анализа состояния топливо-энергетического комплекса республики.

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Несмотря на то, что Казахстан обладает всеми видами первичных энергетических ресурсов, в структуре потребления энергии в республике сохраняется преобладание угля (60,9%). Доля потребления нефти и газа составляет 23% и 15% соответственно. Причем, после приобретения независимости, потребление газа в Казахстане стало уменьшаться в среднем на 8% в год и в настоящее время уровень его потребления сократился почти

Смирнов С.Л.

в 2 раза по сравнению с дореформенным периодом. Вместе с тем, в Казахстане запасы разрабатываемых и подготовленных к разработке 202 месторождений составляют 3 млрд. тонн нефти, включая газовый конденсат, и 2 трлн. м³ газа, но основной ресурсной базой электроэнергетики республики в настоящее время продолжает оставаться уголь, причем 90% тепловых электростанций работают на угле Экибастуза. Это и обусловило не только самообеспеченность электроэнергией Северного и Центрального регионов республики, но и ее избыток в них. Однако следует отметить, что к настоящему времени ГАО «Экибастуэкомир» полностью приватизирован различными иностранными компаниями по разрезам, ПО «Карагандашахтауголь» выкуплен АО «ИспатКармет» за \$199 млн. В частности, американская компания Access Industries через свое дочернее предприятие ТОО «Богатырь Аксес Комир» владеет крупнейшим угольным разрезом Богатырь, а также совместно с РАО «ЕЭС России» управляет угольным разрезом «Северный», РАО «ЕЭС России» владеет полями № 9 и 10 разреза «Богатырь» Экибастузского угольного бассейна.

Западный Казахстан, хотя и является основной нефтегазовой провинцией страны (здесь сосредоточено 98% запасов углеводородного сырья страны), преимущественно получает электроэнергию из прилегающих областей России. Южный регион, не располагая собственными освоенными первичными энергетическими ресурсами, ориентирован на привозной уголь, импортируемый газ. В целом для Казахстана характерна крайне неравномерная концентрация топливо-энергетических ресурсов.

Общий экономический кризис затронул все отрасли экономики республики, в том числе и энергетику. Производство электроэнергии стабильно уменьшалось – с 87 379,2

млн. кВт.-ч в 1990 г. до 77 444,3 млн. в 1993 г., до 66 397,4 млн. в 1994 г., до 59 038,0 млн. в 1996 г. и достигнув 51 984,0 млн. кВт.-ч в 1997 г. стабилизировалось примерно на этом уровне в 1998-2000 гг. [1, С.74-75]. В целом за период независимого развития Казахстана производство электроэнергии снизилось на 40,5%. В настоящее время более половины установленной мощности электростанций выработали расчетный ресурс и физический износ оборудования на них составляет более 70%.

Добыча угля также стабильно уменьшалась со 131 443 тыс. тонн в 1990 г. до 111 880 тыс. в 1993 г., до 83 355 тыс. в 1995 г. и до 72 647 тыс. тонн в 1997 г. В 1999 г. было произведено всего 58377 тыс. тонн, но в 2000 г. добыча угля несколько увеличилась и достигла 74790 тыс. тонн [1, С.72-73]. Вместе с тем, мощности 45 занимающихся добычей угля предприятий были загружены на 62,9%, степень износа основных средств этих предприятий составила 56,2%. [2, С.86], уровень рентабельности с 23,1% в 1990 г., пройдя пик в 43,1% в 1996 г., достиг отрицательной величины в 3,3% в 2000 г., удельный вес инвестиций в отрасль по отношению к общему объему инвестиций в промышленность хронически снижается (с 8,7% в 1990 г. до 1,4% в 2000 г.) [2, С.89], растет травматизм на предприятиях.

Таким образом, несмотря на то, что республика, располагая разведанными запасами угля в 34,1 млрд. тонн при прогнозных 89,8 млрд. тонн, входит в 10-ку крупнейших его производителей на мировом рынке (3,6% мировых запасов и около 2% мировой добычи), за прошедшее 10-летие добыча угля в Казахстане сократилась почти вдвое. И это при том, что в стране 70% ТЭС работают на угле и лишь 15% – на газо-мазутном топливе (доля ГЭС в структуре электроэнергетики республики составляет всего около 15%). В отрасли произошли структурные изменения в потреб-

Таблица 1. Динамика производства энергоносителей в Казахстане

Производство	1990	1992	1994	1996	1998	1999	2000
Угля млн. тонн	131,4	126,5	104,6	76,8	69,8	58,4	74,8
Нефти, млн. тонн	21,7	21,9	18,5	21,1	23,8	26,7	30,6
Газа-конденсата, млн. тонн	4,1	3,9	1,7	1,9	2,1	3,4	4,7
Газа природного, млрд. м ³	7,1	8,1	4,5	6,5	7,9	9,9	11,5
Электрической энергии, млн. кВт/ч	87379	82701	66397	59038	49145	47498	51444
Тепловой энергии, млн. Гкал	125,97	124814	97648	76577	66893	63321	61756

Источники: Статобзорение Казахстана, № 2, 2001, - С. 72-75, - Алматы, 2001.

лении различных видов энергоносителей, обусловленные в основном ростом тарифов и цен на топливно-энергетические ресурсы. Так, в декабре 2000 г. относительно декабря 1999 г. они увеличились на 33,8%, в том числе цена добычи природного газа – на 63,5%, нефти – на 56,8%. В то же время цена добычи угля снизилась на 5,8% [3], но возросли расходы на его транспортировку. Значительный рост цен на природный газ и общий дефицит привел к отказу от использования сжиженного газа на транспорте и вынудил многих потребителей перейти на мазут, ранее рассматривавшийся как резервное топливо.

В сфере подготовки минерально-сырьевой базы нефтяной отрасли в республике складывается негативная ситуация, обусловленная хроническим сокращением объемов разведочного бурения и геофизических работ. В последние годы по сравнению с 1991 г. объем разработки месторождений Казахстана, вследствие больших отклонений применяемых технологий от проектных решений, характеризуется снижением коэффициентов фондоотдачи: около 27% против 39%. Отсутствует должный контроль над эффективным использованием средств, выделяемых на геологоразведочные работы, и выполнением и без того скромных планов их проведения.

Следует отметить увеличение экспорта Казахстана энергоресурсов в Россию в 2000 г.: в стоимостном выражении, по сравнению с предыдущим годом, он возрос в 2,7 раза. В том числе, экспорт нефти в натуральном исчислении вырос в 1,5 раза; газового конденсата – в 2,1 раза; каменного угля – в 1,7 раза. Вместе с тем, в 1,9 раза увеличился импорт энергоресурсов из России: природного газа, электроэнергии, нефтепродуктов (в 2,2 раза) и пр. [4].

Казахстан относится к государствам, которые, обладая стратегическими запаса-

сами углеводородов, способны оказывать влияние на формирование мирового рынка энергоресурсов. В настоящее время республика располагает разведанными запасами нефти и газового конденсата в размере 2,9 млрд. тонн при прогнозных запасах порядка 8 млрд. тонн. Разведанные запасы газа составляют 2,5 трлн. м³. Более того, бурение консорциума ОКЮС показало: кашаганская нефть по своей структуре подобна тенгизской и потому ожидается, что объемы газа составят 30-70 млрд. м³ в год. В последние 10-летия отмечается рост доли природного газа на мировом рынке энергоносителей (достигшей в настоящее время 20%). Согласно прогнозам к середине этого века она составит 55-60%.

Показатели разведанных запасов по 203 открытым месторождениям составляют:

	Геологические	Извлекаемые
Природного газа	1,9 трлн. м ³	
Газового конденсата	944 млн. тонн	688 млн. тонн

В настоящее время, по данным НКК «Казахойл», в республике разрабатывается 77 месторождений. Наиболее крупными из них являются такие как Тенгиз, Карачаганак, Кенбай, Жанажол, Жетыбай, Каламкас, Узень, Кумколь, Каражанбас:

	Геологические	Извлекаемые
Природного газа	1,4 трлн. м ³	
Газового конденсата	881 млн. тонн	650 млн. тонн

К сожалению, поскольку попутный газ в республике до сих пор рассматривается лишь как сопутствующий компонент нефти, то каждый год нефтедобывающие предприятия сжигают в факелах более 10 млрд. м³ газа, что равно ежегодной потребности в нем Казахстана. В частности, только Харрикейн Кумколь Мунай, ведущий работы в Южном Казахстане, в этом году планирует добыть 2,5 млн. тонн нефти и 177 млн. м³ попутного газа, из которых лишь 50 млн. м³ используется на собственные нужды, а остальное будет сожжено в факелах. Такое «факельное» использование попутного газа добывающие

компании объясняют тем, что проблемы его утилизации связаны с необходимостью создания сопутствующей инфраструктуры, включающей газоперерабатывающие комплексы и многокилометровую сеть трубопроводов для доставки газа потребителям. Поскольку ее создание обойдется более чем в \$1 млрд., то добывающие компании предпочитают заниматься производством и сбытом нефти, а не газа. Безусловно, в отличие от природного, попутный газ нельзя считать экспортным ресурсом, поскольку затраты на его очистку и транспортировку делают экспорт экономически нецелесообразным. Утилизация попутного газа – внутренняя экономическая проблема, решение которой лежит в вертикальной интеграции нефтегазодобычи и нефтехимии, с одной стороны, нефтегазодобычи и электроэнергетики – с другой. Вместе с тем, низкая платежеспособность казахстанских потребителей не позволяет сбытовым организациям закупать «голубое топливо» в объемах, адекватных потенциальному спросу. В итоге, при наличии богатейших запасов газа, в республике газифицировано (и то не полностью) лишь 8 областей, остальные – зависят от экибастузского и карагандинского угля и электроэнергии, а также от Узбекистана и России. Испытывая хронический дефицит природного газа, страна постоянно закупает голубое топливо в соседних государствах (в 2000 г. покупки природного газа обошлись в \$119,9 млн. [5]).

До 1997 г. по магистральному газопроводу «Средняя Азия – Центр» осуществлялся транзит туркменского и узбекского газа в Россию. Газ, получаемый Казахстаном за осуществление транзита, потреблялся южными областями республики, но из-за неплатежей Туркменистан периодически прекращает поставки газа Украине и России с соответствующими последствиями для Казахстана. Особенно сильно дефицит газа сказывается на Южном регионе страны: если в советское время там потреблялось до 6 млрд. м³ газа, то сейчас в 5 раз меньше. И это при том, что регион имеет свое (расположенное на севере Жамбылской области) Амангельдинское газовое месторождение (АГМ). Хотя месторождение было открыто еще в 60-е годы,

оно до сих пор остается малоизученным и потому экспертные оценки общих запасов этой структуры значительно различаются: от 13 до 45 млрд. м³. Если действительно АГМ обладает такими значительными запасами, то его освоение позволит не только ослабить социальную напряженность в регионе, улучшив условия жизни населения, но решит проблему электроснабжения региона. Дешевый газ даст возможность не только запустить простаивающую несколько лет Жамбылскую ГРЭС и прекратить импорт электроэнергии из Киргизии, но и обеспечить избыток генерирующих мощностей.

В целях повышения уровня национальной безопасности следует реализовывать стратегию, направленную на самообеспечение республики энергоресурсами. Так, реконструкция существующего газопровода позволит осуществить импорт туркменского газа в республику и, таким образом, снизить зависимость от поставок газа из Узбекистана. Вместе с тем, учитывая, что доля запасов урана в Казахстане составляет почти треть мировых объемов, а республика имеет развитую урановую промышленность, необходимо тщательно изучить возможность и целесообразность ориентации на ядерную энергетику: УМЗ является крупнейшим в мире производителем таблетированного ядерного топлива для АЭС.

Следует особо отметить, что для казахстанской промышленности характерны энергоемкие технологии: в общереспубликанском энергобалансе более 65% электроэнергии потребляется промышленностью, около 12% населением, по 10% социальной сферой и сельским хозяйством. Анализ свидетельствует о высокой энергоемкости ВВП, которая в Казахстане в 2-2,5 раза превышает этот показатель в развитых странах.

Кроме того, следует учитывать, что большие доходы от экспорта сырьевых и энергетических ресурсов могут стать основной причиной замедления экономического роста: поступающая в страну валюта, оказывая давление на валютный курс, вызывает снижение конкурентоспособности прежде всего обрабатывающей промышленности и всей остальной неэкспортной экономики Казахстана.

Таблица 2. Сравнительный расход энергоресурсов на производство некоторых видов продукции

Производство	Расход энергии на 1 тонну, кВт/ч	
	США	Казахстан
1. Добыча медной руды	3883,3	11875,5
2. Выплавка меди	491,7	2754,0
3. Электролиз меди	300,0	600,0
4. Глинозем	240,0	670,0
5. Прокат черных металлов	123,0	190,0
6. Сталь	152,0	650,0
7. Чугун	240,0	670,0

Источники: Давильбекова Ж.Х. Промышленность Казахстана: опыт, проблемы, прогноз. - Алматы. 1999. - С. 178-179.

Поток же нефтедолларов будет нарастать, так как нефтяные компании продолжают наращивать добычу, и этот прирост, естественно, идет на экспорт. Хотя, безусловно, экспортные возможности республики ограничены как техническими возможностями, так и конкуренцией со стороны зарубежных производителей нефти, прежде всего стран ОПЕК. Однако инфляция и одновременное укрепление национальной валюты – это симптомы болезни, источником которой служит рента, а запускающим механизмом – приватизация последней. Государственная форма присвоения ренты обладает стойким иммунитетом к пресловутой «голландской болезни». Это видно не только на примере стран с социалистической экономикой (СССР, Китай), но и Норвегии, в которой рента за природные ресурсы практически полностью изымается через государственную нефтяную компанию непосредственно в государственный фонд. Поэтому у Центрального Банка Норвегии отсутствуют причины для чрезмерного укрепления кроны и не стоит проблема их печатания для выкупа нефтедолларов. Таким образом, единственным эффективным методом лечения «голландской болезни» является максимальное изъятие государством природной ренты по праву собственника недр.

ВНУТРЕННИЙ РЫНОК НЕФТЕПРОДУКТОВ

В настоящее время, после значительного спада производства в нефтяном комплексе Казахстана в течение 1992-1995 гг.,

многие объекты нуждаются в ремонте. Кроме того, из-за отсутствия средств и слабого притока внешних инвестиций, повышение нефтеотдачи и освоение мелких и средних месторождений, требующих крупных инвестиций и дорогостоящего оборудования, не происходит.

Высокие мировые цены на нефть и проводимая в республике налоговая политика сделали поставку сырой нефти на отечественные НПЗ нерентабельной. В результате на них идет хроническое снижение объемов переработки нефти, усугубляемая к тому же и безнадежно устаревшими технологиями. В свою очередь низкая загруженность казахстанских заводов увеличивает удельные затраты на переработку. Все это приводит к тому, что стоимость переработки нефти достигает 30% от стоимости конечного продукта (за рубежом эти затраты вдвое меньше). Динамика добычи и переработки нефти (табл. 3) говорит о закреплении тенденции: рост добычи нефти обратно пропорционален ее переработке. Правда, итоги прошлого года и 5 месяцев текущего года (переработано 3125,5 тыс. тонн нефти, что на 16,2% больше аналогичного периода 2000 г.) свидетельствуют о некоторых изменениях в лучшую сторону (см. Таблицу 3).

Однако, в условиях, когда нефть в первую очередь поставляется за рубеж (в стоимостном выражении в товарном составе экспорта республики почти половина - \$4,5 млрд. – приходится на долю нефти и газового конденсата) и лишь затем на внутренний рынок, возникает явная угроза и эко-

наблюдается устойчивый рост добычи углеводородов, обусловленный интенсивной разработкой крупных месторождений. В то же время на состояние инфраструктуры это пока мало влияет:

Таблица 3. Динамика добычи и переработки нефти в РК, тыс. тонн

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Добыча нефти и газ.конд.	22930	22910	20312	20632	22960	25775	25927	30040	35270
Переработка	16865	14777	11774	10854	11125	8859	8521	5861	6369
ПНПЗ	6434	5171	3285	3001	2923	1609	2193	688	1128
ШНОС	6031	4947	3704	3609	3743	3475	3628	3383	3050
АНПЗ	4400	4659	4785	4244	4459	3775	2700	1790	2191

номической, и оборонной безопасности: в сравнении с 1991 годом снабжение нефтепродуктами армии, поставка их аграрному сектору, другим потребителям уменьшилась в несколько раз.

Избегая затрагивать интересы действующих в республике иностранных нефтяных компаний, правительство пытается найти выход из сложившейся ситуации путем организации широкого импорта нефтепродуктов. Так, в 2000 г. нефтепродуктов было закуплено на \$253 млн. (экспортировано на сумму \$101 млн.) [5]. В текущем году, по данным Таможенного комитета РК, только в январе было импортировано 20 тыс. тонн бензина. При этом импортеры (в отличие от отечественных производителей) не оплачивают акцизных сборов и других платежей в бюджет, что ведет к неконкурентоспособности продукции отечественных НПЗ на внутреннем рынке. Следует отметить, что при использовании импортного топлива нельзя исключить манипуляций с ценами и их диктат. Кроме того, в последние годы значительно возрос объем ввозимых бензиновых фракций: ежемесячно 10-15 тыс. тонн, что составляет не менее 50-60% от общего объема официального импорта ав-

тобензинов. Поскольку потребности предприятий республики, использующих бензиновые фракции в технологических процессах незначительны, то, очевидно, что эти фракции, после «облагораживания» различными присадками и добавками, реализуются как товарные автомобильные бензины (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Импорт бензина и дизельного топлива

Страна	Бензин	Диз.топливо
	доля, %	доля, %
Страны СНГ, в т.ч.	79,0	67,0
Азербайджан	11,6	-
Беларусь	0,2	-
Россия	64,2	29,4
Узбекистан	3,0	40,4
Туркменистан	-	2,3
Остальные страны мира, в т.ч.	21,0	33,0
Великобритания	0,8	-
Китай	9,1	-
Литва	1,0	-
Финляндия	10,1	32,7
Нидерланды	-	0,3
Итого	100,0	100,0

В республике действуют три НПЗ с суммарной проектной мощностью 18,5 млн. тонн в год и глубиной переработки от 56 до 76%.

ОАО «Шымкентнефтеоргсинтез». Построен в 1985 г. с мощностью по переработке 6 млн. тонн нефти в год. В 1995 г. была произведена частичная модернизация производства, в частности, запущена установка каталитического крекинга, позволившая увеличить выход светлых нефтепродуктов. В 1997 г. введена в строй установка переработ-

ки газового конденсата мощностью 500 тыс. тонн в год. С весны 2000 г. 88,37% акций предприятия принадлежит канадской компании *Hutchinson Hydrocarbons*. Основные выпускаемые нефтепродукты: автобензины, дизтопливо, мазут, авиакеросин. При средней загрузке около 50% от проектной мощности доля продукции завода на рынке нефтепродуктов республики в прошлом году составляла по бензину 63%, по дизтопливу 53%, по мазуту 61%.

Атырауский НПЗ. Завод построен в 1945 г. и его мощности рассчитаны на неглубокую (58%) переработку 4,5 млн. тонн нефти в год. В настоящее время технологическое оборудование практически полностью изношено и требуются значительные средства на реконструкцию. Контрольный пакет (86%) акций принадлежит НКК «Казахойл». Единственный по сути завод в республике, перерабатывающий нефть с месторождений Западного Казахстана. Основная продукция: бензины А-76 и Аи-93, дизтопливо, авиакеросин, около половины всей перерабатываемой нефти превращается в мазут. В мае текущего года между ЗАО НКК «Казах-ойл» и японской компанией «Марубени Корпорейшн» подписано соглашение о разработке технического проекта реконструкции завода, после завершения которого предполагается подписание контракта на реконструкцию АНПЗ. Реконструкция позволит увеличить производство автобензинов и керосина в 2 раза, зимнего дизтоплива в 1,7 раза, довести глубину переработки нефти до 82%.

Павлодарский НПЗ. Производительность построенного в 1978 г. предприятия – 7,5 млн. тонн нефти в год при глубине переработки 83%. По уровню используемых технологий и оборудования самый современный завод в республике. В марте 1997 г. был передан на 5 лет в концессию оффшорной компании «CCL Oil Ltd». Однако плавание под звездно-полосатым флагом не привело предприятие к обещанному CCL Oil успеху и в июле 2000 г. из-за неисполнения компанией своих обязательств контракт был расторгнут, а госпакет акций (87,9%) завода передан во временное управление Министерству энергетики, индустрии и торговли РК, затем АО «Мангистаумунайгаз», принадлежащему компании *Central Asia Petroleum Ltd.* входящей в индонезийскую группу *Medco Energy Corporation*. В последние 2 года загрузка составляет около 10% мощности, поскольку завод в реальности может работать либо на западно-сибирской, либо за счет обратной прокачки кумкольской нефти. Специалистами ПНПЗ разработана новая

технология получения качественного дизельного топлива и битума из южно-казахстанской нефти.

Для обеспечения внутренних потребностей республики нефтепродуктами отечественного производства необходима загрузка отечественных НПЗ в объеме не менее 10 млн. тонн в год (пока загрузка их мощностей не превышает 55%). В перечень приоритетных проектов республики в свое время был включен ряд объектов, строительство которых предполагалось завершить до 2000 г.: Карачаганакский комплекс, Жанажольский НГПЗ, реконструкция Атырауского НПЗ, строительство Мангистауского НПЗ и др. Однако эти проекты так и остались не реализованными.

Политика разгосударствления не дала положительных результатов в нефтегазовой отрасли: конкуренция есть, а удовлетворения потребности в нефтепродуктах и конкурентоспособности на внешних рынках нет. В целом в отрасли сложилась такая ситуация: НПЗ принадлежат одним, нефтедобывающие предприятия – другим, а реализацией занимаются третьи. В данных обстоятельствах положительный эффект дало бы создание нескольких вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). Следует также сократить бюджетные платежи от производства нефтепродуктов, компенсировав их за счет увеличения прямых платежей в бюджет нефтедобывающими (налог на прибыль, налог на дивиденды, НДС, налог на сверхприбыль), но в основе всего должен лежать особый статус рынка нефтепродуктов, так как от его состояния зависит нормальное функционирование всех сфер экономики.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Обращает на себя внимание практическое отсутствие государственного регулирования оборота нефтепродуктов на территории Казахстана и слабая защищенность интересов сырьевых территорий налоговым законодательством, приводящая к ущемлению прав регионов и порождающая несбалансированность налоговой системы в целом. В частности, это выражается в различных налоговых нагрузках на предприятия нефтеперерабатывающей промышленности, ориентиро-

ванной промышленности, ориентированных на внутренний рынок, которые испытывают налоговую нагрузку (т.е. отношение платежей в бюджет к объему реализованной продукции) 25-30%, в то время как организации, занимающиеся розничной торговлей нефтепродуктами – 15-20%.

Еще более резкие перепады налоговой нагрузки наблюдаются у нефтедобывающих предприятий, что во многом объясняется, по-видимому, теми уступками и льготами, которых инвесторы добиваются в контрактах с правительством.

Таблица 5. Коэффициент налоговой нагрузки предприятий нефтегазовой промышленности, %

	1998 г.	2000 г.
Тенгизшевройл	8	4
Казахойл	6	30
Харрикейн Кумколь мунай	16	36
Мангистаумунайгаз	50	5
Интергаз-Центральная Азия	11	50

Проводимая в настоящее время налоговая политика, возлагая всю ответственность за уплату акциза на бензин и дизельное топливо на отечественные НПЗ, позволяет реализовывать контрабандную продукцию через АЗС и уводить ее от контроля. Негативную роль сыграла и отмена института лицензирования деятельности АЗС и сейчас отследить, где АЗС покупают бензин, по каким ценам, в каком объеме фактически невозможно. Это привело к тому, что теневой оборот нефтепродуктов на рынке республики по различным данным достигает 50–60%, тогда как в развитых странах он не превышает 10%. Перенос части акциза на бензин и дизельное топливо с НПЗ на розничную торговлю позволит производителям снизить отпускные цены на нефтепродукты. Следует отметить, что никакая программа госрегулирования оборота нефтепродуктов не даст положительного результата, если НПЗ будут в единственном числе нести ответственность за уплату акциза на нефтепродукты, а владельцы автозаправочных станций реализовывать контрабандный продукт. Кроме того, применяемый порядок взимания ак-

цизов на нефть имеет ряд существенных недостатков, в частности, ставки устанавливаются в целом по нефтедобывающим предприятиям, дифференциация осуществляется по неясным критериям и слабо учитывает условия освоения конкретных месторождений и стадии их разработки. К тому же акцизы на нефть в полном объеме поступают в республиканский бюджет и регионы не участвуют в распределении ренты через этот канал.

СОСТОЯНИЕ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА

Следует отметить, что в Республике Казахстан существуют лишь отдельные, зачастую технологически не связанные между собой, предприятия по добыче и переработке нефти. Удаленность основных районов потребления нефтепродуктов от районов производства нефти, создает существенные проблемы в самообеспечении экономики страны топливными ресур-

сами. Практическое отсутствие нефтяного и газового машиностроения, а также производственной инфраструктуры значительно осложняет решение стоящих перед республикой задач по достижению энергетической независимости, а значит и обеспечения экономической безопасности. Кроме того, наряду с отсутствием технических возможностей для свободного экспорта нефти, у нас не развита и внутренняя инфраструктура (практически отсутствуют транспортные трубопроводные связи между районами добычи и переработки нефти). Это сдерживает развитие нефтегазовой отрасли. Без решения этих проблем довести объем добычи в 120 млн. тонн в год к 2010 году и решить проблему обеспеченности внутреннего рынка нефтепродуктами вряд ли возможно.

Сложившиеся на сегодняшний день практика взаимоотношения нефтегазовой отрасли с бюджетом (рост акцизов, увеличивающаяся пеня на невыплаченную задолженность и т.п.) не позволяют предприятиям инвестировать средства на развитие и модернизацию производства. В частности, это является одной из причин снижения объемов перерабатываемой не-

фти. Сегодня в Казахстане перерабатывается около 20% от всего объема добываемой нефти, в то время как, например, в России при уровне годовой добычи около 300 млн. тонн объем переработки составляет почти 60%.

Наличие существенного разрыва между сырьевой базой и созданными мощностями нефтеперерабатывающей, газодобывающей, химической и нефтехимической промышленности ставит Казахстан в исключительно высокую зависимость от внешних поставок продукции нефтепереработки и нефтехимического сырья, что, безусловно, несет угрозу его экономической безопасности. Так, из-за незавершенности технологического цикла имеющийся ресурсный потенциал используется крайне неэффективно (отсутствуют современные мощности по выпуску реактивного топлива, не налажено производство масел, продуктов оргсинтеза), а глубина переработки нефти на отечественных НПЗ не достигает даже 70% против более 90% в мире. Кроме того, экономический рост вызовет и рост потребления нефти внутри республики до 15-18 млн. тонн в год, что при существующих перерабатывающих мощностях и постоянных конфликтах вокруг трех имеющихся в республике НПЗ маловероятно. Следовательно, возникнет острая необходимость в увеличении объемов импорта нефтепродуктов.

Поэтому неотложными задачами должны стать увязка добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья, а также реконструкция существующих и строительство еще 2-3 НПЗ (полностью находящихся в собственности республики) с целью увеличения мощностей переработки нефти, насыщения внутреннего рынка нефтепродуктами и последующего их экспорта: углубленная переработка углеводородов позволит дополнительно получать \$70-90 на тонну нефти. Следует отметить, что существующие мощности используются далеко не полностью. В частности, на Тенгизском месторождении еще с советских времен работает ГНПЗ, имеющий три комплексные технологические линии (суммарной мощностью переработки 4,5 млрд. кубометров попутного газа), каждая из которых позволяет ежегодно выделять по 90 тыс.

тонн сжиженного пропана. Однако, СП «Тенгизшевройл», которому передано это производство, за 2000 г. выработало его всего 36,9 тыс. тонн, т.е. мощности по пропану используются менее чем на 1/7, большая же часть попутного газа продолжает сжигаться в факелах.

Еще более неотложной задачей является реформирование способов и методов контроля за всеми добывающими компаниями, поскольку запутанность и непрозрачность систем контроля за нефтегазовым сектором в Казахстане, ставя под угрозу его энергетическую безопасность, ежегодно обходится стране потерей сотен миллионов долларов. В этой связи ЗАО «Национальная компания «Транспорт нефти и газа» (созданное в начале мая 2001 г. на основе 100% пакета акций ЗАО «НКТН «Казтрансойл», ЗАО «Казтрансгаз», ОАО «Международный аэропорт Атырау», ОАО «Вертолетная компания «Евро-Азия Эйр», 99% ЗАО «Мунай-Импекс», 90% акций «Казтрансвязь» и «Актюбнефтьсвязь», 50% акций Национальной морской судоходной компании «Казмортрансфлот») позволит поставить под контроль государства основные нефтегазовые потоки, поскольку эта Национальная компания будет участвовать во всех внутренних и международных проектах Казахстана по транспортировке углеводородного сырья, а основными видами ее деятельности станет маркетинг по вопросам реализации, транспортировки нефти и газа, эксплуатации трубопроводов, организации финансирования и разработки ТЭО.

Вместе с тем, как известно, проекты, связанные с экспортом углеводородов, весьма капиталоемки, причем средства в таких случаях «омертвляются» на длительные сроки. Понятно, что и обязательства, которые берутся перед иностранными кредиторами на их поставки, также долгосрочны и в случаях резких изменений обстоятельств не могут быть пересмотрены. Поэтому внешнеэкономическая конъюнктура не может выступать фактором экономической безопасности страны. Цены на основные экспортные позиции Казахстана (в основном углеводородное сырье) на мировых товарных рынках начинают постепенно снижаться.

Так, в ближайшие два года прогнозируется сокращение разницы в росте цен на различные товары с понижением цен на топливно-энергетические товары. Согласно прогнозам, цены на сырую нефть понизятся на 11% в текущем году и на 47% к 2010 г. по сравнению с 2000 г. В связи с частыми изменениями внешнеторговой экономической конъюнктуры приоритетное значение в области долгосрочного развития должно быть отдано реальному росту промышленного производства и в первую очередь производству электроэнергии, нефтепродуктов, газа. По итогам первого квартала 2001 г., реальный рост в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды составил всего 2,6%.

В газовой отрасли наблюдается недостаток ресурсов, обусловленный острой нехваткой капиталовложений для наращивания добычи с целью обеспечения внутреннего спроса. Распределительная сеть газопроводов в результате приватизации оказалась поделенной между десятками предприятий различных форм собственности, что, наряду с огромным износом и старением оборудования (на сегодня более половины трубопроводов эксплуатируются более 25 лет), обусловило многие проблемы в газоснабжении. Нынешние владельцы газовых хозяйств, зачастую не имея достаточных финансовых средств, не в состоянии поддерживать их в необходимом техническом состоянии. Это ведет к росту издержек, созданию аварийных ситуаций, нарушению регулярности поставок газа. Так, например, в Уральске из-за неправильной работы распределительных компаний сбоя в газоснабжении приняли хронический характер. Такие же проблемы нередки и в других городах республики: топологию системы снабжения газом менять необходимо. Это лежит в русле стратегии развития нефтегазового комплекса страны, которой предусматривается перестройка всей его инфраструктуры. Однако, изменение «архитектуры» существующих сетей в соответствии с производственной и социальной инфраструктурой, восстановление инженерного оборудования, разработка и внедрение новых технологий, реорганизация систем учета потребует немалых средств (только на ремонт газо-

транспортных сетей и снабжения газифицированных регионов счетчиками требуется не менее \$10 млн.), а у частных предприятий (как показал опыт бельгийской «Трактебель» и ряда других компаний) таких денег нет, и потому приватизация распределительных систем лишь усугубляет ситуацию.

Одним из этапов развития газотранспортной сети Казахстана может стать планируемое «Казтрансгазом» строительство нового газопровода от Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения до существующего магистрального газопровода «Бухара-Урал» с врезкой в него в районе компрессорной станции Челкар проектируемого газопровода «Челкар-Ленинск-Кызылорда-Чимкент». Реализация этого проекта позволит соединить газодобывающий западный регион с промышленно развитыми южными и юго-восточными областями и к 2010 г. обеспечить в них поставки газа в объеме 12 млрд. м³/год. Однако и здесь все упирается в финансирование: строительство этих газопроводов требует больших капитальных затрат при низкой окупаемости проекта даже в среднесрочной перспективе.

Следует отметить, что ориентация исключительно на рост добычи и экспорт сырой нефти оказала негативное воздействие на отраслевую структуру страны. Так, если в 1990 г. сельское хозяйство составляло -34%, промышленность -20,5%, строительство -12%, транспорт -18%, торговля -8,2%, то к 2000 г. получили следующее: сельское хозяйство -12%, строительство меньше 5%, незначительно увеличилась доля транспорта и выросла до 18% торговля, причем в промышленности треть всего производства приходится на добычу нефти и попутного газа, четверть - на выплавку металлов и их первичную обработку. Доля машиностроения в общей структуре промышленного производства за прошедшие годы сократилась в 6,6 раза. Складывающаяся ситуация требует перехода на производство продукции с высокой добавленной стоимостью. В частности, необходимо развивать мощности по нефтехимии и глубокой переработке нефти с получением широкого ассортимента продуктов (масел, бензина высоких марок, авиатоплива и

пр.), в которых крайне нуждается собственная экономика.

лит дополнительно получать 70-90 долларов на тонну нефти, но и обеспечить внут-

Таблица 6. Динамика импорта энергоносителей, млн. долларов

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Уголь каменный	35	32	27	30	19	12
Нефть сырая	44	30	166	147	21	80
Продукты переработки нефти	151	202	163	194	88	253
Автобензины	29	41	54	52	19	96
Диз.топливо	38	31	15	32	10	42
Смазочные масла	45	92	59	59	34	49
Газ природный	372	206	92	113	101	120
Электроэнергия	233	242	120	97	63	43

Для страны, которая только в этом году предполагает экспортировать около 40 млн. тонн нефти и газового конденсата, рост импорта продуктов переработки нефти, автобензина, дизтоплива говорит о низком уровне ее энергобезопасности.

Государством практически утрачен контроль над крупнейшими и наиболее перспективными нефтяными и газовыми месторождениями, поскольку 75% геологических запасов нефти и 79% газа в Казахстане находятся под контролем иностранного капитала. В результате специалисты констатируют увеличение экспорта нефти в оффшорные зоны типа Бермудских и Виргинских островов, который вырос со \$100 млн. в 1995 г. до \$2,2 млрд. в 2000 г. Растет и доля экспорта в такие зоны: 56,7% в 1999 г., почти 63% в 2000 г. и 66,3% в первом квартале 2001 г.

Из добытых в 2000 году 35,27 млн. тонн нефти и газового конденсата было экспортировано 29 млн. тонн. Вместе с тем продажа сырой нефти обеспечивает сравнительно небольшие валютные поступления. В такой ситуации концентрация усилий хотя бы на переработке нефтяного сырья и последующем экспорте готовых нефтепродуктов представляется разумной альтернативой безоглядному экспорту сырой нефти: углубленная переработка углеводородов не только позво-

ренный рынок республики нефтепродуктами.

В последние годы в Казахстане наблюдается усиливающаяся тенденция повышения уровня добычи сырой нефти при существенном снижении поступлений в бюджет от ее реализации, ставший хроническим весенне-осенний дефицит нефтепродуктов и рост цен на них. Многие аналитики связывают высокие цены на нефть не с недостатком на рынке сырой нефти, а с нехваткой нефтепродуктов, и подобный вариант развития событий заставляет вновь обратить внимание на внутренний рынок нефтепродуктов в Казахстане, на котором длительное время продолжает сохраняться парадоксальная ситуация: при наличии огромных запасов нефти в стране и увеличении объемов ее добычи наблюдается устойчивая тенденция роста дефицита нефтепродуктов, что говорит о серьезности проблемы энергетической безопасности республики.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что она обусловлена главным образом почти полным отсутствием государственного контроля над деятельностью работающих в нефтяной отрасли иностранных инвесторов, а, следовательно, и эффективного государственного регулирования топливно-энергетического рынка страны: из общего объема добычи нефти

в 35 млн. тонн нефти в год на долю НКК «Казахойл», с учетом доли государства в совместных предприятиях, приходится лишь около 8,5 млн. тонн, т.е. едва хватает на покрытие внутренних потребностей.

Особенности приватизации нефтегазовой отрасли в Казахстане привели к тому, что правительство оказалось не в состоянии проводить последовательную политику, отстаивающую национальные интересы и способную полностью загрузить отечественные НПЗ, обеспечивать сбор налогов с нефтяных компаний в полном объеме. В частности, убыточные для страны контракты не позволяют правительству применять цивилизованные методы тарифного регулирования и оно вынуждено использовать иные, как правило, малоэффективные принудительно-административные способы воздействия. В результате при росте объемов добычи нефти идет хроническое снижение объемов ее переработки и на внутреннем рынке нефтепродуктов перманентно возникает их острый дефицит. Для удовлетворения внутреннего спроса на нефтепродукты республике необходимо перерабатывать около 10 млн. тонн нефти в год. И если в начале 90-х годов казахстанскими НПЗ перерабатывалось около 17 млн. тонн нефти (80% которой было российской), то в последние годы этот объем сократился почти в 3 раза. Российская же нефть в Казахстан поступает теперь только по замещению, причем, например, в 1999 г. объемы бартерных поставок российской нефти были в 3,6 раза ниже плановых. Кроме того, ориентация казахстанских (кроме Атырауского) НПЗ на легкую малосернистую (российскую) нефть не позволяет качественно перерабатывать отечественное сырье, как правило, тяжелую нефть с высоким содержанием меркаптанов, парафинов, серы.

НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗА РУБЕЖОМ

Следует отметить, что во многих странах мира нефтегазовая отрасль находится под контролем государства.

Так, в составе крупнейших нефтегазовых компаний мира в последние годы устойчивое 4 место по объемам переработки занимает Венесуэльский государственный концерн *Petroleo de Venezuela SA*

(*PdVSA*), девятое – бразильская государственная компания *Petroleo Brasileiro (Petrobras)*. В частности, основными особенностями развития нефтеперерабатывающей промышленности Венесуэлы (добывающей в год 160 млн. тонн нефти), наряду с господством в ней *PdVSA*, являются: переработка тяжелой сернистой венесуэльской нефти; ориентация не на строительство новых, а на реконструкцию действующих НПЗ (их в Венесуэле – 6, общей мощностью 58,9 млн. тонн) с целью улучшения качества выпускаемых моторных топлив. С середины 90-х годов в Венесуэле начала осуществляться программа реконструкции НПЗ. После завершения реконструкции старейшего и крупнейшего в стране завода в Кордоне (на котором сегодня ежегодно производится выход светлых нефтепродуктов с сегодняшних ежегодных 11,7 млн. тонн увеличится до 12,5 млн. тонн, прочих – до 0,9 млн., а тяжелых высокосернистых остатков тонн снизится с 3,3 млн. тонн до 1,4 млн. тонн. Владелец завода – компания *PdVSA* – надеется после завершения реконструкции (носящей четко выраженный экологический характер) существенно улучшить качество выпускаемой продукции за счет производства реформулированного бензина (для экспорта), высокооктанового неэтилированного бензина, малосернистого дизтоплива. В течение этого пятилетия планируется реконструкция и остальных заводов. Учитывая то, что Венесуэла, увеличивая масштабы добычи и экспорта нефти, сумела одновременно нарастить и углубить ее переработку (в частности, снизить выход тяжелых нефтепродуктов с 60% в 1976 г. до 17% в 1997 г.), можно говорить о значительном усилении роли Венесуэлы на североамериканском рынке нефти и нефтепродуктов.

Аргентина. Основные мощности НПЗ контролируются государственной компанией *Yacimientos Petroliferos Fiscales SA (YPFSA)* – 16,3 млн. тонн в год (общая мощность 16 имеющихся в Аргентине НПЗ составляет 33,3 млн. тонн). После реконструкции построенный еще в 1925 г. завод фирмы *YPFSA* в Ла-Плата превратился в современное предприятие мощностью 9 млн. тонн/год с широким набором процессов (каталитические крекинг и реформинг, коксование, гидроочистка нефти, реактив-

ного и дизельного топлива, изомеризация, деасфальтизация). Выход автобензина составляет 45,7%, керосина и реактивного топлива – 8,4%, дизтоплива – 29,1%, мазута – 5%, прочих нефтепродуктов – 9,6% [6]. В настоящее время до 90% продукции заводов YPFSA идет на внутренний рынок страны.

Бразилия. Из 13 НПЗ (общей мощностью 83,1 млн. тонн) четыре имеют мощность свыше 10 млн. тонн/год. Практически вся нефтепереработка Бразилии контролируется государственной компанией Petroleo Brasileiro (Petrobras). На большинстве НПЗ планируется проведение реконструкции и модернизации с целью углубления переработки, увеличения выпуска и улучшения качества нефтепродуктов, выполнения необходимых экологических требований. Стоимость проектов \$1,5 млрд. Особенностью программы улучшения качества автобензинов в Бразилии является добавка этилового спирта (получаемого ферментацией растительного сырья)

для повышения экологических характеристик топлива.

В целом в большинстве зарубежных стран предпочитают сохранять многие отрасли ТЭК в собственности государства, с жесткой регламентацией предприятий не входящих в него, но непосредственно связанных с функционированием национальной энергетики. Опыт промышленно развитых стран подтверждает, что поскольку вопросы энергоснабжения затрагивают интересы национальной безопасности, то с обострением ситуации вмешательство государства в регулирование отраслей ТЭК усиливается. Вместе с тем, государство, с целью удовлетворения общественных потребностей в определенных видах энергоносителей, допускает частный и иностранный капитал в отдельные отрасли комплекса. В основном это сеть бензоколонок, разведка и освоение нефтегазовых месторождений, создание дополнительных мощностей по нефтегазопереработке и т.п.

(продолжение в следующем номере)

Таблица 7. Уровни государственной собственности в отраслях ТЭК в странах мира

Электроэнергетика	Нефть	Газ	Уголь	Уровень, %
Австрия, Франция, Великобритания	Австрия	Австрия, Италия, Франция, Швеция	Австрия, Франция, Великобритания	Более 75
Германия, Нидерланды, Италия		Нидерланды, Испания		75
Швеция		Германия	Германия, Испания	50
США	Великобритания, Германия			25
Япония, Исландия	Швеция, США, Япония, Испания, Франция, Италия, Нидерланды	Испания, США, Великобритания	Нидерланды, США, Италия, Япония, Швеция	Менее 25

Источники: Financial Times, December 10, 1986, based on AMEX Bank Review

Литература

1. См.: Статистическое обозрение Казахстана. 2001. № 2.
2. Каримова З., Садиев А. О производстве и потребности угля в мире и Республике Казахстан в 1999-2000 гг. // Экономика и статистика. 2001. № 1.
3. Булебаева Л. Основные итоги социально-экономического развития Республики Казахстан в 2000 г. // Экономика и статистика. 2001. № 1. С. 81.
4. Petroleum. 2001. № 1. С. 7.
5. Деловая неделя. 2001. 15 июня.
6. YPF refineries aiming for world class operators // Oil and Gas Journal. - 1995. - V. 93. - # 7. - P. 54.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Жалимбетова Р.Б.

На стыке двух тысячелетий страны мира в большинстве своем являются включенными в мировую экономическую миграцию. Явление миграции весьма сложное в силу его многовекторной природы. Здесь пересекаются вопросы не только демографии и рынка труда, торговли и экономического развития, прав человека и демократических ценностей, но и окружающей среды, внешней политики, безопасности.

Распад Союза ССР и единого народнохозяйственного комплекса в 90-х годах прошлого столетия повлияли на характер, масштабы и направления миграционных потоков на всей территории Евразийского экономического сообщества (далее ЕврАзЭС или Сообщество). Социальными последствиями распада единого народнохозяйственного комплекса в области миграции, на наш взгляд, на межгосударственном уровне являются:

– усиление межгосударственных связей (введение визовой политики привело к трудностям в осуществлении контактов с родственниками, проживающими в других независимых государствах),

– широкая волна репатриации, охватившей все государства ЕврАзЭС;

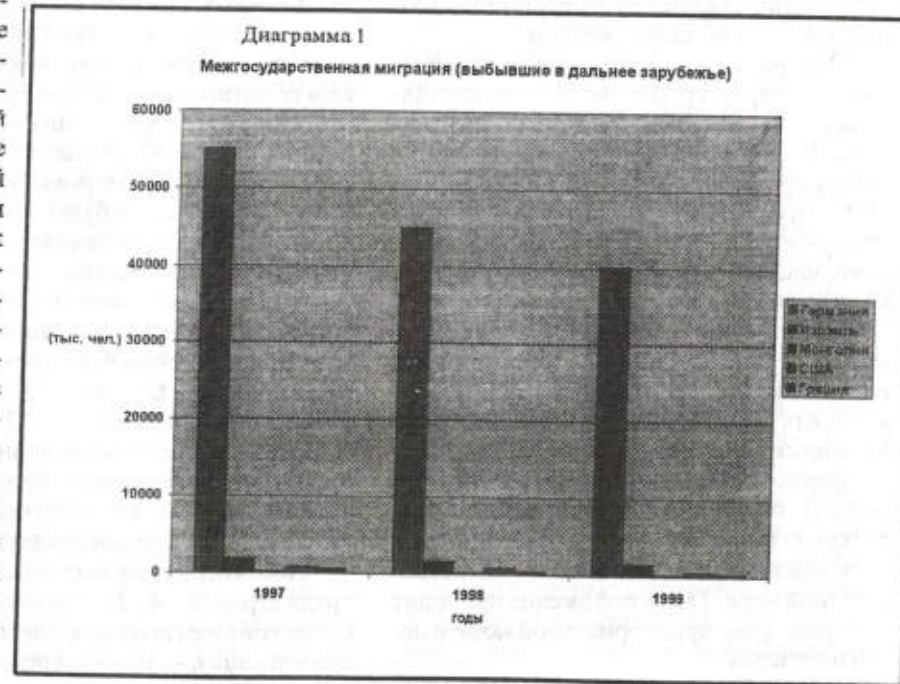
– усиление нерегулируемых миграционных потоков между странами, входящими в Евразийское экономическое сообщество.

На внутригосударственном уровне – усиление внутривосударственной миграции населения, что подтверждается оттоком сельской молодежи в города в поисках работы и привлечением иностранной рабочей силы.

На сегодняшний день одной из основных проблем для государств-участников ЕврАзЭС являются миграционные процессы, которые приобрели серьезный характер в современной социально-экономической ситуации.

Рассмотрим складывающуюся миграционную ситуацию в государствах Сообщества.

Как видно из диаграммы 1, основные миграционные потоки из государств-участников Евразийского экономического со-

общества направлены в такие страны, как Германия, Израиль, США, Греция и Монголия. Особенность миграционного взаимодействия государств ЕврАзЭС со странами дальнего зарубежья заключается в превышении эмиграции над иммиграцией и потери нашими странами части трудовых ресурсов, как правило, высококвалифицированных кадров и специалистов.

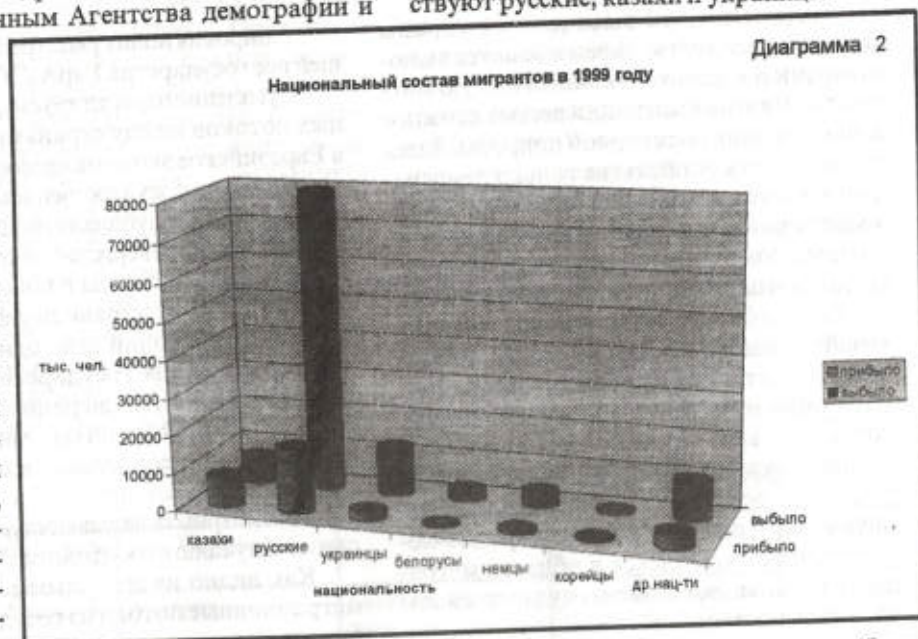
По данным Агентства демографии и миграции Республики Казахстан, в 1998 году социальный портрет эмигранта следующий: 64% находятся в трудоспособном возрасте, 22% – молодежь трудоспособного возраста, 14% – люди старше трудоспособного возраста, 61% – городские жители.

Эмиграция носит ярко выраженный этнический характер. Основную долю выезжающих составляют немцы, евреи, греки и русские. Последние выезжают в основном в составе смешанных семей. За период с 1989 по 1995 год, по данным Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики, численность немцев в республике сократилась с 101,3 тыс. человек до 26,1 тыс.

Своеобразие миграционных процессов между странами ЕврАзЭС определяется различиями в скорости проведения экономических реформ, уровне жизни населения. Можно сказать, что часть населения быстро приспособилась к новым рыночным условиям, однако, большинство населения потеряло старые ориентиры миграционного поведения, а новые еще не осознаны ими в полной мере. Такое положение приводит к сокращению территориальной мобильности населения.

К примеру, снижение масштабов миграционных потоков составило в России с 9,8 млн. чел. в 1990 году до 5,5 млн. чел. в 1999 году, или на 44%, соответственно, Казахстане с 1,3 млн. до 0,5 млн. (на 61%), Беларуси с 0,8 млн. до 0,4 млн. человек (на 50%) [1, с.71].

Как видно из диаграммы 2 в миграционных процессах наиболее активно участвуют русские, казахи и украинцы.

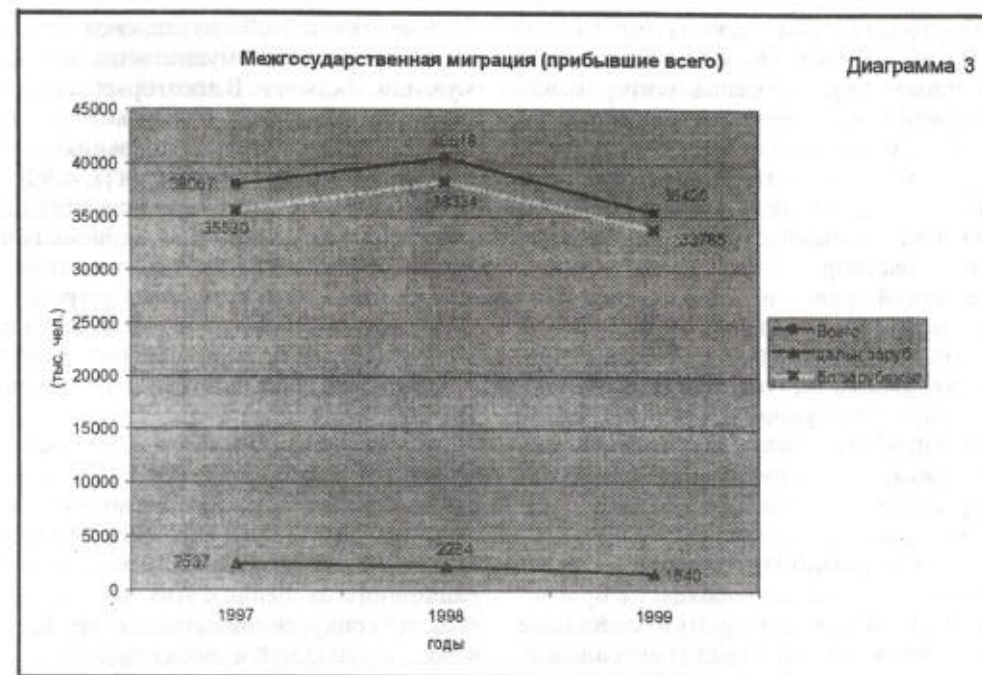

Уезжают, в основном, те, у кого больше шансов обустроиться на новом месте. Не всем это удается, и часть из них возвращается обратно. За последние три года число прибывающих в Казахстан стабилизировалось на уровне 37-40 тыс. человек [2]. По мере экономического роста в странах Сообщества эмиграция будет сокращаться, и, возможно, будет увеличиваться реэмиграция бывших соотечественников.

Потоки иммиграции в государства ЕврАзЭС из стран дальнего зарубежья незначительны. В 1999 году они составили: в Россию – 25,0 тыс., Беларусь – 2,8 тыс., Казахстан – 2,3 тыс. человек [1, с.82]

В настоящее время основная миграция происходит не за пределы государств-участников ЕврАзЭС, а внутри него, как видно на диаграмме 3 (см. следующую страницу).

Несомненно, на национальные рынки труда стран ЕврАзЭС и уровень оплаты работников оказывает воздействие нелегальная миграция, которую нередко сопровож-

дают такие негативные явления, как торговля оружием и наркотиками.

Легкость въезда в страны СНГ, возможность в некоторых ходатайствовать о статусе беженцев, слабый административный контроль делают страны СНГ привлекательными для иммигрантов, в том числе для транзитных. Основной маршрут транзита – через Россию, Украину, Беларусь и Молдову в Восточную и Западную Европу. Поскольку соответствующее законодательство и регулирующие механизмы все еще отсутствуют или недостаточно разработаны, иммиграция в страны СНГ из других стран носит незаконный характер [1, с. 82].

Общее количество незаконных мигрантов, по неполной информации, ориентировочно оценивается до 2 млн. человек, из них до 1,5 млн. в России, от 150 до 300 тыс. человек в Беларуси [1, с.83].

Считаем, что размеры нелегальной миграции в целом по странам Сообщества, как минимум, на порядок выше, чем легальная миграция, а ее влияние на национальные рынки труда гораздо существеннее.

Для решения проблем нелегальной миграции необходимы соответствующая правовая база, компьютеризация всей системы ее отслеживания и даже миграционная полиция. Успешное решение проблемы нелегальной миграции возможно только при

тесном взаимодействии целого ряда государственных органов таких, как МВД, КНБ, МИД и др. [5].

Сложившиеся направления и характер миграции не способствуют улучшению занятости, более полному использованию трудового потенциала стран ЕврАзЭС, что несомненно приводит к огромным потерям как для общества в целом, так и для самих мигрантов. Так, в городах России, где основались высококвалифицированные специалисты из Кыргызстана: медики, инженеры, геологи, преподаватели вузов, многие из них занимаются коммерцией [4].

Меры, осуществляемые в странах ЕврАзЭС, направлены прежде всего на защиту национальных рынков труда (квотирование, выдача лицензий для приема на работу лиц, имеющих другой страны гражданства и т.п.), что сдерживает трудовую миграцию. Тем самым не реализуется основной принцип общего рынка труда – обеспечение свободного перемещения рабочей силы в рамках создаваемого нашими странами единого экономического пространства.

В то же время положительная динамика в этом направлении уже наметилась как в организованной форме – в рамках заключенных двусторонних договоров (к примеру, Таджикистан, Кыргызстан), так и в стихийной, неорганизованной форме, поскольку

рынок труда получил новые стимулы, стал более гибким, появились альтернативные, не связанные с государственным сектором, возможности трудоустройства и заработков.

Массовые коммерческие поездки («шоп-туры»), работа по найму, сезонные работы и т.д. стали для наших соотечественников новыми видами трудовой миграции, некоторые из которых не имели адекватной правовой базы. Однако, даже будучи полуправовыми, они сыграли свою позитивную роль в преодолении кризиса в странах Содружества. Одновременно с открытием границ увеличился миграционный обмен между странами дальнего зарубежья, и в настоящее время в стране по трудовым контрактам работают тысячи иностранных рабочих [5, с. 75].

Угроза ухудшения социального и экономического положения совпадает с прогнозом ООН, согласно которому в ближайшие 20 лет произойдет увеличение центральноазиатского региона бывшего СССР почти в 1,5 раза, или до 75 млн. человек. Перенаселенные и трудоизбыточные районы азиатских республик могут способствовать транзитной трудовой миграции через Казахстан в Россию и/или стать источником дополнительной социальной напряженности и потенциальных конфликтов [5, с. 76].

Уже сейчас легальная трудовая миграция рабочей силы на территории Сообщества носит взаимовыгодный характер. Так, в России, которая принимает наибольшее количество трудовых мигрантов из ближнего зарубежья, заполняются вакансии, на которые неохотно идут россияне, а таких рабочих мест насчитывается несколько сот тысяч. Можно сказать, что в странах-экспортерах рабочей силы сглаживается острота социально-экономической ситуации, а в стране-импортере заполняются вакансии на производстве. Также предполагается, что общий рынок труда позволит ликвидировать условия для нелегальной трудовой миграции и устранить дискриминацию трудовых мигрантов [6, с. 65-66].

Граждане Таджикистана в поисках работы уезжают в страны СНГ, преимущественно в Россию и в страны Центральной Азии. По имеющимся данным Министерства труда и занятости населения Таджикистана, объем трудовой миграции составляет 5618 человек, в том числе из городов –

3209 человек и 2409 – из сельской местности. Мигрируют преимущественно молодые мужчины-таджики. В некоторых регионах, например, в Горно-Бадахшанской автономной области, в трудовую миграцию вовлечены до 80% молодых мужчин [1, с. 92].

Во многих случаях внешние мигранты являются конкурентами на национальных рынках труда для внутренних мигрантов, сужая для них возможности трудоустройства. А предприятия, используя низкооплачиваемую рабочую силу, утрачивают стимулы для улучшения условий труда и повышения квалификации работников.

Кроме того, мигранты из СНГ расселяются в основном в европейской части России, на Урале и в Западной Сибири. Сюда же направлен мощный поток выезжающих с Севера. Вследствие такого большого миграционного давления в этих районах обостряется конкуренция на рынках труда, что ведет к социальной напряженности.

В последние годы наибольшее развитие получает приграничная трудовая миграция. Тесные миграционные связи сложились, к примеру, между соседними областями России и Украины, России и Китая. Обратим внимание, что вопросы приграничной трудовой миграции с Китаем актуальны также для Казахстана и Кыргызстана. Основными видами занятий приграничных трудовых мигрантов являются в большей степени – розничная торговля, в меньшей – строительство, промышленность, сельское хозяйство.

По оценкам российских экспертов, китайская иммиграция будет нарастать, постепенно вытесняя из приграничья выходцев из стран СНГ. Так, за 1994-1997 гг. миграционный прирост в приграничных регионах России с Китаем за счет выходцев из стран СНГ сократился с 25,7 тыс. человек до 4,2 тыс. [1, с. 95].

Такое проникновение китайских иммигрантов в приграничные регионы ставит вопрос перед странами ЕврАзЭС о более полном учете китайского фактора в государственной миграционной политике.

В целом приграничная трудовая миграция позволяет жителям приграничных районов использовать выгоды своего положения, так как на границе выбор работ всегда больше, а разница в зарплате достаточно существенная.

Трудовая миграция является нормальным явлением жизни международного сообщества. В цивилизованных формах она осуществляется на основе соблюдения национальных законодательств и международных трудовых норм.

В данном направлении по Содружеству Независимых Государств приняты и реализуются следующие документы: Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств СНГ по территории его участников, Соглашение о взаимном признании виз государств СНГ, Соглашение «О трудовой миграции и социальной защите трудящихся-мигрантов», введенные в действие во всех государствах ЕврАзЭС. Перечисленными документами создан благоприятный визовый режим между государствами СНГ с третьими странами.

14 марта 1997 года между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан было подписано Соглашение по созданию правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения рабочей силы. Для реализации Соглашения у трех центральноазиатских государств имеются квалифицированные кадры – более 3 млн. специалистов с высшим и средним образованием, на каждую 1000 занятых в народном хозяйстве их приходится 853 чел. Фактическое исполнение данного Соглашения было приостановлено в результате введения визовой системы Республикой Узбекистан и принятия адекватных мер Республикой Казахстан. В то же время экономических обоснований для введения виз Узбекистаном не было, данная мера была предпринята по политическим соображениям [7, с. 77].

Общим явлением для стран Сообщества можно назвать сохраняющееся напряженное положение на национальных рынках труда наименее защищенных социальных групп населения – женщин, молодежи, лиц пенсионного и предпенсионного возраста. Женщины среди ищущих работу при содействии служб занятости на конец 1999 года составили 53-57% в Кыргызстане, Таджикистане, 60-69% – в Беларуси, Казахстане, России. Удельный вес молодых людей (в возрасте до 29-30 лет) в численности безработных в 1999 году варьировал от 30-36% в Казахстане, Кыргызстане и России, 40-53% в Бе-

ларуси, до 60-62% в Таджикистане. Интенсивность процессов на рынке труда во многом зависит от продолжительности безработицы. Средняя продолжительность безработицы в Беларуси в 1999 году, по оценке, составила 6,9 месяцев, в 1998 году – 7,3 месяца, соответственно, Казахстане – 7,4 и 6,0, Кыргызстане – 9,4 и 8,2, России – 7,6 и 6,6, Таджикистане – 5,5 и 3,8 месяцев [11, с. 26].

Согласно Отчету МОМ о Всемирной миграции за 2000 год, международная миграция становится все более феминизированной, женщины составляют примерно 50% от 150 млн. международных мигрантов по всему миру. К примеру, посольство Германии ежегодно оформляет до 14000 виз гражданам Кыргызской Республики, 30% из них женщины. Многие женщины подают заявление на получение au pair визы (для работы в качестве няни) [8, с. 19].

В ходе становления национальных рынков труда нарастают дискриминационные тенденции в отношении женщин, вследствие чего падает их конкурентоспособность. Повышается риск потерять работу, сокращаются возможности трудоустройства, профессиональной карьеры, повышения квалификации, переобучения – во многом из-за необходимости особой охраны труда и законодательно обусловленных социальных льгот, связанных с выполнением репродуктивных функций.

Женская рабочая сила находит легкое применение в тех профессиях и секторах, особенно уязвимых для злоупотребления и эксплуатации. Трафик женщин все больше переходит под контроль международной организованной преступной сети. Так, ОБСЕ выявила «связь между торговлей людьми и странами с переходной экономикой, особенно усугубленной бедственным положением женщин и высоким уровнем женской безработицы» [9].

Концентрация женщин в традиционных секторах экономики, на относительно низкооплачиваемой работе, ведет к сохранению, а в ряде случаев к увеличению разрыва оплаты труда мужчин и женщин. В отраслях экономики заработная плата среднестатистической женщины на треть ниже, чем среднестатистического мужчины [10, с. 65].

Необходимо отметить тот факт, что наряду с оттоком рабочей силы за границу в странах ЕврАзЭС происходит процесс

привлечения иностранных специалистов. Внешняя трудовая миграция в странах Содружества в ее легальной (учтенной) форме пока невелика и ограничивается масштабами в 300-350 тыс. человек в год. По данным Федеральной миграционной службы России, из общей численности иностранных граждан, работавших в январе-июне 1999 года (158,9 тыс. человек), 42% прибыли из стран СНГ против 46% соответствующего периода 1998 года.

В Беларуси в течение 1 полугодия 1999 года в национальную экономику привлечено около 0,9 тысячи иностранных граждан, из них 0,8 тысячи человек – из стран Содружества (преимущественно из Украины); в Кыргызстане – немногим более 0,5 тысячи граждан из других зарубежных стран. В Казахстане численность иностранной рабочей силы, прибывшей в январе-сентябре, составила 8,7 тысячи человек, в том числе из стран Содружества – 0,8 тыс. человек и 7,9 тысячи – из других зарубежных стран (из Турции – 52%, Венгрии, Великобритании, Италии и др. – 48%) [11, с. 26].

В Казахстане в 1999 году выданы лицензии на трудовую деятельность специалистам из 61 страны мира. На территории республики работали около 12 тыс. иностранных специалистов, из них около 7 тыс. из Турции, порядка 1,2 тыс. из Венгрии, меньше 1 тыс. – из Соединенных Штатов, а четвертое место по числу работающих по лицензиям занимает Россия 265 чел. Из Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана получили лицензии более 100 чел. Гражданам других стран СНГ лицензии не выдавались [7, с.77-78]

В настоящее время в Казахстане разработан проект новых Правил о порядке квоты, условий и порядка выдачи разрешений работодателям на привлечение иностранной рабочей силы. Помимо максимальной прозрачности отмечена децентрализация в порядке выдачи разрешений. Центральный исполнительный орган будет выдавать разрешение на общее количество привлеченной рабочей силы, а местные органы – на каждого конкретного работника [12]

Многие страны мира направляют свои трудовые ресурсы в развитые страны на работу в соответствии с межгосударственными соглашениями. Для стран ЕврАзЭС – это очень важная проблема, поскольку большин-

ство из тех граждан ЕврАзЭС, которые работают за рубежом, работают без межгосударственных соглашений и никакой закон не может их защитить. Поэтому каждая страна, которая заинтересована в направлении трудовых ресурсов на работу за рубеж, должна взять на себя решение данной проблемы.

К примеру, в постановлении правительства Кыргызской Республики № 166 от 31 марта 1998 года «О лицензировании деятельности, связанной с трудоустройством граждан Кыргызской Республики за границей» записано «осуществить меры по реализации государственной политики в области внешней трудовой миграции в части социальной защиты трудящихся-мигрантов, решения процедурных вопросов их въезда и выезда, валютно-финансовых операций и международного правового обеспечения».

Действующим нормативным документом, определяющим вопросы внешней трудовой миграции в Таджикистане является Постановление Правительства Республики Таджикистан № 35 от 15 января 1997 года «О мерах по регулированию внешней трудовой миграции». В 2000 году разработан проект Закона «О внешней трудовой миграции», в котором определен порядок направления рабочей силы, въезда и выезда граждан-мигрантов, приграничной трудовой миграции, их социальный статус и многое другое.

Небольшой опыт работы по экспорту рабочей силы в Южную Корею имеется в Таджикистане и Казахстане. С 1995 года по настоящее время на предприятиях Южной Кореи прошли стажировку и получили навыки работы в рыночной экономике более 2 тыс. казахстанских рабочих. Но в связи с тем, что в основном наша рабочая сила использовалась в Южной Корее на тяжелых и малопривлекательных работах многие трудовые мигранты, не дожидаясь завершения срока контрактов, были вынуждены вернуться на родину.

Страны ЕврАзЭС в основном направляют на работу за рубеж через посреднические частные фирмы.

Как видно из таблицы 1 Казахстан и Кыргызстан направляют свою рабочую силу за рубеж в основном через посреднические фирмы в такие страны, как Южная Корея, ОАЭ, Португалия, США и др. Из Таджикистана посреднические фирмы отправляют рабочую силу в Россию и Монголию.

Таблица 1. Внешняя трудовая миграция

Количество отправленных на работу за рубеж			Количество привлеченных иностранных работников		
Казахстан					
Страна	По соглашению	Через посреднические частные компании		По соглашению	Через посреднические частные компании
Юж. Корея Португалия, ОАЭ			Венгрия, Турция, Россия, Великобритания, США		
Всего	0	230	Всего	370	10005
Кыргызстан					
Россия, Казахстан, Юж. Корея, ОАЭ, Португалия, Израиль, США, Греция, Англия, Кипр		273 72 68 15 14 7 6 3 3 2	Турция, КНР, Юж. Корея, Иран, Пакистан, Индия, Афганистан, США, Германия, Япония, Узбекистан, Англия, и другие		532 384 98 58 54 43 27 22 15 13 12 12
ИТОГО		463	ИТОГО		1384

Рассчитано по данным Министерства труда и социальной защиты Казахстана и Кыргызстана.

К сожалению, единичные выезды граждан стран ЕврАзЭС за рубеж на работы по трудовым соглашениям практически не осуществляются.

Внешняя трудовая миграция диктуется необходимостью, прежде всего, смягчения социальной напряженности, обусловленной безработицей экономически активного населения. Ввиду отсутствия легальных источников доходов и реальных экономических условий повышения жизненного уровня населения путем трудоустройства в пределах одной страны Сообщества, требуется разработка и реализация политики экспорта рабочей силы за рубеж, а также на оказание помощи и защиту прав специалистов за рубежом.

Одним из шагов, сделанных в этом направлении является к примеру создание при Министерстве труда Кыргызской Респуб-

лики департамента «Кыргызвнештруд». Кыргызстан заключил межправительственные договоры по обмену рабочей силой с государствами СНГ: Российской Федерацией, Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном. В настоящее время ведется работа по заключению подобных соглашений с рядом стран Ближнего Востока, Малайзией, Республикой Корея.

Актуальность внешней трудовой миграции на современном этапе определяется также необходимостью преодоления скрытой безработицы – безработицы на рабочих местах, проявляющейся в неполной занятости, низком уровне доходов и заработной платы работников.

Для того, чтобы смело двинуться на поиски работы, необходимо, как минимум, обладать квалификацией и знаниями, имеющи-

ми универсальное применение, и на которые имеется соответствующий спрос на национальном или международном рынке труда. Значительную долю среди ищущих работу составляют лица, не имеющие профессиональной подготовки или потерявшие профессиональные навыки в связи с длительным перерывом в работе (в среднем по Содружеству примерно одна треть безработных). Повышению конкурентоспособности на рынке труда способствовало бы увеличение масштабов профессионального обучения незанятого населения. Доля направленных на обучение среди всех обратившихся в течение года в службы занятости варьирует по странам Содружества в пределах 0,3-10,4% [11, с.34].

Ключевое значение жилищного фактора для формирования и развития рынка труда до сих пор плохо понимается. Отсутствие в странах ЕврАзЭС значительного жилищного фонда и развитого рынка жилья способствует образованию депрессивных районов, так как затрудняется необходимый переток свободной рабочей силы, и она остается закрепленной на прежних рабочих местах, которые по разным причинам становятся излишними, и что ведет к формированию региональных очагов застойной безработицы.

В этой связи в рамках ЕврАзЭС поставлен вопрос о свободе приобретения и пользования собственностью, обеспечивающее право каждого из наших граждан на приобретение, владение, пользование и распоряжение движимым и недвижимым имуществом, в том числе получаемого в порядке наследования на территории другого государства-участника Таможенного союза [13, с.166].

Система государственных мер по регулированию внешней трудовой миграции должна состоять из: создания нормативно-правовой базы, организации системы служб по направлению рабочей силы на работу за рубеж, разработки и принятия межгосударственных соглашений по направлению рабочей силы на работу за рубеж и по найму граждан Сообщества на сезонные работы. На наш взгляд, необходимо произвести полный внутренний учет миграционных процессов государства, затем отследить межгосударственный учет миграции и наладить взаимобмен информацией о состоянии национальных рынков труда.

В рамках формирования общего рынка труда ЕврАзЭС следует разработать доку-

мент в виде концепции и программы по внешней трудовой миграции, которая охватывала бы комплекс вопросов политического, юридического и организационного характера, прежде всего по созданию надежной системы защиты граждан в период их работы за рубежом и по возвращению в государство, а также формирование механизма эффективного управления процессами выезда на работу за границу, упорядочению трудовой миграции, а также разработки системы контроля за их деятельностью.

На рубеже веков развитие как отдельных стран, так и мира в целом, наглядно показало, насколько сложным становится понятие безопасности. Сегодня существуют угрозы безопасности, связанные с целевым воздействием на экономический потенциал, социальное развитие, на информационное пространство, экологию и другие сферы отдельной страны и целой группы государств. О том, насколько взаимосвязанными в нынешних условиях являются экономика и безопасность, показал, например, опыт недавнего Азиатского финансового кризиса [14, с.7].

С точки зрения социальной безопасности рассмотрим в качестве примера Россию. Согласно данным российской статистики, население России сокращается ежегодно на 650-700 тысяч человек. В перспективе в России ожидается естественная убыль рабочей силы, которая, по прогнозам, начнется после 2005-2007 гг., но до этого естественный прирост трудовых ресурсов (по прогнозу Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) будет ограниченным (рост смертности и падение рождаемости приведут к такой ситуации, когда количество работающих граждан и пенсионеров сравняется) и сохранится только в республиках Северного Кавказа и Поволжья и на Тюменском Севере. Получается, что младшее поколение не сможет прокормить старшее: пенсии начнут элементарно отставать от цен и не будет хватать рабочих рук.

Это означает, что если экономика России будет развиваться в соответствии с прогнозными оценками, то Российская Федерация в первом десятилетии XXI века столкнется с острой проблемой нехватки рабочей силы. Согласно прогнозам российских аналитиков, к 2015 году число вполне легальных мигрантов достигнет четырех миллионов [15].

Необходимо отметить, что с аналогичной ситуацией сталкивались все европейские развитые страны (Англия, Франция, Германия и др.) и ни одна из них не смогла в этот период обойтись собственным трудовым потенциалом, приходилось проводить ориентированную на привлечение иностранной рабочей силы политику. Поэтому приток населения в Россию следует расценивать как положительный фактор, способствующий формированию трудового потенциала.

Вместе с тем, временная трудовая миграция выполняет важную социальную роль, амортизирует многие экономические проблемы семей мигрантов, дает возможность многим жителям стран Сообщества получить сравнительно высокооплачиваемую работу и содержать семью. Таким образом, развитие трудовой миграции в целом стабилизирует социальную обстановку в Евразийском экономическом сообществе.

Целесообразно сейчас создавать условия для свободного передвижения рабочей силы в пределах Сообщества. В этих условиях должны быть приняты согласованные меры, направленные на регулирование общих проблем национальных рынков труда и дальнейшую разработку национальных законодательств, регулирующих движение населения.

Решение такой проблемы, как предоставление права на жительство является

важным шагом в формировании благоприятных условий межгосударственных отношений в социально-трудовой сфере – в предоставлении гражданам льготных условий для смены гражданства и постоянного проживания в других государствах ЕврАзЭС. Уже приняты и реализуются следующие международные документы: Соглашение об обеспечении свободного и равного права пересечения физическими лицами границ государств-участников Таможенного союза и беспрепятственного перемещения ими товаров и валюты, Соглашение об упрощенном порядке приобретения гражданства.

Как следует из вышеизложенного, ключевым моментом в миграционной политике стран ЕврАзЭС на современном этапе и в будущем является разработка и последующее развитие действенной модели управления миграционными процессами, способной адекватно реагировать на все изменения социально-экономической и политической обстановки как в одном из государств-участников ЕврАзЭС, так и за его пределами. Это позволит достичь искомой стабильности во внутреннем развитии регионального объединения, а также добиться желаемого уровня безопасности, при котором будут эффективно защищены национальные интересы всех государств Сообщества.

Литература

1. Состояние рынка труда и миграция населения в СНГ. Исполнительный комитет СНГ. – Москва, 2000.
2. Деловая неделя. – 2000. – 10 марта
3. Казахстанская правда. – 1999. – 26 января.
4. Унесенные ветром рынка // Вечерний Бишкек. – 1998. – 6 ноября.
5. Садовская Е. Миграция в Казахстане на рубеже 21 века: основные тенденции и перспективы // Сб. материалов семинара «Миграция в Казахстане – настоящее и будущее», – Астана, 26-27 января 2000 г. – Астана: МОМ, 2000.
6. Дробышевская И.М. Перспективы формирования единого рынка труда // «Социальная сфера: проблемы формирования и интеграция» – Алматы, 2000.
7. Нурмагамбетов А.М. Развитие законодательных актов, регламентирующих интеграцию Республики Казахстан в единый рынок труда СНГ. В сб. «Социальная сфера: проблемы формирования и интеграция». – Алматы, 2000.
8. Торговля женщинами и детьми в Кыргызской Республике. – Бишкек: МОМ, 2000.
9. «Торговля людьми: задачи ОБСЕ». – ОБСЕ, 1999.
10. Отчет о положении женщин в Республике Казахстан, 1997.
11. Казахстан и страны СНГ. Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2000. – № 1.
12. Панорама. – 2001. – 30 марта.
13. Исингарин Н.К., Таможенный союз: дела и планы, Алматы, ОФ «БИС», 2000.
14. Тажин М.М. Национальная безопасность Казахстана: новое понимание, новые подходы // ANALYTIC-Аналитическое обозрение. – 2000. – №1/ октябрь.
15. Экспресс К. – 2001. – 23 февраля.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В ПОСТТОТАЛИТАРНЫХ СТРАНАХ

Ашимбаев М.С.

Приступая к исследованию проблем политического транзита в посттоталитарных странах, где акцент будет сделан на транзите стран СНГ, необходимо сразу отметить специфику постсоветских государств в этом отношении. Политический транзит новых независимых государств, возникших на территории бывшего СССР, к которым, по некоторым характеристикам, близки некоторые страны из бывшего социалистического лагеря, явление абсолютно новое в политической науке. Ранее подобные, достаточно радикальные преобразования в период после Второй мировой войны были осуществлены (или все еще продолжают) в ряде европейских стран, в большинстве стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Казалось бы, можно говорить о некотором опыте, который мог бы быть заимствован странами СНГ, осуществляющими политический транзит в настоящее время. Но обнаруживается, что имеются принципиальные отличия транзита стран СНГ от названных выше.

Одна из основных особенностей, которые оказывают решающее влияние на ход политической трансформации в государствах СНГ, заключается в том, что все они являются посттоталитарными странами. Данное обстоятельство во многом обуславливает то, что политический транзит в них протекает несколько по иному, нежели в авторитарных странах. Исходя из этого, считаем необходимым кратко остановиться на анализе соотношения (отличий) посттоталитарного транзита от поставторитарного. В данном случае речь, в первую очередь, идет о том, что тоталитаризм и авторитаризм выступают своего рода исходными точками транзита в той или иной стране.

Так, в случае, если политический транзит имеет исходной точкой тоталитарный режим, содержание транзита таково:

– необходимо демонтировать тоталитарную систему в целом, т.к. она не способ-

на на демократические преобразования по своей сути;

– реформы могут идти и «сверху» и «снизу»: а) в первом случае, тоталитарная система должна «дать сбой», т.е. породить внутри себя лидеров, способных «на измену» идеологии тоталитаризма (что может облекаться в форму реформирования на собственном основании – как это было с горбачевской перестройкой: «больше социализма», «выход из застоя», «революция продолжается» и т.д., б) во втором случае, «низь» начинают требовать реформ, как было, например, в Польше посредством движения «Солидарность»; но в этом случае тоталитарная система должна опять-таки дать «сбой» – просмотреть, не увидеть процесс самоорганизации «низов». Второй вариант более опасен с точки зрения мирного характера процесса;

– оппозиция носит довольно искусственный характер, так как не могла содержательно сложиться и оформиться в недрах тоталитаризма. Отсюда перед посттоталитарными обществами возникает необходимость «выраживания» оппозиции, что необходимо для конструктивного диалога власти и оппозиции в ходе транзита;

– в силу того, что тоталитаризм противоположен гражданскому обществу, в тоталитарную эпоху гражданское общество отсутствует. Но оно необходимо для успеха политического транзита. Следовательно, одним из содержательных аспектов транзита становится формирование гражданского общества;

– специфической чертой политического транзита от тоталитаризма к демократии является незначительный уровень консолидации посттоталитарного общества. Этому имеется простое объяснение: так как тоталитаризм продуцировал во многом искусственное единство общества, то распад тоталитарной системы привел к утраченной разобщенности как реакции на предшествующее силовое удержание еди-

ства. Отсюда консолидация посттоталитарных обществ становится одной из основных задач транзитного периода, от успеха решения этой задачи зависит и возможность т.н. консолидированной демократии.

В случае, когда политический транзит имеет исходной точкой авторитаризм, содержание транзита таково:

– сам транзит в авторитаризме имеет относительно лучшие «стартовые» условия: авторитаризм более плюралистичен, чем тоталитаризм; допускает наличие элементов гражданского общества, столь необходимых для демократизации; авторитарная власть более «мягка», чем тоталитарная и имеет сдерживающие противовесы (т.е., в известном смысле, систему сдержек и противовесов); при авторитаризме власть концентрируется в руках одного человека (президента, диктатора, вождя, монарха), а при тоталитаризме – в классическом выражении – в руках господствующей партии; вся система автократизма отчасти демократична (по необходимости) и в социально-политической сфере, и в экономике. Итак, основное, что отличает политический транзит в посттоталитарной его форме от авторитарной есть разница в исходных условиях транзита;

– транзит протекает быстрее и безболезненнее для всех участников;

– транзит с меньшей вероятностью (чем посттоталитарный) способен на реставрацию авторитаризма, на откат, на неудачу в целом;

– транзит имеет незначительный риск к сползанию в тоталитаризм, в то время как посттоталитарный транзит имеет много шансов прерваться авторитаризмом.

Конечно же, наше сравнение посттоталитарного транзита с авторитарным несколько схематично. Сами понятия тоталитаризма и авторитаризма собирательны и потому условны. Фашистские тоталитарные системы отличаются от социалистических. Авторитаризм также рядом авторов делится на реакционный, консервативный и либеральный [1]. Поэтому имеет место многообразие соотношения элементов транзита в авторитарной и посттоталитарной его формах. Но выделенные нами аспекты содержания транзита в том и ином случае все же наиболее существенны и носят общий характер.

Помимо различий политической трансформации в посттоталитарных и поставторитарных обществах, можно также выделить и отличительные особенности посттоталитарного транзита в странах СНГ. Во многом они определяются его содержанием, которое можно свести к следующему.

Во-первых, практически во всех странах СНГ посттоталитарный транзит изначально принял затяжной и поэтапный характер. Во многом это было обусловлено отсутствием у них исторически сложившихся демократических традиций, опыта функционирования демократических институтов и необходимостью применения комплексного подхода в реализации реформ. В силу этого, политические преобразования в странах СНГ были тесно сопряжены с проведением рыночных реформ и процессом государственного строительства.

Во-вторых, процесс политической реформы в странах СНГ испытывал и продолжает испытывать серьезное внешнее давление со стороны крупных мировых центров влияния, что нередко вызывает неприятие со стороны национальных элит. В данном случае подразумевается геополитический фактор, который оказывает значительное влияние на ход политических реформ в постсоветских странах. Ряд крупных экономически и политически мощных стран дальнего зарубежья используют саму ситуацию политической трансформации стран СНГ в целях проталкивания своих экономических интересов и получения политических дивидендов в различных регионах постсоветского пространства.

В-третьих, посттоталитарный транзит в большинстве стран СНГ сопровождается политизацией этничности и периодическим обострением межнациональных отношений, что является следствием нерешенности проблем межэтнических взаимоотношений в бывшем СССР. Присутствуя в скрытой форме в советском обществе, в канун и после развала СССР межэтнические проблемы сразу же приняли открытую форму в различных регионах постсоветского пространства. Во многом это было связано с мощным ростом национального самосознания ряда этносов, с распространением идеи суверенизации, стремлением к обретению собственной государственности и иногда чисто территориальными спорами.

В-четвертых, население практически всех стран СНГ, воспринимавшее в начале пути реформ идеи либерализации с оптимизмом и воодушевлением, на последующих его этапах под давлением издержек социально-экономических преобразований постепенно стало отторгаться от идей либерализации. В своем общем виде это нашло отражение в трансформации политического сознания значительной части населения в странах СНГ влево. На практике же это проявилось и продолжает проявляться в некотором росте популярности партий и общественно-политических организаций левого прокоммунистического толка, в устойчивости патерналистского сознания и ностальгических настроений о социалистическом прошлом среди социально незащищенных слоев населения. В результате в некоторых регионах ряда стран СНГ примерно с середины 1990-х гг. стали образовываться так называемые «красные пояса», население которых является потенциальным электоратом партий и политических блоков прокоммунистического толка.

В-пятых, в результате трансформации государственно-политического устройства стран СНГ в ходе политического транзита в большинстве из них сформировалась президентская форма правления. Ликвидация монополии КПСС и дискредитация квазипарламентской формы правления в большинстве стран СНГ привели к установлению в их политической системе института президентства. При этом президентская форма правления в каждой из стран СНГ носит сугубо специфический характер, что обусловлено не только степенью продвинутой политической реформ в той или иной стране, но и социокультурными особенностями государств бывшего СССР.

Конечно же, некоторые из указанных отличительных особенностей посттоталитарного транзита стран СНГ в той или иной мере присущи процессу политической трансформации ряда государств Восточной Европы, которые также относятся к посттоталитарным странам. Однако в этих странах выделенные нами особенности посттоталитарного развития, по сравнению со странами СНГ, не столь ярко выражены. В большинстве же постсоветских стран они стали своего рода атрибутами политической трансформации.

В целом же, возвращаясь к особенностям политического транзита в странах с тоталитарным прошлым, необходимо отметить, что основной целью политических преобразований в них является демократия, т.е. государство, построенное на демократических принципах. При этом транзит понимается как процесс перехода от тоталитарного к демократическому государству. Однако такое понимание содержания политического транзита, как представляется, слишком неопределенно, абстрактно и расплывчато. Очевидно, что успех осуществления этой цели, сроки ее решения, критерии самого успеха и т.д. зависят от множества конкретно-исторических, геополитических, экономических и иных обстоятельств, в которых протекает транзит. Рассмотрим некоторые проблемы, встающие перед посттоталитарными странами, которые осуществляют транзит в усложнившихся условиях современного мира.

Большинство посттоталитарных стран (и стран СНГ в том числе) в отношении демократии находятся в таком положении, что практически каждую из них можно хоть сейчас объявлять демократической, так как чаще всего в этих странах присутствует, по крайней мере, формально весь спектр демократических процедур. Реально же даже по заниженным критериям демократическими из этих стран стали немногие. Представляется очевидным, что этому есть определенная причина.

Причину можно усмотреть в склонности новых лидеров (или старых, сохранивших власть еще с перестроечных времен) к консерватизму. Однако такой ответ не учитывает реальных обстоятельств, обусловивших такую модель поведения этих лидеров, при которой многие демократические начинания на территории бывшего СССР и более широко в странах бывшего социалистического содружества приводят к не вполне демократическим формам правления. Известно, что практически все в прошлом социалистические страны имеют слабые парламенты, сильное правительство и еще более сильную президентскую власть. Анализ специфических условий, в которых развивается политический транзит на постсоветском пространстве, свидетельствует, что данные обстоятельства имеют под собой вполне закономерное основание.

Дело в том, что развертывание демократии требует не только некоторого опыта демократии, но и, что самое главное, предварительного прохождения хотя бы небольшого опыта либерализма, пусть даже в монархической или авторитарной форме. Обнаруживается, что либерализм является общей основой для разных типов демократического устройства страны и общества.

На эту сторону исследования политического транзита обращает особое внимание один из российских исследователей А.В.Лукин, который напоминает, что еще И.Берлин, которого можно отнести к ряду выдающихся теоретиков либерализма, подчеркивал, что свобода более полно присутствует в режимах просвещенного либерализма (даже если он автократичен), чем в демократиях, где большинство имеет возможность навязать свою волю меньшинству [2]. И.Берлин действительно обращал на это внимание, правда, его, в первую очередь, интересовал сам принцип свободы, а также и то, как он может реализоваться в государствах различного типа. Поэтому, скорее философские, нежели политологические рассуждения И.Берлина носят несколько абстрактный характер. Однако он прав, когда различает либерализм и демократию в отношении возможностей свободы в них. Помимо этого различия И.Берлин делает и еще один вывод, очень важный для ответа на вопрос: почему демократия дает откат в сторону просвещенного автократизма во многих посттоталитарных странах? Он говорит о том, что демократия не может удержать свободу, если она сама не базируется на опыте либерализма.

Данные идеи были высказаны И.Берлиным еще в 1958 г., но только в последнее время привлекли к себе внимание в связи с проблемами демократизации стран «третьего эшелона». Как пишет А.В.Лукин: «Западные авторы лишь недавно всерьез заговорили о том, что насаждение демократии на неподготовленную для нее почву не только не увеличивает объем свобод, но может даже способствовать ликвидации ограниченного либерализма, существовавшего до демократии» [3].

Таким образом, анализируя политический транзит и видя его содержание в демократизации всех сторон общественной организации, мы столкнулись с феноменом, ког-

да демократизация для того, чтобы быть достаточно устойчивой и обладать способностью противостоять антидемократическим тенденциям, также имеющимся в транзитный период, должна опираться на реформы либерального толка, вне которых у нее нет прочного фундамента.

С отсутствием «либерального» опыта ряд авторов связывают неустойчивость и неравномерность продвижения к демократии. Так, согласно мнению американского исследователя Ф.Закария, в современном мире «наблюдается рост не либерализма, а «нелиберальной демократии», при которой избранные народом лидеры подавляют гражданские свободы». В ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки, пришедших к демократии от иных форм правления, привело к тому, что само «введение демократии в расколотых обществах, не имевших опыта конституционного либерализма, в действительности различало национализм, этнические конфликты и даже войны» [4].

Тем самым, проникая в процессы, составляющие сущность транзита, мы вынуждены вводить все новые и новые условия его протекания и новые критерии его успеха. Данное обстоятельство усложняет содержание и структуру политического транзита в посттоталитарных странах и в Казахстане в том числе. Однако такое осложнение компенсируется приближением к реальности, когда мы перестаем надеяться одним прыжком достичь уровня демократически развитых стран и должны сосредоточиться на «плановом реформировании либерального толка при сохранении определенной политической стабильности и консолидированности властных структур» [5].

Основная трудность в изучении содержания транзита, включающего в себя уже не только такую цель, как достижение достаточно устойчивой демократии, но и осуществление предварительного, либерального реформирования, состоит в том, что содержание либерализма является еще менее понятным, нежели демократии. Если за последние годы казахстанское общество в какой-то степени осознало демократические нормы и принципы, то либерализм ощущается им как нечто устаревшее, как реальность XIX века. Поэтому выяснение механизмов осуществления реформирования общества на либеральных основаниях

требует раскрытия самого содержания либерализма.

Либерализм как понятие возникает не ранее XVIII в. и закрепляет в себе практику капиталистических отношений, при которых человек мог действительно обрести свободу («либерти» и означает – «свобода»), если и не подлинную, то свободу в экономическом отношении. С XIX в. именно экономическая свобода стала пониматься как «вся свобода», вследствие того, что экономика стала играть доминирующую роль в обществе.

Либерализм, хотя часто и употребляется в связке с понятием «демократия», образуя устойчивое словосочетание – «либеральная демократия» или «либерально-демократически» принципы, заметно отличается от демократии. Либерализм основан на праве личности быть свободной, чему в реальных условиях способствовал именно капиталистический уклад общества. Один из российских исследователей А. Дугин, занимающийся проблемами соотношения демократии и либерализма, определяет либерализм так: «Либерализм – это идеология, целиком и полностью центрированная на человеческом индивидууме, на его благосостоянии, и требующая для этого индивидуума самого высокого дара – «свободы». ...«Человек», «индивидуум» либерализма есть нечто прямо противоположное «гражданину», как понимали его греческие демократы, так как «гражданин» создается из причастности к традиции, земле и истории, а просто «человек» (в либерализме) есть категория сугубо абстрактная, заведомо очищенная от историко-социальных наслоений. ...«Свобода» в учении основателей либерализма относилась именно к такому персонажу. Именно этот тип ставился либералами в центр их представления об обществе, о политическом и экономическом устройстве государства, о ходе человеческой истории» [6].

Становится ясным, что либерализм не совпадает с демократией, т.к. он ориентируется на свободу индивида, а демократия опирается на право большинства. При этом демократическим образом может быть «ущемлена» свобода индивида. Но и от либерализма идет определенная угроза демократии, т.к. он способен разрушить ее изнутри, разложив общество сначала по групповым ин-

тересам, а затем и на индивидуальные цели и интересы. Ряд исследователей, например, И.И. Петров резко критикуют либерализм за его разрушительное воздействие на все стороны общественной жизни. Мультикультурализм и преувеличенный индивидуализм – характерные особенности «старого либерализма» привели, согласно мысли И.И. Петрова, к глобальному кризису, который проявляется в самых разных сферах: «...в политической области – в социальной пассивности граждан, нежелании участвовать в выборах и в работе политических партий, в сфере гражданского общества – в разрушении семьи, общины, государственности, а, в конечном счете, – во фрагментарности, сегментации и демонтажу общественных институтов...» [7].

Приведенные относительно либерализма соображения, при некоторой их спорности, следует иметь в виду, анализируя сущность политического транзита, т.к. практически все модели транзита привлекают и либерализм, и демократию в качестве этапов такого транзита. При этом авторы моделей обосновывают содержательную преемственность либерализма и демократии. К примеру, как пишет А. Степан, если в авторитарных условиях «либерализация» может включать сочетание таких политических и социальных изменений, как ослабление цензуры в СМИ, расширение свобод независимых рабочих организаций, восстановление ряда индивидуальных юридических гарантий, освобождение большинства политических заключенных, возвращение политэмигрантов и даже терпимость в отношении политической оппозиции, то «демократизация», вбирая в себя либерализацию, предполагает проведение более широких политических преобразований, главными из которых являются свободные выборы. Таким образом, если либерализация по преимуществу модифицирует взаимосвязи государства и гражданского общества, то демократизация в основном меняет взаимоотношения между государством и политическим обществом как таковым [8].

Во временном масштабе либерализм и демократизация представляют две фазы общего процесса. Поэтому они взаимообусловлены и их последовательность говорит лишь о том, что без предварительной либерализации не может быть глубокой де-

мократизации общества и демократия не может укорениться. Но надо ясно понимать, что либерализация продолжает свое развитие и уже на демократическом уровне общественного развития. Она углубляется и захватывает новые социальные слои. Вообще политический транзит хорошо бы понять не только лишь как линейный, одномерный процесс, но как процесс объемный, развивающийся и по горизонтали, и по вертикали. Тогда либерализация общества – процесс перманентный, одновременный с демократизацией. Собственно, именно поэтому и оправданно говорить о демократическом либерализме, о либеральной демократии, о либерально-демократических ценностях современного мира и т.д. Если бы либерализм исчез, перерастая в демократию, как можно (неверно) подумать, исходя из ряда моделей политического транзита, то либерализм был бы ничем иным, как начальным этапом демократии. Но это далеко не так. Они связаны, но отличны друг от друга. Думается, что по мере общественного развития различия (доходящие до противоречия) их будут возрастать.

Для цельного понимания политической трансформации посттоталитарных стран важным является также обращение к реальным и конкретным проблемам политического транзита. Причем, содержание транзита необходимо исследовать и в политическом аспекте, и в более широком контексте.

Не следует думать, что политический транзит в посттоталитарных странах протекает в условиях, изолированных от влияния всего комплекса проблем, стоящих перед реформирующейся страной и что сферой политического транзита является только политическая система страны. Конечно, специальным предметом исследования в данном случае является именно политический транзит, но он, для того, чтобы быть успешным, обязан учитывать и те реалии, которые сопровождают транзит, и те, какие детерминируют его с экономической, социальной, культурной и иных сторон реформы.

Взять, к примеру, цель политического транзита: государство с устойчивой демократической системой. Последнее десятилетие показало, что демократия – категория не только социально-политическая, но и

финансово-экономическая. Подавляющее число исследователей усматривает главную причину имевшего место экономического кризиса в Юго-Восточной Азии именно в отсутствии развитой демократии в Таиланде, Индонезии, Южной Корее и Малайзии.

Данная позиция исследователей, на первый взгляд, выглядит странной, однако при более углубленном рассмотрении оказывается, что она имеет под собой весьма объективное основание. Дело в том, что тот отлаженный механизм привлечения иностранных инвестиций, который и позволял «азиатским тиграм» наращивать прирост ВВП на уровне 7-9% в год, оказался напрямую связан с автократическими формами правления в этих странах. Такая форма правления гарантировала сохранность иностранных инвестиций, позволяла выстроить совершенно не рыночные отношения между банками и развивающимися отраслями промышленности, давала возможность государству осуществлять регулирование многих сфер экономики и т.д. Была создана стройная система взаимоотношения всех звеньев экономики-политической «машинь». Однако эта система, хотя и спекулировала на открытости финансовых потоков и растущей либерализации всемирного финансового рынка, была не готова столкнуться с другими проявлениями глобализации, в частности, с открытостью фондовых рынков и таким явлением, как панический отток инвестиций. Жесткость системы, восходящей к автократической форме правления, длительное время обеспечивала успех ряду стран Юго-Восточной Азии, но именно вследствие жесткости и ограниченности этой системы, она не смогла справиться с возникшими негативными для нее обстоятельствами.

Пример с кризисом 1997 г., охватившем Юго-Восточную Азию и продолжающимся в некоторых своих проявлениях до сих пор, подсказывает, что незавершенность демократических преобразований – а в этом регионе демократические преобразования остановились как раз в тот момент, когда стало ясно, что экономика стала расти и что система власти, вроде бы, не нуждается в дальнейшем реформировании – чревата откатом и в собственно экономической сфере. Эксперты отмечают, что тот же менталитет, благодаря которому страны Юго-Восточной Азии смогли достичь высокого уровня

экономического развития, потворствует авторитарности государств этого региона. Как замечает российский исследователь Г.И.Мирский, «люди в Азии требуют от своих правительств не столько «соблюдения прав человека» или «демократии», сколько эффективного и честного управления» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень развития экономики оказывает очевидное влияние на ход политического транзита. Экономическое развитие страны определяет скорость и успех транзита. В то же время глубина политических преобразований в транзите непосредственно сказывается на дальнейшем прогрессе экономической системы.

Влияние культурного уровня страны, находящейся в процессе интенсивного реформирования ее политической системы, также значительно. Здесь укажем на следующее очевидное, но часто упускаемое из виду обстоятельство. Общий уровень культурного развития государства, проявляющийся в системе образования, науки, в характере функционирования учреждений культуры: библиотек, театров, концертных залов; в условиях, которые предоставлены искусству, литературе и т.д. – этот общий уровень культуры напрямую связан с уровнем так называемой политической культуры. А от уровня политической культуры зависит успех или неуспех осуществления отдельных звеньев и этапов политического транзита. Какую бы модель, описывающую политический транзит, мы не взяли, все они включают в себя как необходимые элементы: политически корректную, но сложившуюся и конструктивную оппозицию (что, конечно же, невозможно без развитой культуры политической борьбы); умение власти вести диалог с оппозицией; готовность оппозиции в подходящий момент взять власть и т.д.

Однако, говоря о значении культуры для успеха политического транзита, не следует ограничиваться пониманием культуры, только как политической культуры. Культура в самом широком ее понимании важна не менее политической культуры. Если исходить из того, что развитию демократизации должна предшествовать достаточно широкая либеральная база, то необходимость культуры проистекает из того, что без нее не может быть либерализма.

Важна культура и в ее национально-ценностных измерениях. Если традиционная культура нации отторгает и не принимает необходимое для политического транзита содержание, если каждый шаг в транзите совершается вопреки ценностям ориентациям общества, то успех на таком пути вряд ли возможен.

Общей проблемой для всех стран СНГ при их транзите от тоталитаризма к демократии является слабое развитие гражданского общества. Не приходится доказывать, что именно посредством гражданского общества, через систему гражданских инициатив только и можно осуществить движение от тоталитарного общества к либерализму и от него – к демократии. Особенно важно наличие гражданского общества при переходе от либерализма к этапу демократического развития. Ф.Шмиттер подчеркивает, что «мобилизация структур гражданского общества – важнейший фактор перехода от стадии либерализации к демократизации» [10].

По мере перехода к демократической стадии транзита о прогрессирующей потребности в гражданском обществе рассуждает немецкий исследователь Е.Мачкув. Он пишет, что «исходное отсутствие организованных интересов способствовало началу реформ. ...Однако со временем возникла угроза подрыва политической стабильности, вследствие проникновения спонтанных и сиюминутных... сил. ...В связи с этим одной из задач посттоталитарной системной трансформации является создание как можно более благоприятных условий для формирования, быстрой институционализации и утверждения автономных политических и социальных игроков. Должны возникнуть плюралистические партийные системы и структуры гражданского общества» [11].

Вполне объективной и основной причиной гражданского общества на начальных этапах политического транзита, а, зачастую, и много дольше, является отношение предшествующей транзиту тоталитарной системы. «Тоталитарные системы всегда систематично старались избавиться от групп, выступающих в качестве посредников между личностью и государством» [12]. А именно совокупность таких «групп» в их взаимодействии и образуют гражданское общество. Причем, согласно мнению одного из зарубежных транзитологов С.М.Липсета, толь-

ко тоталитарные общества, в соответствие со своей сущностью, не позволяют развиваться гражданскому обществу внутри себя. Авторитаризм же, вполне лоялен к институтам гражданского общества и во многих странах с авторитарной формой правления можно видеть достаточно развитые структуры гражданского общества (Испания периода Франко, Чили при Пиночете, страны Юго-Восточной Азии и т.д.)

Таким образом, гражданское общество является необходимым внутривнутриполитическим элементом стабильно и прочно функционирующей демократии. Поэтому уровень развития гражданского общества может служить критерием позитивности политического транзита. Тот же С.М.Липсет подчеркивает, что «главное условие существования стабильной демократии (как цели политического транзита) – это наличие сильных партий внутри действующего гражданского общества» [13].

На осуществление системной трансформации в транзитных странах, наряду с внутренними факторами, значительное влияние оказывают те внешние условия, в которых они оказываются в период осуществления преобразований.

Одна из сложнейших проблем, стоящих перед странами, вступившими на путь демократического развития в последние годы, заключается в том, что эти страны поневоле оказываются в роли аутсайдеров: они отстают от развитых стран не только по демократическим критериям, но и экономически. Поэтому они вынуждены перенимать у развитых стран и доказавшую свою эффективность социально-политическую систему, и способы хозяйствования. Эти страны идут в фарватере мирового развития, но значительно отстают от идущих впереди: в политологии введен даже специальный термин для обозначения места стран «третьей волны демократизации» – они относятся к так называемым «догоняющим странам», а их развитие носит наименование «догоняющего развития».

В литературе, посвященной проблемам политического транзита, показано, что роль «догоняющей страны» проигрывает. Так, например, Р.Пребиш, описывая отношения развитых стран (центр мировой капиталистической системы) и стран с «запаздывающим развитием» (периферия мировой капи-

талистической системы), выводит ряд закономерностей. Первое: периферия всегда зависит от центра и всегда отстает от него; второе: отсталость периферии в век технологий проявляется именно как технологическая отсталость; третье: она ведет к дополнительному перераспределению прибыли в пользу центра; четвертое (и самое главное для понимания трудностей транзитных процессов): технологически-экономическая отсталость «продуцирует и воспроизводит отсталую социальную структуру, в которой резко конфликтную форму приобретают противоречия между властными элитами, концентрирующими капитал и тратящими его на престижное потребление, и социальными слоями, не имеющими доступа к власти» [14].

Нарастающая глобализация за десять лет, прошедших со времени, когда Р.Пребиш высказал эти свои положения, привела к тому, что «периферийные» страны попали в еще большую зависимость от стран «центра». Более того, развитые страны сейчас имеют в своем арсенале огромное количество способов давления на страны, находящиеся в транзите. В действительности далекая от идеала демократическая система таких стран в любой момент дает основания «центру» высказать «вполне объективную критику» по поводу нарушения прав человека, отсутствия реальных институтов демократии и т.д. Другой формой влияния на посттоталитарные страны со стороны «центра» выступают постоянно изменяющиеся «правила игры»: не успевает «догоняющая страна» выполнить одно условие со стороны «центра», как требуется выполнение уже других условий, отличных от исполняемых и т.д.

Вследствие такого положения встает правомерный вопрос: какова роль национального правительства «догоняющей страны» в условиях глобализации? Этот вопрос приобретает особую значимость в связи с анализом содержательной специфики политического транзита в различных странах. В какой мере своеобразие транзита: его темпы, результаты, определяющие его силы, связаны с национальной, этнической спецификой государства? Данный вопрос делает обращение к роли национального государства и национального правительства оправданным в контексте транзитологии.

Роль эта двойственна и противоречива. С одной стороны, имеются явные тенденции

к сокращению функций и возможностей национальных правительств, вследствие нарастания интеграционных процессов в финансовой, экономической, экологической и правовой сферах. Функции национальных правительств берут на себя некие наднациональные органы. С другой стороны, мы видим, что национальные движения часто приводят к образованию новых национальных государств, которые прежде чем интегрироваться в мировое сообщество, желают развить свою государственность. Помимо этого, даже и интеграционные процессы, которые имеют тенденцию к размыванию национальных границ, наталкиваются на свои пределы и часто сами способствуют сохранению национальных государств. Так, например, «даже действующие в глобальных масштабах транснациональные компании не заинтересованы в ликвидации национальных барьеров, поскольку это означало бы быстрый рост затрат на оплату труда в развивающемся мире, где находятся их производственные филиалы» [15].

Национальные государства изменяют некоторые свои функции и обретают новые. С этой двойственностью роли национальных государств в современном мире напрямую связана неоднозначная роль государства в транзитных процессах, в рыночных реформах, в международных отношениях. Но в странах, осуществляющих политический транзит от тоталитаризма, роль государства более определена: оно должно быть субъектом этого процесса, стороной диалога, какое-то время гарантом стабильности. По мере формирования гражданского общества некоторые функции государства отойдут к институтам гражданского общества. Потому в политическом транзите изменяется и роль государства.

Остается дискуссионным вопрос о влиянии «внешних сил» на процессы политического транзита в той или иной стране. Если современная политология однозначно утверждает наличие такого воздействия, то такие классики транзитологии, как, например, Ф.Шмиттер, Л.Уайтхар, сводят «внешнее влияние» к минимуму. Но и они соглашались с тем, что внешнее воздействие на транзитные процессы в странах СНГ заметно больше, нежели в странах «второй волны демократизации». Они усматривают несколько способов и форм такого влияния,

из которого мы отметим один, на наш взгляд, наиболее ощутимый. Он получил в транзитологии наименование «связывание условиями». Термин введен Ф.Шмиттером и означает «сознательное использование принуждения путем установления особых условий распространения выгод со стороны международных институтов» [16].

Конечно же, влияние международных организаций на процессы политического транзита в странах СНГ значительно. Достаточно напомнить «советы» Всемирного банка и т.д. Иной раз этими международными структурами даже разрабатывается для транзитных стран тактика проведения реформ в сфере образования, здравоохранения, в правовой сфере и т.д. Причем следует отметить, что и само это внешнее влияние не остается постоянным, долгосрочным и стратегически выверенным. Страны Восточной Европы и СНГ вступили в процессы транзита в обстановке нестабильности самой международной системы. Данное обстоятельство, в частности, обосновывает и объясняет изменение тактики внешнего влияния на транзит в странах СНГ.

Другим важнейшим фактором, оказывающим воздействие на процессы транзита, является глобализация. Оба этих аспекта внешнего влияния усложняют как международную ситуацию, в контексте которой протекает транзит, так и характер самого влияния на страны, находящиеся в транзите. В свое время З.Бжезинский так характеризовал эту ситуацию: «Завершение ... великой битвы между Соединенными Штатами и СССР совпадает с появлением признаков базисной трансформации природы международной политики. Эта трансформация, прогрессивно ускоряющаяся под влиянием современной экономики и коммуникаций, означает и сокращение первичности нации – государства, и появление более прямой связи между внутренней и глобальной экономикой и политикой. Все в большей степени мировые дела формируются внутренними процессами, не признающими границ и требующими коллективной реакции со стороны правительств, которые все в меньшей степени способны действовать в «суверенном режиме» [17].

Такая ситуация ведет к вынужденному сокращению сферы и объемов государственного суверенитета, о чем говорилось выше и что, конечно же, открывает возможность

более активному вмешательству международных структур и даже транснациональных компаний в дела суверенных государств. Большое влияние при этом оказывается и на скорость, ход, цели и результаты политического транзита. Практически нельзя выскользнуть из-под такого влияния, и перед суверенной страной встает задача не столько противостоять этим процессам, сколько выдержать этот международный прессинг. «Страны, чьи социальные организации не выдерживают прессинга новой глобальной пирамиды, деградируют, коррумпируются и разрушаются...» [18].

Внешнее влияние на транзитные процессы в странах СНГ отчасти позитивно, а отчасти носит отрицательный характер. Позитивно оно в той мере, в какой страны развитой демократии могут служить «образцом для подражания». К сожалению, они оторвались в своем развитии и ушли далеко вперед: сегодняшнее их состояние перенять практически невозможно, а воссоздать и повторить их исторический опыт трудно вследствие того, что мир с тех пор значительно изменился, и требуются совсем

иные способы для достижения тех же результатов.

Отрицательное же внешнее влияние происходит из-за возрастающей конкуренции на мировой арене, буквально по всем позициям, вследствие чего развитые страны ради удержания стран развивающихся в их статус-кво могут давать недобросовестные советы или же вынуждать транзитные государства к политике, не отвечающей национальным интересам.

Рассмотренные нами проблемы политического транзита посттоталитарных стран не исчерпывают всего содержания транзита. Однако этот анализ позволяет понять политический транзит как достаточно сложное явление, связанное с различными факторами.

Завершая анализ основных особенностей политического транзита в посттоталитарных странах, хотелось бы заметить, что политический транзит во многом является специфическим явлением, поэтому при более детальном анализе его характера необходимо учитывать индивидуальные особенности конкретной страны.

Литература

1. См., например, статью: Сумбатян Ю.Г. Авторитаризм как категория политической науки // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 6. – С. 63.
2. Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Полис. – 1999. – № 2. – С. 142.
3. Там же.
4. Там же. – С. 134-154.
5. Там же. – С. 151.
6. Дугин А. Демократия против либерализма // Элементы. – 1998. – № 2. – С. 38.
7. Петров И.И. Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий // Общественные науки. – 1996. – № 5. – С. 72.
8. Stepan A. Democratizing Brazil. Problems of Transition and Consolidation. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. P. ix.
9. Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели? // Полис. – 1996. – № 6. – С. 4.
10. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. – 1999. – № 3. – С. 32.
11. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепция, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 51.
12. Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Век XX и мир. – 1994. – С. 4.
13. Там же.
14. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: 1992. – С. 46-47.
15. Кувалдин В., Рябов А. Национальное государство в эпоху глобализации // Свободная мысль. – 2000. – № 1. – С. 41.
16. Никитченко А.Н. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис. – 1996. – № 5. – С. 57.
17. Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. – 2000. – № 1. – С. 24.
18. Неклесса А.И. Ordo andro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. – 2000. – № 6. – С. 21.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Биржанова Ж.А.

СФЕРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

До второй половины XX века психологическое воздействие использовалось в рамках практической психологии, выполняло функцию помощи и допускалось лишь с согласия человека, на которого воздействовали. Однако в начале 80-х годов на Западе появилось понятие информационно-психологического влияния, которое применялось уже в политике, выполняло функцию воздействия и допускалось не только без согласия отдельного человека, но также было нацелено на изменение массового сознания.

Впервые в мире к самым эффективным технологиям XX века обратились США, применяя в информационной войне психологические методы воздействия на массовое сознание. Рональд Рейган сразу же после прихода в Белый дом выдвинул свою стратегию национальной безопасности, состоящую из четырех компонентов: дипломатического, экономического, военного и информационного. С приходом Рейгана к власти, информационное воздействие стало принципиально иным. Началась эра глобальной борьбы за общественное сознание народов. Кроме того, современные методы информационной войны стали тоньше и эффективнее за счет применения психологических методов.

Существует множество техник психологического влияния, однако все они укладываются в рамки основных психических процессов: внимания, памяти, мышления и воображения. Зная особенности и свойства данных процессов, можно влиять на психику человека. Американские психологи Ф. Зимбардо и М. Ляйппе в книге «Социальное влияние» утверждают, что существуют три различные сферы взаимодействия людей, где можно наблюдать психологическое влияние: межличностная среда, специально создаваемая среда убеждения и сфера СМИ [1].

Наиболее индивидуализированные ситуации влияния встречаются в *межличностной среде*, где число непосредственных уча-

стников невелико и общение агента влияния с его объектом происходит с глазу на глаз. Усилия, предпринятые двумя лучшими друзьями, для того, чтобы убедить третьего сходиться с ними в кино, – пример межличностного влияния. Однако таким же примером может служить и личный контакт с незнакомцем с целью обращения его в новую веру. Современные религиозные секты блестяще используют психологию в разработке методов вербовки людей. Сектанты не используют массовый гипноз, не занимаются «прочисткой мозгов», нет применения физической силы и угрозы расправой. Обычно нет даже харизматического лидера, чьи чары могли бы заставлять человека менять образ жизни. Кроме того, большинство вербуемых вообще лишены возможности личного контакта с преподобным лидером секты. В действительности методы влияния, с помощью которых и происходит столь стремительное обращение в новую веру, – это нормальные психологические процессы, которые могут быть описаны в рамках известных теорий.

Большинство людей в момент вербовки испытывают чувства социальной отверженности, одиночества или страха, неуверенности в собственном будущем. Психологические проблемы личностного характера являются одной из причин невероятно быстрого обращения людей в члены секты. Другая причина заключается в количестве и многообразии применяемых сектантами стандартных техник влияния. В повседневной жизни тем, кто хочет убедить человека в чем-либо, может оказаться достаточным единственным приема для достижения цели. Однако сектанты пользуются весьма богатым арсеналом средств. Ф. Зимбардо выделяет следующие психологические моменты в стандартной структуре обращения в секту:

1. Небольшая уступка, на которую соглашается вербуемый, влечет за собой все более и более существенные уступки. «Приходи на обед – проведи в общине выходные – останься еще на недельку – отдай нам свои деньги».

2. Новичка постоянно уверяют в том, что принятие идеологии «Церкви» наилучшим образом решит любые его личные проблемы.

3. Сила групповой динамики: здесь значение имеют и количество, и личное обаяние, и обходительность членов общины, вступающих в личный контакт с обращенным в веру.

4. Отсутствие возможности протестовать и спорить: новичка постоянно пичкают все новой и новой информацией, занимают различными мероприятиями, он редко остается наедине со своими мыслями.

5. Позитивное подкрепление (улыбки, внимание и забота, уделяемые гостю общины и т.д.) [2].

Такой же негативный пример комплексного использования приемов влияния – террористические организации, способы вербовки которых зачастую напоминают методы сектантов. Однако данные методы используются не только с негативной целью. Немалое влияние постоянно оказывают друг на друга члены крепко сплоченных спортивных команд и производственных коллективов. Данная техника также применяется в современных методах лечения алкоголизма и наркомании в рамках системного подхода в психотерапии.

Таким образом, межличностная среда, являясь одним из полигонов психологического влияния, воздействует на индивидуальном уровне. То есть, влияние оказывается на одного человека, учитывая при этом его личностные и индивидуальные особенности. Это достаточно трудоемкая и сложная работа «психолога-практика». Однако более утонченной и требующей природного таланта является по Ф. Зимбардо ораторское искусство, осуществляемое в *специально создаваемой среде убеждения* [3]. Здесь человек, обращающийся к слушателям с речью, пытается убедить аудиторию согласиться с каким-либо утверждением или совершить какое-либо действие. Специально создаваемая среда убеждения менее индивидуализирована, чем вышерассмотренная среда межличностного взаимодействия. Несмотря на это, многие ораторы достигают значительного успеха, увлекая за собой аудиторию. Их призывы оказываются настолько эмоциональными и эффективными, что таким людям присваивается титул харизматических лич-

ностей. Среди них известные всему миру – Мартин Лютер Кинг, Владимир Ленин, Рональд Рейган, Адольф Гитлер.

Богатство голосовых модуляций, эмоциональный подъем, энергичность речи прекрасно служили великим ораторам в стремлении повести за собой массы. Кроме того, они мастерски пользовались необходимыми невербальными средствами воздействия. Выражение лица, чувства, звенящие в голове – гнев, сострадание, радость – полностью соответствовали произносимым словам. Эмоциональное воздействие в ораторском искусстве играет важную, если не главную роль. Джим Джонс – христианский священник, совершенно незаметный в масштабах мировой истории (если сравнивать с Гитлером), уговорил прихожан своей церкви совершить безумный поступок – отравить собственных детей, покончить жизнь самоубийством и убить тех, кто отказался умирать. Массовый акт самоубийства в 1978 году в Гайане унес 913 жизней, в том числе более 200 детей [4]. Понятно, что столь колоссальное воздействие на обычных людей оказали риторические способности Джонса. Произнесенная им речь о самоубийстве обладала «структурой, направленной на решение проблем». Сначала были обозначены *рамки проблемы*. Джонс рассказывает людям о том, что конгрессмен с минуты на минуту будет убит их разъяренным собратом, действующим якобы самостоятельно (на самом деле Джонс лично отдал приказ об убийстве). Теперь в Джонстаун будут посланы американские головорезы, которые устроят настоящую бойню, начав со стариков и детей. Единственный способ для общины избежать возмездия он видит в акте самоубийства. Затем Джонс ярко и убедительно преподносит *решение проблемы как собственный выбор каждого человека*. Другими словами, люди остаются уверенными, что они сами приняли решение о самоубийстве и верят в то, что это единственный выход из сложившейся ситуации. Такой эффект достигается с помощью акцентирования внимания на самой проблеме и сгущении красок вокруг «безвыходной ситуации». Человек, доведенный до отчаяния личными проблемами, столкнувшись с проблемой более глобальной и от него не зависящей, опускает руки. Все предлагаемые или приходящие на ум решения имеют более или менее эмоционально болез-

ненные последствия, за которые человек не хочет (или устал) нести ответственность. Единственное решение, после принятия которого человеку становится действительно все равно – это самоубийство.

Описанная история произошла в Америке. Суицид же в Казахстане – дело не новое и не редкое. Социальная и экономическая нестабильность может оказать большую услугу таким «искусным ораторам». В этом смысле информация оказывает активное воздействие на психику людей и может стать реальным оружием в устах профессоналов.

Переходя к изучению третьей среды проявления психологического влияния – среды СМИ – можно утверждать, что многое зависит от психических реакций самих людей на любые попытки информационного влияния СМИ. Современные средства массовой информации включают в себя телевидение, радио, газеты, журналы и Интернет.

Первые предположения о возможности влияния СМИ на установки, ценностные ориентации, поведение людей в целом носили психологический характер и возникли в 30-х гг. XX века в рамках бихевиоризма. Данное направление в американской психологии отрицало сознание как предмет научного исследования и сводило психику к различным формам поведения, понятого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды. Представители бихевиоризма считали, что СМИ оказывают прямое, немедленное и результативное воздействие на человеческое поведение [5]. Этот вывод нашел свое отражение в так называемой модели «подкожной инъекции», согласно которой эффект, оказываемый СМИ, аналогичен результату инъекции наркотика в вену. Многочисленные лабораторные эксперименты не привели ученых к какому-либо однозначным результатам.

В 50-х годах Е.Кац и П.Лазерфельд предложили модель «двух шагового влияния», в которой обозначили важность учета социальных отношений при определении степени воздействия СМИ. Так, ряд людей, по их мнению, являются «лидерами мнений», которые существенным образом влияют на формирование позиций у остальных. Эти люди чаще обращаются к СМИ, например гораздо больше сидят у телевизоров. В результате они более подвержены

воздействию СМИ и в качестве лидеров мнений передают сообщения другим [6].

Другая теория – теория «культурных эффектов» – тоже утверждает, что СМИ оказывают существенное влияние на аудиторию. Однако воздействие при этом вовсе не такое быстрое и специфическое, как считали вышеуказанные ученые. Согласно этой теории, если определенные идеи, стереотипы, интерпретации передаются через СМИ постоянно, то они могут повлиять на представления аудитории об окружающем мире. Например, если зарубежная пресса всеми возможными способами формирует угрожающий образ религиозного экстремизма в качестве ситуации в Центральной Азии, то медленно и верно эта информация укоренится в сознании людей. В результате на Западе Центральная Азия будет ассоциироваться с войной и терроризмом.

Плюралистические, «рыночные» или либеральные теории утверждают, что СМИ отвечают запросам рынка. Иначе говоря, люди смотрят и воспринимают ту информацию, которая им нравится и интересна. Большинство плюралистов не видят в возможности влияния СМИ на поведение людей причину для тревоги.

В отличие от всех предыдущих теорий, марксисты обращают основное внимание на возможность СМИ «контролировать» общество. Они формируют определенное сознание, предохраняя людей от осознания реальной ситуации. Считается, что содержание развлекательных программ нацелено на формирование и поддержку определенного статус-кво существующей социальной системы. Более того, представители данной теории склоняются к мнению, что существует прямая связь между количеством криминальных сериалов и передач с ростом преступности и насилия в стране [7].

Еще в XIX веке родилось представление о том, что частота обращения к СМИ ведет к росту преступности. Современные результаты экспериментальных исследований позволяют сделать практические выводы о влиянии агрессивного кино на преступность. «Насилие шествует по отечественным экранам на фоне крушения господствовавших в советское время идеалов и ценностей, заметного упадка нравственности. Поскольку в ситуации социальной и политической нестабильности роль сдерживающих факторов

(воспитания в семье и школе) ослабевает, это способствует усилению негативного воздействия экранного насилия на сознание многомиллионных масс» [8].

Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что СМИ захватили власть над массовым сознанием и целенаправленно формируют определенное общественное мнение с помощью специальных техник влияния. Некоторые из психологических техник будут описаны ниже.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДПОРОГОВЫЕ ТЕХНИКИ ВЛИЯНИЯ

Кроме непосредственного и «неконтролируемого» информационного влияния существует вполне целенаправленное и достаточно результативное воздействие. Во второй половине XX века американцы открыли новые ресурсы и методы психологического воздействия, взяв за основу идею о бессознательном поведении человека в результате внушения. Эффективной формой неосознаваемого влияния является сублиминальное влияние – изменение аффективных и когнитивных реакций, вызванное стимулами, слишком слабыми для того, чтобы их можно было уловить сознательно. Лабораторные исследования в США показывают, что визуальные стимулы, мелькающие слишком быстро для осознаваемого зрительного восприятия (эффект 25 кадра), или «заслоненные» от осознания более сильными стимулами, все равно оказывают влияние. Сами эти стимулы со временем начинают больше нравиться людям. Далее, сублиминально предъявленные стимулы, которые вызывают сильные эмоциональные или тематические ассоциации, подготавливают реципиента к определению и интегрированию дальнейших событий в рамках этой эмоции или темы. Иначе говоря, человеку «навязывается» определенная установка. Учеными пока не установлено, является ли этот эффект стойким, можно ли его усиливать и влияет ли он на поведение человека. Методика оказания подобного влияния считается неэтичной и преследуется законом в США и других странах запада. Это преследуется, если воздействие «основано на обмане, предусматривает активную цензуру противоположных мнений или уничтожает мотивацию или способность защищаться от влияния» [9]. Поскольку подпороговые

стимулы остаются незамеченными, то невозможно выдвигать контраргументы или сопротивляться как-либо иначе человеку, подверженному влиянию и неподготовленному психологически. В качестве гипотезы ученые предполагают, что осознание факта психологического воздействия нейтрализует сам эффект влияния.

Одним из самых эффективных методов на современном этапе развития психологии, а точнее психолингвистики, является НЛП – нейролингвистическое программирование. В основе данного направления психологии лежит психоанализ и, так называемый, эриксоновский гипноз, когда-то разработанный великим психотерапевтом Э. Эриксоном в терапевтических целях. Структура данной методики включает в себя такие техники, как *скрытая гипнотизация во время беседы, гипнотическое запечатление, программирование пациента на желаемую реакцию, усиление данной реакции, повышение эффективности контакта и т.д.* [10].

Один из наиболее простых способов подачи неосознаваемых команд, указаний, установок и т.д. заключается в том, что в передаваемый текст (звучащий или печатный) вводится так называемая «вставленная речь» («скрытое сообщение»). Она образуется как бы внутри основного текста, в котором интонацией или графически выделяются отдельные слова, в совокупности составляющие скрытую команду. В результате срабатывает механизм межполушарных взаимоотношений в восприятии информации. Поскольку за оценку контекста сообщений «ответственно» правое полушарие мозга (а за словесное содержание – левое), полученная таким образом информация не осознается, но сохраняет свою действенность.

В системе НЛП разработано множество психотехник, позволяющих средствами телевидения достаточно эффективно привлекать внимание зрителя к заранее намеченным качествам демонстрируемого объекта и формировать соответствующие установки. Возможности НЛП позволяют не только легко создать положительное эмоциональное отношение к предмету или явлению, но и не менее просто создавать заданные отрицательные установки и устранять из памяти актуальные образы или эпизоды. Уникальность этих техник в том, что, представляя собой манипуляции со зрительными обра-

зами, они легко переводятся на язык современного телевидения.

Не стоит сомневаться в том, что, созданная в благих целях эффективная психотерапевтическая методика XX века в XXI веке будет с большим финансовым успехом использоваться в целях захвата информационного поля любого государства, которое хоть на миг будет отставать в развитии информационных технологий.

Одной из модифицированных видов такой методики является *система ВААЛ*, созданная в 1992 году российскими специалистами [11]. Данная программа позволяет составлять текст с заведомо программируемой реакцией читателя, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданным вектором воздействия, выявлять личностно-психологические качества авторов текста и делать многое другое. Как отмечают авторы этой системы, области возможного применения очень широки:

- составление текстов выступлений с заранее заданными характеристиками воздействия на потенциальную аудиторию;
- активное формирование эмоционального отношения к политическому деятелю со стороны различных социальных групп;
- составление эмоционально окрашенных рекламных статей;
- психо- и гипнотерапия;
- скрытое психологическое тестирование и экспресс-диагностика;
- создание легких в усвоении учебных материалов;
- информационные войны;
- контент-анализ текстов;
- мониторинг СМИ.

Литература

1. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб. Изд. «Питер». 2000. с. 18
2. Там же, с. 23.
3. Там же, с. 17
4. Там же, с. 32
5. Осипова Н.Г. Теории и практика «влияния» средств массовой информации в современной зарубежной социологии. Вестник моск.ун-та Сер.18. Социология и политология. № 1. 2001. С. 92
6. Там же, с.100.
7. Там же, с. 102.
8. Полуэхтова И.А. Телевидение как механизм социального контроля. Вестник моск.ун-та Сер.18. Социология и политология. № 1. 1998. С.51.
9. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб. Изд. «Питер». 2000. С. 308
10. Цветков Э. Тайные пружины человеческой психики. – Москва 1993. С. 6.
11. Шалак В.И. ВААЛ – 2000. www.VAAL 2000. newmail.ru
12. Там же.

В настоящее время, по официальным данным, пользователями системы ВААЛ являются ряд крупных банков, рекламных компаний, издательских компаний, газет. Она нашла применение при проведении ряда кампаний по выборам депутатов Государственной Думы 1993, 1995 и 1999 годов, выборов президента в 1996 году [12].

Таким образом, информационные технологии конца XX века превратились в мощное оружие скрытого воздействия на массовое сознание. В связи с этим актуальность приобретают вопросы *психозеологической защиты* от информационной агрессии, угрожающей населению, а значит – целостности и безопасности государства.

В данном случае целесообразно провести *комплексную программу диагностики состояния информационного пространства Казахстана*, один из вариантов которой изложен ниже.

Проект диагностики состояния информационного пространства Казахстана.

1. Контент-анализ СМИ – телевидение, радио, газеты, журналы и Интернет.
2. Опрос населения по СМИ. Выявление информационного поля воздействия на массовое сознание.
3. Анализ статистики по преступности, фактам суицида, а также статистических данных по психическим заболеваниям.
4. Анализ правовых методов обеспечения информационной безопасности Казахстана.
5. Анализ организационно-технического обеспечения информационной безопасности Казахстана.
6. Анализ экономических методов обеспечения информационной безопасности Казахстана.

PUBLIC RELATIONS И ПРОПАГАНДА: ОТЛИЧИЕ И СХОДСТВО

Халабузарь О.П.

Всё большую популярность в настоящем набирает искусство XXI века – Public Relations, подминая под себя пропаганду. В постсоветском обществе не понимают отличия между Public Relations и пропагандой, считая эти понятия тождественными. Поэтому в данной статье проанализируем основные сходства и отличия между политической пропагандой и Public Relations в сфере политики, а также покажем точки их соприкосновения. В исследовании будет рассмотрена их социально-политическая сторона.

Начнем с того, что сегодня государству недостаточно использовать пропагандистские методы в идеологической политике как внешней, так и внутренней. На помощь приходит более совершенное искусство – Public Relations, которое направлено не просто на голое манипулирование общественным мнением, а на достижение взаимопонимания между обществом и властью.

Нет ничего удивительного в том, что термин «Манипуляция» является зачастую первой негативной ассоциацией, возникающей с упоминанием понятий «Пропаганда» и «Public Relations». Казахстанская политологическая энциклопедия дает следующее определение этому понятию: «Манипулирование – целенаправленное воздействие некоторых слоев общества на социально-политическое поведение людей для создания требуемого им общественного мнения» [1]. Манипуляция большинством воспринимается как негативное воздействие на тот или иной объект, в данном случае, – на общество. Признавая наличие рационального зерна в этой точке зрения, всё же трудно согласиться с ней полностью, и, наверное, точнее будет отметить, что наряду с манипуляциями масс в тоталитарных государствах, пропаганду применяют и демократические режимы, имеющие в наличии множество примеров и возможностей манипулирования. И, в принципе, имеют в наличии необходимость применять манипуляции для управления массовым сознанием и поведением. Различия в этом подходе следующие: при использовании манипулятивных технологий, для пропаганды главным

становится достижение цели властной верхушки; для Public Relations – эффективное построение связей с общественностью, для того, чтобы между властью и обществом установилась обратная связь.

Разберемся с терминами «Public Relations» и «пропаганда».

Классическое определение PR предложено Сэмом Блэком в книге «Что такое PR?»: «PR – это искусство и наука достижения гармонии с внешним окружением посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности». Существует мнение, что данное определение не достаточно верно отражает реальность и является весьма идеалистичным. Действительно, далеко не всегда речь идет о взаимопонимании или, по крайней мере, это взаимопонимание где-то сродни убеждению, а уж о полноте информации говорить вообще не приходится, как раз, наоборот, об очень строгой ее избирательности.

Несколько иной акцент делает в своем определении Эдвард Бернейз, по его мнению, «PR – это усилия, направленные на то, чтобы убедить общественность изменить свой подход или свои действия, а также на гармонизацию деятельности организации в соответствии с интересами общественности и наоборот» [2]. Здесь речь идет не об абстрактных категориях взаимопонимания и сотрудничества, а о конкретных целях, интересах и способах их достижения.

Наиболее реалистичное определение, лишенное какой бы то ни было идеалистичности, мы находим в книге А.Н. Чумикова «Связи с общественностью»: «PR – это система информационно-аналитических и процедурно-технологических действий, направленных на гармонизацию взаимоотношений внутри некоторого проекта, а также между участниками проекта и его внешним окружением в целях успешной реализации данного проекта».

То есть от «искусства достижения гармонии» мы постепенно добрались до «системы информационно-аналитических и процедурно-технологических действий», а

точнее четкой продуманной деятельности с установленными правилами и процедурами.

Пропаганда же в свою очередь представляет собой целенаправленное и политически мотивированное убеждающее воздействие на общественные группы. С его помощью те или иные социально-политические идеи, взгляды и теории должны быть доведены до сознания каждого человека и оказать влияние на формирование его поведения в желательном направлении.

Политическая пропаганда является неотъемлемым атрибутом любого государства. Её главной целью становится донести до широких масс политическую, общегосударственную или единую идеологию плюс уважение к власти.

Согласно определению Г. Блуммера, «пропаганда может пониматься как умышленно спровоцированная и направляемая кампания с целью заставить людей принять точку зрения, настроение или ценность, и её особенность состоит в том, что, стремясь достичь эту цель, она не предоставляет беспристрастного обсуждения противоположных взглядов. Цель доминирует, а средства подчинены этой цели» [3].

Он отмечает, что первичной характеристикой пропаганды является попытка добиться принятия какой-то точки зрения не на основе её достоинств, а апеллирующей к каким-то иным мотивам. Именно эта черта делает пропаганду подозрительной. В сфере общественной дискуссии и общественного обсуждения пропаганда функционирует с целью формирования мнений и суждений не на основе достоинств данного предмета, а главным образом играя на эмоциональных установках и чувствах. Её цель – навязать некую установку или ценность, которая начинает восприниматься людьми как нечто естественное, истинное и подлинное и, таким образом, как нечто такое, что выражается спонтанно и без принуждения [4].

Здесь важно осознать, что пропаганда стремится вызвать скорее коллективное, чем индивидуальное действие. Таким образом, Блуммер понимает пропаганду как средство влияния на массы.

В пропаганде пытаются создать некое убеждение и добиться действия в соответствии с ним. Те, кто разделяет какое-либо убеждение, более расположены действовать сообща и оказывать друг другу поддержку.

С этой точки зрения всякий, кто проповедует какое-либо учение или стремится распространить какую-либо веру, является пропагандистом, т. к. его главной целью является не обсуждение достоинств, а насаждение убеждения. Ясно, что пропаганда, обладая таким характером, действует для того, чтобы положить конец дискуссии и рассуждению [5].

По мнению многих исследователей, имеется ряд правил, которые обычно применяются в пропаганде. Во-первых, конечно же, чтобы привлечь желаемую точку зрения или установку, необходимо привлечь к ним внимание людей. Во-вторых, объект, на который желательно обратить интерес, должен быть преподнесён в благоприятном и привлекательном свете, как, например, в Public Relations. В-третьих, образы, используемые для влияния на людей, должны быть простыми и отточенными. В-четвёртых, необходимо постоянное повторение лозунгов, призывов или представляемых образов. В-пятых, лучше всего не спорить, а просто твердить одно и то же вновь и вновь. Такая простая техника считается особенно эффективной применительно к большей массе людей, так как учитывает и использует закономерности массовой психологии.

Можно выделить три основных способа, которыми пропаганда, как правило, достигает своей цели:

1. Простая подтасовка фактов и предоставление ложной информации. Так как суждения и мнения людей формируются теми данными, которые им доступны, то, очевидно, что пропагандист, манипулируя фактами, скрывая одни и искажая другие, может максимально способствовать формированию какой-то определённой установки.

2. Использование модели «внутри группы и вне группы». Так как каждая из групп стремится воспитать установки преданности и альтруизма у своих членов и вселить в них резкие чувства ненависти и вражды к чужакам, то манипулятор с помощью пропаганды должен стремиться заставить людей отождествить его взгляды с их внутригрупповыми настроениями, а противоположные взгляды – с их внегрупповыми установками.

3. Использование эмоциональных установок и предрассудков, которыми люди уже обладают [6].

Пропаганда при диктаторских режимах в состоянии чёрное представить белым, а белое – чёрным, поскольку контрпропаганда или объективная информация совершенно недопустимы [7]. Однако в демократическом обществе дело обстоит несколько иначе. Здесь имеет место пример взаимной нейтрализации различных пропагандистских идей (хотя это и редкое явление). Но пропаганда совсем не является эффективной без наличия монополизации. Это заставляет сделать следующие выводы:

1. Можно провести различие между позитивной и негативной пропагандой, где первая осуществляется в интересах тех, кому адресована, а не ограничивается кругом заинтересованных лиц, и не преследует манипулятивных целей; а вторая создаёт иллюзорную реальность, пользуясь низкой критичностью внушаемостью масс с целью манипулирования ими в интересах узкой группы лиц.

2. Исходя из определения пропаганды, данного Блуммером и из вышесказанного – пропаганда в демократических режимах, в принципе, должна быть позитивной, но даже и в негативной форме, она не будет эффективной, т.к. уже в определении данного режима заключён плюрализм, и невозможно существование единой пропагандистской идеи, обладающей монополией [8].

Таким образом, из определений видно, что политическая пропаганда направлена на обеспечение легитимности режима, в то время как Public Relations на результативное существование государства вообще (существование власти и народа).

Для постсоветского человека пропаганда является атрибутом закрытого общества (монологичного, жестко цензурированного, агрессивного). И это самое распространенное представление о пропаганде, основанное на отголосках прошлого. Негативная сторона этого явления мешает сегодня власти открыто говорить о ней. Что является предпосылкой обмана населения подменой понятий: «пропаганда» – «поиск национальной идеи», «определение целей общества» и т.д.

Особенность пропаганды в том, что она может действовать и в закрытом обществе и в открытом, в то время как искусство связей с общественностью не реально без наличия открытого диалога власти и народа.

Пропаганда как механизм массового внедрения идей имеет некоторое сходство

с приемами воздействия Паблик Рилейшнз. Только некоторое – в части, например, эффективного использования СМИ, умелого применения PR-средств в конкретных пропагандистских ситуациях (часто связанных с политической рекламой).

Коренное же отличие пропаганды и Паблик Рилейшнз состоит в их различном отношении к государственному регулированию рынка и общественных отношений. Тоталитарное государство, централизованное управление экономикой – идеальная среда для мощного развития пропаганды, насильственного внедрения в массовое сознание единых идей и официальных учений [9]. Пропаганда в этом варианте выступает в виде варианта «жесткой» коммуникации, который естественно противостоит паблик рилейшнз как варианту «мягкой» коммуникации. Но там, где пропаганда реализуется в «мягком» варианте, она находит много точек соприкосновения с паблик рилейшнз.

Стратегии политической пропаганды предназначены для превращения индивидов в толпу и вовлечения их в определённую деятельность. Пропаганда предполагает наличие массовой аудитории, прочно ориентированной на определённые стереотипы. В то время как Public Relations работает непосредственно с гражданским обществом [10], действуя в основном на сознание.

Пропаганда в большинстве случаев действует, используя манипулятивные методы, применяемые в монологичном обществе. Конечно, и Искусство связей с общественностью использует манипуляции, но в отличие от пропаганды оно занято построением диалога с обществом. О полезности пропаганды имеет свое представление именно «узкий круг лиц», который её формулирует и направляет. Public Relations главной целью ставит служить интересам общественности в первую очередь, а затем уже той или иной организации или тем или иным лицам. То есть Public Relations мы сравниваем с честным искусством. В то время как пропаганда лишь орудие в руках управленцев.

Public Relations в своей деятельности лишь частично прибегает к методам пропаганды. Пропаганда может изменять факты или даже фальсифицировать их. Public Relations придерживается мнения о том, что любые факты можно грамотно преподнести и не нужно их искажать.

Конечно, я не призываю отказаться от пропаганды в пользу Public Relations. Это было бы несколько поспешно и самонадеянно.

В пропаганде есть свои плюсы:

– она никогда не подействует на общество, если не будет необходимости в пропагандистских идеях;

– пропаганда в большинстве случаев направлена на консолидацию общества, что является важным условием существования любого государства;

– пропаганда является той лакмусовой бумажкой, которая выявляет выбор народа относительно власти;

– пропаганда – механизм внедрения и осуществления общегосударственных идей.

И в пропаганде, и в PR есть опора на *этнопсихологические характеристики*, которые задают специфические для данной аудитории модели поведения. Нельзя также разграничить эти две области, как это делают некоторые исследователи, отдавая публик рилейшнз долговременные цели, а пропаганде — кратковременные. Ведь пропаганда может иметь и вполне долговременные задачи [11].

Американский исследователь Ф. Джефкинс говорит, что пропаганда направлена на то, чтобы удержать правительство у власти, в то время как публик рилейшнз на то, чтобы его действия были понятными и правильными. Тут явно присутствует разграничение как бы по «благородству» целей.

Более того, для Public Relations и для пропаганды возможны серьезные точки соприкосновения и с искусством. Как пишет исследовавший данную проблему американец Тоби Кларк: «Средства создания идеологического сообщения практически безграничны: архитектура, театр, музыка, спорт, одеж-

да, прическа могут выражать политические взгляды, как и показ насилия в виде сожжения книг, самоубийства и терроризма. Воздушная бомбардировка гражданских лиц, которая стала рутинной характеристикой современной войны, часто может трактоваться как коммуникативное действие, а не военное» [12]. Т.е. форма выражения в ряде случаев может заслонять реальное содержание, будучи более важным моментом воздействия.

Мы видим, что набор отличий между Public Relations и пропагандой не столь четок, как хотелось бы. И тот, и другой инструментариум направлен на массовую аудиторию, и тот, и другой представляет собой вариант интенсивной коммуникации. Кстати, характеристика открытый – тайный не является столь явной для различения. Ведь содержание листовки, предназначенной противнику вполне открыто, а вариант размещения своего сообщения в структуре новостей, что является заслугой как раз публик рилейшнз, с этой точки зрения является сокрытием реального источника этого сообщения. Феномен близости объясняется притоком в публик рилейшнз специалистов как раз из сферы пропаганды. У американцев это произошло после Первой мировой войны, у британцев — после Второй, а в СНГ с развалом Советского Союза.

В заключение хотелось бы сделать и такой вывод. И Public Relations, и пропаганда необходимы обществу также как политика государству. А вернее они являются частью внешней и внутренней политики последнего. Общее в них то, что они служат обществу и являются его неотъемлемыми механизмами управления, искусное использование которых приведет лишь к процветанию государства.

Литература

1. Казахстанская политологическая энциклопедия. – Алматы: КазГУ им. Аль-Фараби, 1998.
2. Bernays E. Public Relations. – Norman: University of Oklahoma Press, 1952.
3. Блуммер Г. Коллективное поведение // Сборник «Психология масс». – Самара, 1998, с. 562.
4. Там же, с. 562.
5. Там же, с. 562-563.
6. Бахтуридзе З. Манипуляция массами в политическом процессе. – М.: «Ваклер», 2000.
7. Желев Ж. Фашизм – М., 1991, с. 233.
8. Блуммер Г. Коллективное поведение // Сборник «Психология масс». – Самара, 1998, с. 563.
9. См.: Почепцов Г. Публик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. – М.: Центр, 1998.
10. Гражданское общество – это такое общество, где главным действующим лицом и субъектом исторического процесса является человек со всей системой его потребностей, интересов и ценностей.
11. См.: Почепцов Г. Указ. соч.
12. Там же.

CENTRAL ASIA AND THE NEW GLOBAL ECONOMY. / ED. BY B.RUMER. – ARMONK, NEW YORK, LONDON: M.E.SHARP, 2000. – XI + 288 PP.

Экономический характер носит увидевший в прошлом году в Гарвардском университете коллективный труд «Центральная Азия и новая глобальная экономика» под ред. Б. Румера. Это издание является продолжением уже увидевших свет в этой серии книг «Центральная Азия в транзитной стадии» (1986) и «Центральная Азия: вызовы независимости» (1998). Авторы последней книги освещают следующие проблемы: экономический кризис в регионе и растущие внутрирегиональные противоречия, экономическое развитие Центральной Азии в 1990-е гг., основные проблемы перехода к рыночной экономике, адаптация экономик региона к процессам глобализации, внешнеэкономические связи, последствия вступления в ВТО для Казахстана и Узбекистана, отношения Центральной Азии со странами АТР и среднесрочные перспективы развития экономики региона.

Авторы исследования считают, что экономики стран Центральной Азии в 90-е годы одновременно испытывали влияние двух процессов: перехода от командной социалистической системы к рыночным отношениям и установления институтов политической демократии. Основным содержанием этого процесса был отход от регионального единства экономик региона к региональной конфронтации (конкуренции). Этот процесс повлек за собой серьезные социальные и политические последствия. Параллельно создавался миф о региональном единстве, под который строились различные региональные институты, носившие декоративный характер. За их фасадом происходили настоящие конфликты между республиками региона, которые включали в себя торговые войны (введение таможенных барьеров и тарифов), транспортные конфликты, газовые удавки, борьбу за водные ре-

сурсы, которые, в конце концов, вылились в политическую конфронтацию, в основе которой лежали не только внутрирегиональные противоречия, но и различные внешнеполитические ориентации государств региона.

В отношении использования ресурсов Каспийского моря авторы подходят с точки зрения трех неизвестных: во-первых, неизвестно, насколько велики запасы углеводородов; во-вторых, до сих пор неизвестно, как и какими путями будут доставляться эти ресурсы к потребителям; в-третьих, непонятно, откуда прикаспийские страны возьмут необходимые инвестиции для добычи нефти и газа и главное – для строительства трубопроводов. В целом каспийский вопрос представляет собой узел из трех неразрешимых проблем – политической, экономической и экологической.

По мнению авторов, внешняя политика Казахстана является балансированием между тремя полюсами – Москвой, Пекином и Вашингтоном. При этом казахстанско-китайские отношения они характеризуют как «трения за фасадом дружбы», казахстанско-российские как «ни вместе, ни отдельно», а казахстанско-американские как «то вверх, то вниз».

Большое внимание в книге уделяется политике Узбекистана и личности его лидера И.Каримова. Авторы связывают между собой личностный фактор и персональные особенности Каримова с созданной им системой. Отмечаются его скромность (относительная), воля и интеллект. Именно эти качества способствовали и были востребованы практикой строительства узбекской модели «государственного капитализма». У авторов не вызывает сомнений, что режим Каримова является авторитарным. Однако на практике провозглашенные Каримовым цели остаются не

более чем декларациями. Это относится к демонаполизации (на деле государство осталось крупнейшим монополистом, регулирующим курс национальной валюты), развитию частного предпринимательства на уровне малого и среднего бизнеса (в реальности доля МСП упала с 11% до 6,5%; налоги, достигающие 70%, душат частный сектор), провозглашенному курсу на более чем трехкратный экономический рост в течение пяти лет (фактически, произошло драматическое падение производства и соответственно уровня жизни населения), борьбе с инфляцией (провозглашено достижение уровня инфляции от 6 до 8%, в реальности она выросла на 500%). В настоящее время экономическая политика Ташкента, как считают авторы, сталкивается с двумя основными проблемами, без решения которых невозможен выход их кризиса: 1) государственное вмешательство в экономику и особенно конвертацию валюты; 2) неблагоприятный платежный баланс и рост внешней задолженности. Кризис по выплатам внешних долгов и их обслуживанию наступит, по их прогнозам, в 2004-05 гг.

Внешняя политика Ташкента включает в себя две основные цели: борьбу с исламскими радикалами и установление доминирования Узбекистана в регионе. В отношении первой цели Каримову удалось добиться поддержки Вашингтона, Москвы и Пекина. В то же время он испортил к 1999 г. отношения с Ираном и Турцией. Авторы сомневаются, что Узбекистан сможет самостоятельно справиться с исламской угрозой. «Если российские войска уйдут из региона, то кем их можно заменить?» – резонно вопрошают авторы. НАТО отпадает, остаются Китай, Иран, Пакистан и Турция. Политическая и экономическая слабость Узбекистана делает достижение регионального лидерства Ташкентом мало достижимой мечтой.

Авторы делают попытку выделить основные проблемы государств Центральной Азии в экономической сфере, с которыми они столкнулись в период независимости. Эти проблемы они представляют как типичные для всех стран региона, хотя Казахстан можно было бы поставить особняком. К ним относятся консервация правящих режимов, «примитивизация» эконо-

мик, упор на природные ресурсы как на основной источник экономического роста, отсутствие рационального подхода к индустриальному сектору, недостаток национальных инвестиций в стимулицию экономического роста, растущие ограничения возможностей привлечения иностранных инвестиций, диспропорции платежного баланса, рост внешнего долга, некомпетентность в реформировании аграрного сектора, использование сельского хозяйства в качестве «донора» других отраслей экономики, чрезмерная зависимость от импорта.

По прогнозу авторов, Кыргызстан и Таджикистан столкнутся с жестоким экономическим кризисом к 2002-03 гг.; Туркменистан, конечно, не достигнет процветания, но экспорт газа, возможно, поможет ему более или менее стабилизировать социально-экономическое положение; если руководство Узбекистана будет придерживаться прежнего курса и не перейдет к реальным рыночным реформам, то он сможет преодолеть стагнацию экономики и вернуться на путь стабильного экономического развития. Казахстан с 1999 г. демонстрирует рекордные уровни экономического роста, хотя авторы выражают опасение, что резкое падение цен на нефть может в одночасье уничтожить процветание казахстанской экономики.

В данном исследовании большой интерес представляют среднесрочные перспективы будущего экономического развития Центральной Азии к 2015 г. По мнению авторов, важным фактором экономического развития станет демографический: основной вопрос состоит в том – удастся ли государствам региона к 2015 г. удерживать доход на душу населения на уровне 1995 г., или им удастся вернуться к более высокому – уровню 1990 г. На этом пути наиболее высокие темпы продемонстрировали Кыргызстан (5,35-5,8%) и Казахстан (4,35-5,4%), далее следуют Туркменистан (4,75%) и Узбекистан (3,9%). К 2010 г. Казахстан будет производить до 76 млн. тонн сырой нефти в год. Уровень экономического роста Казахстана составит 5-6% в год. В аграрной сфере, как указывает тенденция второй половины 90-х гг., в ближайшие пять лет Казахстан ждет массовое сокращение поголовья скота.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что к 2015 г. только два государства региона – Казахстан и Узбекистан могут надеяться на возвращение к уровню жизни, сравнимому с периодом начала 90-х гг. Другими словами, им понадобится четверть века, чтобы справиться с последствиями трансформации экономики и транзитного периода. Авторы пытаются найти аналоги, т.е. страны, находившиеся длительное время в депрессивном или полу-

депрессивном состоянии, в мировой экономике для центральноазиатских республик: в отношении Узбекистана таким аналогом является Алжир (2,1%), а в отношении Кыргызстана – это Монголия (2,6%). Общая сумма информации экономического, политического и социального характера позволяет им назвать ситуацию в Центральной Азии как «контролируемая деградация» или «депрессивная стабилизация».

М.Лаумулин

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (WORD, EXCEL).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку, Автор (Ф. И. О.), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

Фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

SUMMARY

Article: «**THE INTERESTS AND POLITICS OF THE EUROPEAN UNION IN CENTRAL ASIA AND CASPIAN REGION**»

Authors: *M. Laumulin*, a First Secretary of the Embassy of Kazakhstan to Germany, Candidate (Ph.D) of History, *T. Seifullina*, Research officer of Economical Security Department, Candidate (Ph.D) of Geographical sciences.

Most studies of the post-Soviet states in Central Asia have focused on the role the major powers like the United States, Russia, and China, but have given relatively little attention to Western Europe. But the latter has a great stake in what happens to areas like the Caspian and Central Asia, not only because of their much-publicized natural resources (above all, hydrocarbons), but also because the region is also the center of the narco-business and the source of religious terrorism and extremism. This essay seeks to include the Europeans into this discourse, all the more because Europe itself has come to recognize its interest in the fate of Central Asia—its resources and its perils. The primary focus is Germany, which has increasingly come to assert leadership and to engage in a serious analysis of the Central Asia problem. How this new concern about Central Asia fits into the larger processes of European integration, how it impacts European relations with powers like the United States and Russia, and how Europe has sought to balance diverse, even contradictory, interests—these issues constitute the main focus of the present essay.

Article: «**COUNTRIES OF CENTRAL ASIA IN THE MODERN WORLD**»

Authors: *L. Fridman*, Prof. of the Institute of Countries of Asia and Africa under MSU named after M. Lomonosov, Doctor of economics, *M. Vidyasova*, Prof. of the Institute of Countries of Asia and Africa under MSU named after M. Lomonosov, Doctor of history

The article presents an estimation of economic parameters of the development of the countries of Central Asia and economic disproportions between the separate states of Central Asia that had been set up in the Soviet period as well as in the last ten years. The authors argue that the development of a real course in foreign and internal policy of the countries of Central Asia requires an objective estimation of their real opportunities, first of all that of quantitative characteristics of economic and military potential of these countries, therefore authors focus their attention on the analysis of the up-to-date economic situation of the countries of Central Asia. (Conclusion)

Article: «**THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF INDIA**»

Author: *L. Yerekeshova*, expert of the Center of foreign policy and analysis

The article covers the situation in Indian IT sector as an important sphere and a part of the economic reforms in the country. The author discusses the reasons and history of the development of IT sector in 80-90s, as well as the current situation and challenges this sector faces today. The author concludes that the government gives a high priority to the growth of IT in order to become the self providing and compatible country. In the new geopolitical environment and multi polar world the economic development based on IT could lead to the further political growth of India.

Article: «**FORMATION OF EFFECTIVE GEOPOLITICAL SECURITY OF KAZAKHSTAN**»

Author: *B. Zhusipov*, research fellow of the Philosophy and Political Science Institute, Candidate of Political Science

Desay USSR and state of exercising sovereignty of former Soviet republics have spotted new character of a geopolitical situation all over the world, and specially on territory postsoviet's space. The configuration of the intergovernmental rations and in the Central-Asian locale has varied. The geographical position of independent Kazakhstan on an intersection of concerns of the carrying on regional mandatory powers has predetermined necessity of creation of the foreign-policy concept, adequate to this median status. Kazakhstan, as for a sovereign state, should have own policy, right, freedom of choice of priorities and allies on safety.

Article: «**TRIBALISM IN KAZAKHSTAN**»

Author: *T. Umbetaliyeva*, Academic Secretary, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

In the article the author reviews the tribalism phenomenon, which has been taking place in Kazakhstani community. Each researcher shares his/hers own ideas. Based on this, the researcher draws a conclusion that «tribalism» phenomenon has got a collective sense. Its essence is combined in mixing of tribal structure of the society with the function of the state operators. The author distinguishes three aspect of tribalism i.e. historical, political and social. According to the author in Kazakhstan there are evidently displayed social, historical and cultural aspects. Whereas, a political aspect is not observed.

Article: «**ABOUT SOME KAZAKHSTANI POLITICAL MODERNIZATION PECULIARITIES**»

Author: *S. D'achenko*, MP of Kazakhstan

Following the author's thought, Kazakhstani transfer period will take quite a long time. During that period, democratic socialization, including economical, political and spiritual development phases will be implemented.

Article: «**YOUTH DEVELOPMENT TENDENCIES IN KAZAKHSTAN**»

Author: *N. Mustafayev*, Leading Research Fellow, Department of the Internal Policy, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The article analyses youth number dynamic in population structure, age structure of ethnic groups, ethnic structure of youth, their participation in village-town migration, evolution of youth values, political orientations, positive and negative tendencies of youth development in Kazakhstan.

Article: «**LAW AND SOCIAL PROTECTION OF THE YOUTH: WAYS OF JUVENAL SERVICE IN KAZAKHSTAN**»

Author: *N. Kalashnikova*, Consult of the of Information and Analytic Center under the Parliament of RK

The subject of the article is actual and presents great interest for social and law foundation of the problem of teenagers and youth. To develop the subject there analyses standards and law acts of Kazakhstan regulating rights and guarantee of youth and teenagers. International experience possibilities of law foundations of other states in juridical activity to protect children as well as international duties to accommodate their own law in accordance with Convention of the right of children have been studied and used in the article.

Article: «**THE PENSION REFORM OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS, CONTRADICTIONS, PERSPECTIVES**».

Author: *K. Tulepbaev, Head of Credit administration sector of the Departement on work with corporations of open joint-stock society «NB», Candidate of Political Science*

The reform of the pension system, launched on January, 1, 1998, and development of non-state accumulation pension funds in Kazakhstan have achieved certain progress.

The process of working out reform's legal and organization forms as well as adequate fiscal mechanisms turned up more complicated that it had been predicted several years ago.

Article: «**FUEL AND ENERGY COMPLEX OF KAZAKHSTAN: CURRENT SITUATION, PROBLEMS, AND SOLUTIONS**»

Author: *S. Smirnov, Research officer of Economical Security Department*

According to the author, the situation in energy complex of Kazakhstan is in a trouble. In all parts of the complex the following negative changes are occurring:

- Export of raw oil is rising together with the decrease in the production of oil materials
- Oil inventory becomes obsolete, while exploration of new oil recourses is not taking place
- Technological capacity in the complex is vanishing

In the article, the dynamic of power providers is shown in details.

Article: «**MIGRATION PROCESSES AND SOME ASPECTS OF SOCIAL SECURITY IN COUNTRIES EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY**»

Author: *R. Zhalimbetova, Counselor of the Social-Labor Department, Integration Committee Eurasian Economic Community*

The article regards the peculiarities of migration processes in countries Eurasian Economic Community (EAEC). The problems of migration are closely connected not only with demography, labor market, trade, economic development, human rights, but surrounding environment, outward policy, security. The offer material discloses the migration situation in this countries and social consequences. The labor and illegal migration and problems of their decision are especially pointed. Labor migration takes are special place in amortization of economic problems of migrating family. The gender and foreign labor forces problems are considered from the position of labor market. We need to work out the model of migration processes and to give rite reaction to situation in this countries EAEC. And this way we achieve the stability and the required level of security protecting national interests countries EAEC.

Article: «**PECULIARITIES OF POLITICAL TRANSIT IN POST TOTALITARIAN COUNTRIES**»

Author: *M. Ashimbayev, Head, Analytical Center of the Security Council of Kazakhstan; Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan*

The article reviews problems of political transit in post totalitarian countries. The author analyzes the differences of post totalitarian transit from post authoritarian transit. As well as distinguishes distinctive peculiarities of post-totalitarian transit in CIS countries. The common problem of all CIS countries under their transit from totalitarianism to democracy is poor progress of civil society.

Article: «**MODERN PSYCHOLOGICAL METHODS OF INFLUENCING ON HUMAN CONSCIOUSNESS**»

Author: *J. Birzhanova, research fellow of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan*

The paper is dedicated to modern methods of psychological influencing. The special notice is given to modern subliminal techniques of affecting. In concluding the project of diagnosis relating to a state of Kazakhstan is information space is being presented.

Article: «**PUBLIC RELATIONS BOTH PROPAGATION: DIFFERENCE AND LIKENESS**»

Author: *O. Khalabuzar, Head specialist of Public Relations Department of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan*

The paper is dedicated to the basic ideological instruments of the state: Public Relations and propagation. Namely in it(her) the analysis to a likeness and difference of political propagation and Public Relations in sphere of policies is given. The aspect of handling as the indispensable phenom in control by company is reviewed.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Журнал Казахстан-Спектр
№ 3 (17), 2001

1. **Ашимбаев Маулен Сагатханович** – заведующий Аналитическим центром Совета безопасности РК, директор КИСИ при Президенте РК
2. **Биржанова Жаннат Амантаевна** – научный сотрудник КИСИ при Президенте РК
3. **Видясова Мария Федоровна** – профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор исторических наук
4. **Дьяченко Сергей Александрович** – депутат Мажилиса Парламента РК
5. **Ерекешева Лаура Гибратовна** – эксперт Центра внешней политики и анализа
6. **Жалимбетова Роза Балтабаевна** – советник Главного управления социально-трудовых отношений Интеграционного Комитета Евразийского экономического сообщества, кандидат экономических наук
7. **Жусипов Бахыт Сайлаубаевич** – научный сотрудник Института философии и политологии МОН РК, кандидат политических наук
8. **Калашникова Наталья Павловна** – консультант Информационно-аналитического центра Парламента РК
9. **Лаумулин Мурат Турарович** – первый секретарь Посольства Республики Казахстан в Федеративной Республике Германия, кандидат исторических наук
10. **Мустафаев Нуртай Идиянович** – ведущий научный сотрудник отдела внутренней политики КИСИ при Президенте РК
11. **Сейфуллина Токжан Амангельдиевна** – научный сотрудник КИСИ при Президенте РК
12. **Смирнов Сергей Леонидович** – старший научный сотрудник КИСИ при Президенте РК
13. **Тулепбаев Куат Муратович** – начальник отдела кредитного администрирования Департамента по работе с корпорациями ОАО «Народный Банк Казахстана», кандидат экономических наук
14. **Умбеталиева Толганай Буденовна** – ученый секретарь КИСИ при Президенте РК
15. **Фридман Леонид Абрамович** – профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор экономических наук
16. **Халабузарь Олеся Петровна** – сотрудник КИСИ при Президенте РК

**КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ
ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (КИСИ)**

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. За семь лет работы Институт приобрел общественное признание, зарекомендовав себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС, государствами СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает два периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр» и информационно-аналитический журнал «Analytic», в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан.

КИСИ открывает свой информационно-аналитический сайт в Интернете.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.